

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Философия. Социология.
Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology.
Art Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series

Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of culture

Goals of the journal: Representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art studies – Alexander V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значения и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

DeBardleben Joan, Dr. of Sci. (Politics), professor, director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Politics), professor, head, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N. (deputy chief editor), Dr. of Sci. (Sociology), professor of the Department of Political Sociology, dean, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, head, Department of History of Foreign Philosophy, dean, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Department of Cinema and Modern Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A. (deputy chief editor), Dr. of Sci. (Philology), professor, dean, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts

Markov Alexander V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I. (deputy chief editor), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shteyn Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executive editors:

AI. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

OV. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

AV. Markov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель:

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. ДеБарделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр Ежи, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- А.И. Резниченко*, д-р филос. наук, проф., РГГУ
О.В. Китайцева, канд. социол. наук, доц., РГГУ
А.В. Марков, д-р филол. наук, доц. РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

- Владимир П. Филатов*
Существует ли интерсубъективность на уровне восприятия? 12
- Федор А. Докучаев*
Преодоление апории времени
во «Времени и рассказе» Поля Рикёра. Часть I 20
- Ольга Ф. Иващук*
Государство как инструмент солидарности 31
- Дарья М. Дорохина*
Теория искупления в религиозной философии С. Франка
и Ф. Розенцвейга 42
- Нада М. Марджи*
«Это не искусство»: М. Фуко в поисках новых граней
художественной семантики 54

Искусствоведение

- Юлия С. Мерещкая*
«Римский кружок»: влияние немецкого формализма
на педагогический метод А. Ажбе 66
- Мargarита А. Митник*
Экспонирование осветительных приборов:
искусствоведческие принципы музейных решений 76
- Сергей А. Филиппов*
Перцепция и рецепция в теории искусства 87
- Сергей Ю. Штейн*
Методологическая деаккумуляция знаний в искусствоведении 98

Социология: теоретические и эмпирические исследования

- Наталья М. Великая*
Партийная система современной России:
институциональные рамки и общественная легитимация 108

<i>Марина Б. Буланова, Валерий В. Костенко</i> NEET-молодежь: протестный потенциал и реальность	120
<i>Дарима Г. Цыбикова</i> Глобальные тренды исследовательской индустрии и требования к специалистам	130
<i>Ирина В. Василевская</i> Трудовая миграция из Беларуси в Россию в условиях развития межгосударственных интеграционных отношений	141
<i>Андрей А. Хохлов</i> Политизация религиозных сообществ и проблемы межкультурного взаимопонимания в постсекулярной России	153

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

- Vladimir P. Filatov*
Is there intersubjectivity at a perceptual level? 12
- Fedor A. Dokuchaev*
Overriding an aporia of time in Paul Ricoeur's "Time and Narrative"
Part One 20
- Olga F. Ivashchuk*
The state as an instrument of solidarity 31
- Daria M. Dorokhina*
The theory of redemption in the religious philosophy of S. Frank
and F. Rosenzweig 42
- Nada M. Marji*
"This is not an art": Michel Foucault and new edges of semantics in art 54

Art Studies

- Yulia S. Meretskaya*
"Roman Circle": German formalism influence
on the Anton Ažbe's pedagogical method 66
- Margarita A. Mitnik*
Lighting exhibiting. The art history principles of museum solutions 76
- Sergei A. Filippov*
Perception and reception in the theory of art 87
- Sergey Yu. Schtein*
Methodological deaccumulation of knowledge in art studies 98

Sociology: theoretical and empirical researches

- Nataliya M. Velikaya*
Party system of modern Russia: institutional frames
and public legitimization 108

<i>Marina B. Bulanova, Valery V. Kostenko</i> NEET-youth: protest potential and reality	120
<i>Darina G. Tsybikova</i> The research industry global trends and the requirements for specialists	130
<i>Irina V. Vasilevskaya</i> Labour migration from Belarus to Russia in conditions of development in the interstate integration relations	141
<i>Andrey A. Khokhlov</i> Politicization of religious communities and issues of intercultural understanding in post-secular Russia	153

УДК 12

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-12-19

Существует ли интерсубъективность на уровне восприятия?

Владимир П. Филатов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, toptiptop@list.ru*

Аннотация. Интерсубъективность восприятия является важным аспектом общей проблемы интерсубъективности. Приводятся аргументы за и против интерсубъективности перцептивного опыта людей, существующие в когнитивной психологии и в философии сознания. Существует ряд когнитивных механизмов, обеспечивающих интерсубъективное восприятие людьми окружающего мира. В социальных взаимодействиях «взаимность перспектив» восприятия принимается как само собой разумеющийся феномен. В раннем детстве формируется способность к совместному вниманию и «принятию чужой точки зрения». Вопрос о интерсубъективности визуального опыта обсуждается в связи с тезисом «прозрачности» сознания. Сходство качественных характеристик феноменального опыта («квалиа») рассматривается в связи с цветовым восприятием. Восприятие является базисной модальностью сознания, и без интерсубъективности на этом уровне вряд ли можно было обсуждать проблему знания о «другом сознании» и иные вопросы, связанные с интерсубъективностью феноменов коммуникации и культуры.

Ключевые слова: интерсубъективность, перцептивный опыт, совместное внимание, квалиа, прозрачность сознания, инверсия цветового спектра

Для цитирования: Филатов В.П. Существует ли интерсубъективность на уровне восприятия? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 12–19. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-12-19

Is there intersubjectivity at a perceptual level?

Vladimir P. Filatov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, topt iptop@list.ru*

Abstract. Intersubjectivity of perception is an important aspect of the general issue of intersubjectivity. The arguments pros and cons for the intersubjectivity of the people perceptual experience, provided in cognitive psychology and in the philosophy of consciousness, are presented. There are a number of cognitive mechanisms that ensure intersubjective perception of the surrounding world by the people. The “reciprocity of perspectives” of perception is taken as a matter of course for social interactions. At an early age, the ability for joint attention and “adopting stranger’s point of view” is formed.

A matter of the visual experience intersubjectivity is discussed in presumption of the consciousness “transparency”. The similarity of qualitative characteristics of phenomenal experience (“qualia”) is considered in relation to color perception. The perception is basic modality of consciousness, and avoiding intersubjectivity at this level it could hardly be possible to discuss an issue of knowledge on “another consciousness” and other issues related to intersubjectivity of the phenomena of the communication and culture.

Keywords: intersubjectivity, perceptual experience, joint attention, qualia, transparency of consciousness, color spectrum inversion

For citation: Filatov VP. Is there intersubjectivity at a perceptual level? *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;1:12-19. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-12-19

Введение

Проблема интерсубъективности обычно обсуждается в контексте знания о «другом сознании». Поскольку ментальные состояния «другого Я» непосредственно не наблюдаются, такое знание трактуется как получаемое в результате тех или иных мыслительных процедур. Это может быть вывод по аналогии или же, в более современных формулировках, «теория другого сознания». Я же хочу показать, что интерсубъективность возможна уже на перцептивном уровне. Это представляется важным, поскольку восприятие является базисной модальностью сознания, и если интерсубъективности не было бы на этом уровне, то вряд ли можно обсуждать иные ее формы. За основу здесь можно взять достаточно широкое определение интерсубъективности, которое есть в нашей академической энциклопедии: «Интерсубъективность – свойство опыта о мире различных субъектов, связанное с объективностью, незави-

симостью этого опыта от личностных особенностей и ситуаций. Проблема интерсубъективности возникает как попытка ответить на вопрос, как индивидуальное сознание выходит к опыту другого «Я» и через это – к универсальному горизонту опыта» [1 с. 135]. Нетрудно видеть, что вопрос об интерсубъективности содержит два аспекта: интерсубъективность опыта о мире различных индивидов и проблему знания о «другом сознании». Наш опыт о мире – это прежде всего перцептивный опыт, то есть восприятие обычных окружающих нас вещей и их качеств, включая и тела других людей. В проблеме «другого сознания» интерсубъективность такого опыта обычно подразумевается как нетематизируемая предпосылка. Между тем этот аспект интерсубъективности требует отдельного анализа и обоснования.

Видеть с другой точки зрения

А. Шюц в рамках феноменологической социологии начинает анализ интерсубъективности именно с перцептивного уровня, с тезиса о взаимности перспектив [2 с. 14–15]. Каждый человек воспринимает различные объекты окружающего мира с определенной точки зрения («здесь») и в определенном аспекте. Однако мы считаем само собой разумеющимся, что если Я и Другой поменяются местами, то Другой с точки «здесь» будет видеть объекты так, как их видел Я, а Я буду видеть с его точки «там», как их видел Другой. Поэтому мир в естественной установке повседневного сознания, по Шюцу, изначально предстает как интерсубъективно доступный и воспринимаемый всеми нормальными людьми одинаково. Нужно подчеркнуть, что интерсубъективное восприятие не дано от рождения. До определенного возраста дети не способны встать на точку зрения другого человека и воспринимают мир эгоцентрично. Это показали исследования Ж. Пиаже с позиций генетической эпистемологии. Он изучал «принятие чужой точки зрения» в известном эксперименте с моделью «трех гор» [3 р. 211]. На стол перед ребенком ставилась модель из трех гор разных размеров и окраски. С разных ракурсов эти горы выглядят по-разному, частично заслоняют друг друга. Ребенок обходил эту модель несколько раз, затем садился перед ней, а напротив него помещали куклу. После этого ребенку показывали 10 фотографий этих гор, сделанных с разных позиций, и просили выбрать ту картинку, которую видит кукла. Выяснилось, что 4-летние дети всегда выбирают картинку того, что они видят перед собой. И лишь 7-летние дети указывают на фото, соответствующее точке зрения куклы. В проблеме интерсубъективности восприятия интересен и важен также феномен

совместного внимания – умения смотреть туда, куда смотрит кто-то еще [4]. Интерес к изучению совместного внимания восходит к работам Л.С. Выготского, который рассматривал высшие психические функции как разделенные между людьми [5]. Такое совместное зрительное внимание формируется довольно рано, уже на первом году жизни ребенка, а к полутора годам дети могут точно локализовать предметы, прослеживая направление взгляда матери. Совместное внимание многие исследователи рассматривают как первый шаг к формированию интерсубъективного опыта человека. Но этот феномен важен и для взрослых людей в общении и в ситуациях коллективных действий.

Интерсубъективность и квалиа

Можно привести еще немало доводов в пользу интерсубъективности восприятия, они есть и в нейрофизиологии, и в эволюционной эпистемологии. Однако даже при учете таких аргументов остается проблема субъективного характера перцептивного опыта. Этот опыт дан каждому «в перспективе первого лица» (Л. Витгенштейн), при этом он обладает качественными феноменальными характеристиками, которые в современной философии сознания называют «квалиа». Это, например, цвета предметов, тона звуков, оттенки запахов – как мы их воспринимаем. Как известно, проблеме онтологического статуса квалиа Д. Чалмерс назвал «трудной проблемой». Но и в эпистемологическом плане она непроста. Никто из нас не может увидеть мир глазами другого человека. Как выражается Д. Деннет, у нас нет «квалиа-кабеля», связывающего наши сознания. Еще неопозитивисты Венского кружка считали, что нет способа верификации суждений о тождестве квалиа у разных людей. Скорее всего в этом они правы, но это не значит, что эта проблема лишена значения, как полагал М. Шлик и его коллеги, и что ее не стоит обсуждать. Если бы содержание нашего перцептивного опыта сводилось бы только к реальным объектам и их свойствам, то вопрос о тождестве или интерсубъективности, скажем, визуального опыта разных людей был бы проще. Такая позиция обсуждается в современной философии в связи с тезисом «прозрачности» сознания. Истоки последнего обычно находят в статье Дж. Мура «Опровержение идеализма», опубликованной в 1903 г. Анализируя перцептивный опыт, английский философ отмечал: «как только мы пытаемся фиксировать свое внимание на сознании и рассмотреть *каково* оно, оно словно исчезает – как если бы перед нами была просто пустота. Когда мы пытаемся всмотреться с помощью интроспекции в ощущение синего, все, что мы можем

увидеть, – это синее: другой элемент как бы прозрачен» [6 с. 262]. Американский философ Г. Харман воспроизводит тезис прозрачности в более яркой форме:

Когда вы смотрите на дерево, вы не воспринимаете какие-либо его черты как внутренние черты вашего опыта. Посмотрите на дерево и постарайтесь обратить ваше внимание на внутренние особенности вашего визуального опыта. Я предсказываю, что вы обнаружите, что единственными объектами, на которые вы обратите ваше внимание, будут те или иные черты самого дерева [7 р. 39].

Нетрудно увидеть, что тезис прозрачности можно использовать как основу для отстаивания позиции прямого реализма в трактовке восприятия, что и делают некоторые современные философы [8]. Если же принять эту позицию, то проблема интересубъективности восприятия решается сравнительно легко, например так, как она решалась А. Шюцем в рассмотренной выше концепции взаимности перспектив. Хотя люди воспринимают различные вещи окружающего мира со своих точек зрения и в особых аспектах, последние взаимозаменяемы, и мир предстает в их опыте как интересубъективный. Однако большинство специалистов по философии сознания считают, что качественные составляющие перцептивного опыта (квалиа) субъективны и всегда сопровождают объективное содержание опыта, «супервентны» на нем. Поэтому вопрос о их сходстве у различных субъектов не может быть решен в духе прямого реализма.

Парадигмальным предметом в обсуждении интересубъективности качественных состояний сознания является восприятие цветов. Сначала здесь стоит сослаться на эмпирические факты. Существуют значительные отклонения от нормы в восприятии цветов, например дальтонизм. Но любопытно, что Джон Дальтон (великий ученый, один из основателей атомизма в химии), впервые описавший это явление на собственном опыте, до достаточно зрелого возраста не подозревал, что его цветовой опыт отличается от опыта окружающих людей. Он обнаружил, что с его зрением что-то не так, когда немного увлекся ботаникой и не мог, в отличие от других людей, отличить голубые цветочки от розовых. В последние десятилетия в рамках кросс-культурной психологии проведены различные исследования по кодированию и категоризации цветов представителями разных культур [9 с. 211–212]. Они проводились в свете гипотезы «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа о влиянии языка на категоризацию объектов окружающего мира. Действительно, лексический запас для обозначения цветов в разных культурах сильно отличается – от десятков до всего двух слов. Однако

эти исследования выявили лишь незначительную зависимость влияния языка на способность людей различать те или иные цвета. Хотя у людей может не хватать слов для обозначения тех или иных цветов, они вполне различают такие цвета на долингвистическом уровне, различая и группируя различные цветные предметы.

Но может быть и более радикальная постановка вопроса. В «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локк предложил мысленный эксперимент с инверсией спектра [10 с. 444]: предположим, что есть люди, которые воспринимают синие фиалки как желтые, а желтые ноготки как синие. При этом Локк считал, что никакие поведенческие и вербальные признаки не позволят выявить столь отличный качественный опыт таких «инвертов» от опыта нормальных людей при восприятии одних и тех же объектов. В современной философии сознания этот мысленный эксперимент широко обсуждается. Выяснено, что Локк был неправ, предполагая качественную однородность различных цветов. Если учесть такие их характеристики, как насыщенность, теплоту и яркость, то цветовой круг станет не вполне симметричным. Одно дело видеть яркое и теплое желтое солнце на голубом небе, другое – прохладное синее солнце на ярком желтом небе. Поэтому, если бы такая ситуация с инвертами была бы реальной, то это проявилось в их поведении и коммуникации. Некоторые философы, в том числе и отечественные [11], помимо этого считают, что мысленный эксперимент с инвертированным спектром не отвечает требованиям концептуальной непротиворечивости, поэтому он не может быть веским аргументом против интерсубъективности восприятия. Но это сложный вопрос, который требует развернутого обсуждения.

Заключение

В повседневной жизни мы обычно уверены в том, что другие люди воспринимают окружающий мир так же, как воспринимаем его и мы сами. Такая установка встроена в наш здравый смысл. Но и философский анализ показывает, что это не является своего рода коллективной иллюзией. Существует целый ряд когнитивных механизмов, обеспечивающих интерсубъективное восприятие людьми окружающей реальности. Это важно, поскольку восприятие является базисной модальностью сознания, и без интерсубъективности на этом уровне вряд ли можно было обсуждать проблему знания о «другом сознании» и иные более сложные вопросы, связанные с интерсубъективностью феноменов коммуникации и культуры.

Статья основана на материалах доклада на конференции «Алешинские чтения–2018» («Интерсубъективность, коммуникация, солидарность»), проведенной в РГГУ 12–14 декабря 2018 г., и подготовлена при поддержке РФФИ, проект 18–011–00954 «Эпистемологические проблемы в современной философии сознания».

The article was based on the materials of the report at the conference “Aleshinsky Readings–2018” (“Intersubjectivity, communication, solidarity”) in RSUH, 12–14 Dec. 2018, and prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project 18–011–00954 «Epistemological problems in the modern philosophy of mind».

Литература

1. *Калиниченко В.В.* Интерсубъективность // Новая философская энциклопедия. Т. II. М.: Мысль, 2001. 735 с.
2. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
3. *Piaget J., Inhelder B.* The child's conception of space. London: Routledge, 1956. 490 p.
4. *Зотов М.В., Андрианова Н.Е., Войт А.П.* Роль полиперспективных репрезентаций в процессах совместного внимания // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 16–27.
5. *Moll H., Tomasello M.* Co-operation and human cognition: The Vygotskian intelligence hypothesis // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2007. Vol. 362. P. 639–648.
6. *Мур Дж.* Опровержение идеализма // Историко-философский ежегодник. 1987. М.: Наука, 1987. С. 247–265.
7. *Harman G.* The Intrinsic Quality of Experience // *Philosophical Perspectives*. J. Tomberlin (ed.). Atascadero, Calif.: Ridgeview Press, 1990. P. 34–49.
8. *Martin M.* The transparency of experience // *Mind & Language*. Vol. 17. № 4. 2002. P. 376–425.
9. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003. 718 с.
10. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 623 с.
11. *Иванов Д.В.* Другие сознания, инверсия спектра и индивидуальный язык // *Философия науки*. 2012. № 17. С. 70–83.

References

1. *Kalinichenko VV.* Intersubjectivity. *New philosophical encyclopedia*. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 2001. 735 p. (In Russ.)
2. *Shuts A.* Selected works. The world, glowing with sense. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. 1056 p.
3. *Piaget J., Inhelder B.* The child's conception of space. London: Routledge, 1956. 490 p.

4. Zotov MV., Andrianova NE., Voyt AP. The role of polyperspective representations in Joint Attention processes. *Cultural-historical psychology*. 2015;11(2):16-27. (In Russ.)
5. Moll H., Tomasello M. Co-operation and human cognition: The Vygotskian intelligence hypothesis. *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2007. Vol. 362. P. 639-648.
6. Moore J. The refutation of idealism. *Yearbook of the history of philosophy*. 1987. Moscow: Nauka Publ.; 1987. P. 247–265. (In Russ.)
7. Harman G. The Intrinsic Quality of Experience. *Philosophical Perspectives*. J. Tomberlin (ed.). Atascadero, Calif.: Ridgeview Press, 1990. P. 34-49.
8. Martin M. The transparency of experience. *Mind & Language*. 2002;17(4):376-425.
9. Psychology and culture. Ed. by D. Matsumoto. Saint Petersburg: Peter Publ.; 2003. 718 p. (In Russ.)
10. Locke J. An essay concerning human understanding. Locke J. Works. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl Publ.; 1985. 623 p. (In Russ.)
11. Ivanov DV. Other minds, spectrum inversion and individual language. *Philosophy of Science*. 2012;17:70-83. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир П. Филатов, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; toprtiptop@lis.ru

Information about the author

Vladimir P. Filatov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; toprtiptop@lis.ru

Преодоление апории времени во «Времени и рассказе» Поля Рикёра

Часть I

Федор А. Докучаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dokuchaev.f@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается решение апории времени в третьем томе «Времени и рассказа» Поля Рикёра. Рассматривается постановка проблемы – с точки зрения Рикёра, феноменологические дескрипции недостаточны для конституирования объективного времени, исходя из времени сознания. Эту проблему решает поэтика нарратива. Рикёр выделяет следующие приемы, связывающее объективное и психологическое время: календарь, смена поколений, архив, документ, след. В рамках настоящей статьи разбирается только первый приём. Подход Рикёра основан на двух предпосылках. Во-первых, субъектом и объектом истории для него является прежде всего человек; одним из основных качеств человека является способность рассказывать. Во-вторых, время не существует в отрыве от человеческого рассказа и является человеческим измерением.

Календарь является формой человеческого отношения ко времени. С одной стороны, он основывается на мифе и ритуале, они обуславливают изначальную связанность космологического и человеческого времени. С другой стороны, календарь основывается на астрономическом и феноменологическом времени – от одного он берет привязанность дат к движению небесных тел, а от другого заимствует понятие настоящего (сегодня). Он не сводится только к этим условиям, но обладает собственной ключевой чертой. Календарь организует историческое время вокруг «осевого момента», особого события, по отношению к которому упорядочиваются другие события.

В заключении ставятся вопросы к теории Рикёра: поскольку нарратив может быть сам обусловлен невербальным, является ли его анализ достаточным для решения этой проблемы? Не элиминируется ли апория на уровне изначальной предпосылки: время не существует без нарратива?

© Докучаев Д.А., 2019

Статья основана на материалах доклада на конференции «Алешинские чтения–2018» («Интерсубъективность, коммуникация, солидарность»), проведенной в РГГУ 12–14 декабря 2018 г.

Ключевые слова: проблема времени, феноменологическая герменевтика, темпоральность, нарратив

Для цитирования: Докучаев Ф.А. Преодоление апории времени во «Времени и рассказе» Поля Рикёра (Ч. I) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 20–30. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-20-30

Overriding an aporia of time in Paul Ricoeur's "Time and Narrative"

Part One

Fedor A. Dokuchaev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dokuchaev.f@gmail.com*

Abstract. The paper considers overriding an aporia of time as presented in the third volume of Paul Ricoeur's "Time and Narrative".

The formulation of an issue is considered according to Ricoeur, the phenomenological descriptions are not sufficient for constituting the objective time based on the time of consciousness. The narrative poetics solves the issue. Ricoeur observes the following techniques that bridge the objective and psychological time: a calendar, a change of generations, an archive, a document, a trace. Within the article, only the first method is considered. Ricoeur's approach is based on two assumptions. First, the subject and object of history for him is primarily a person; one of the basic qualities of a person is the ability to narrate. Secondly, time does not exist in isolation from the human narrative and is a human dimension.

The calendar is a form of the human relation to the time. It does not boil down only to those conditions, but has its own key feature. On the one hand, it is founded on the myth and ritual, establishing an original coherence between the cosmological and human time. On the other hand, the calendar is based on the astronomical and phenomenological time, and the first one correlates the dates with the movement of celestial bodies, the second one endows it with the notion of the present (today). The calendar does not boil down only to those conditions, but has its own key feature: it organizes historical time through "axial moment" (extraordinary historical event) special event in relation to which other events are ordered.

In the conclusion several questions on the Ricoeur's theory are posed. Since the narrative itself can be determined by something non-verbal, is its analysis sufficient for resolution of the issue? Is the aporia not eliminated at the level of the original premise: time does not exist apart from the narrative?

Keywords: issue of time, phenomenological hermeneutics, temporality, narrative

For citation: Dokuchaev FA. Overriding an aporia of time in Paul Ricoeur's "Time and Narrative". *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2019;1:20-30. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-20-30

Введение

Время – заколдованная проблема философии. Отметим две фундаментальные проблемы, связанные с этим понятием. Во-первых, время противится сущностному определению. Уже Аристотель, задав вопрос об онтологическом статусе времени и о его природе, ответил на него уклончиво: время если и существует, то только в связке с движением, а его природу можно определить как «число движения в отношении к предыдущему и последующему» [1 с. 150]. Иначе говоря, время всегда определяется в связке с более понятной сущностью – такими как изменение, движение, активность души. Во-вторых, после возникновения «психологической» концепции Августина время будто разделяется надвое: с одной стороны, выделяется неисчисляемое (но переживаемое и измеряемое) время души, с другой – время мира, связанное с числом и движением вещей. В дальнейшем образы времени только множатся, что для некоторых авторов служит поводом для постановки самого понятия под вопрос [2 с. 87]. Двойственная природа времени порождает вопрос о связи физического и психологического времени. Попытки вывести одно из другого, найти общее между ними наталкиваются на множество затруднений. Именно их Поль Рикёр называет апорией времени.

Редуцирование времени к более фундаментальной категории – например к пространству – является одним из возможных выходов из этой апории. Но он предполагает решение проблемы напрямую, создание новой теории времени, объясняющей то, что не смогли сделать другие. Иной возможностью является «поэтическое» решение проблемы, представленное в третьем томе «Времени и рассказа» Рикёра.

Основные положения подхода Поля Рикёра

Обращаясь к своей теории нарративной рефигурации человеческого опыта, философ ставит вопрос: «может ли – и если да, то как – нарративная операция, взятая во всем своем объеме, предложить “решение” – конечно, не спекулятивное, но *поэтическое*, – тех

апорий, которые показались нам неотделимыми от августинианского анализа времени»¹ [З р. 10]. Поэтическое решение, о котором говорит Рикёр, связано, конечно, не с поэзией как практикой стихосложения, но с производством смысла, который затем может быть вербализован, высказан, сложен в историю; решением спекулятивных апорий для Рикёра является герменевтическая практика человеческой жизни. Человек существует, понимая – такова ключевая интуиция трансформированной Хайдеггером дисциплины герменевтики.

Однако в отличие от разбираемой и критикуемой им феноменологии Хайдеггера, Рикёр предпочитает обращаться не к фигуре фундаментального самопонимания *Dasein*, но к конкретным, даже специальным герменевтическим операциям, разворачивающимся на вербальном уровне. Связав феноменологию с герменевтикой в своей программной статье «Существование и герменевтика» [4], он выбирает «длинный путь» анализа понимания – в отличие от «короткого пути» Хайдеггера. На пути к фундаментальному, согласно Рикёру, нам всегда нужно пройти через пространство языка. Иначе говоря, он сосредотачивается не на «немом» откровении вещей, но на наделении этих явлений смыслом, их встраивании сперва в символическую сетку, а затем и в пространство рассказа.

Попытка создать теорию времени как самостоятельной сущности оказывается, по Рикёру, обреченной – и приводит к неразрешимым апориям. Он обстоятельно разбирает концепции Августина, Аристотеля, Канта, Гуссерля и Хайдеггера, находя в них, наряду с последовательным углублением и усложнением анализа, все более ясно очерчивающуюся трудность: непреодолимый концептуальный разрыв между личным, переживаемым временем (*tempsvécu*) и временем мировым (*tempsuniversel*, также Рикёр обозначает его как время мира, объективное или вульгарное время). Наведение моста через эту пропасть – задача, которую, по Рикёру, решает время историческое.

Прежде чем перейти к описанию функций исторического времени, выступающего связующим звеном психологического и объективного времени, отметим два существенных момента.

Во-первых, субъектом и объектом истории, действующим и претерпевающим, является человек. Последний всегда находится на фоне рассуждений Рикёра. Как отмечает И.С. Вдовина, весь интеллектуальный путь французского мыслителя можно рассматривать как постепенную и разностороннюю разработку философской антропологии. Потому мы сразу отметим те черты человека, которые являются для Рикёра основными: способность говорить,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ф. Д.

способность участвовать в ходе событий посредством действий, способность рассказать о себе, способность осознать себя субъектом собственных действий [5 с. 199–200].

Во-вторых, время, которое исследует философ, является прежде всего человеческим временем. Иначе говоря, любая темпоральность (будь то темпоральность объектов физического мира или людей) конституируется посредством человеческой активности: прежде всего речи, рассказа. Основным тезисом трехтомного «Времени и рассказа» Рикёр считает утверждение о неразрывной связи темпорального характера человеческого опыта и нарратива: «мир, создаваемый в любом повествовательном произведении, – это всегда временной мир, или, как мы постоянно будем повторять в этой книге, время становится человеческим временем в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом, и, наоборот, повествование значимо в той мере, в какой оно очерчивает особенности временного опыта» [6 с. 13]. При этом пространство человеческого опыта, как и пространство рассказа, рассматривается сквозь призму действия. Действие отличается от физического движения своей осмысленностью в практике человеческой жизни. Как уточняет Рикёр, «если действие может быть рассказано, то потому, что оно уже артикулировано в знаках, правилах, нормах: оно изначально символически опосредовано» [6 с. 71]. То же утверждение справедливо для всего пространства человеческого опыта.

История как человеческая деятельность по осмыслению событийного ряда, предоставляет инструменты, позволяющие решить апории, непреодолимые для спекулятивной мысли. Эти инструменты выражаются в конкретных нарративных операциях, связывающее личное (проживаемое, *temps vécu*) и мировое время: «Мы обратимся к приемам соединения, запечатленным в самой исторической практике, которые позволяют заново вписать проживаемое время во время космическое: календарь, последовательность поколений, архивы, документ, след» [3 р. 147].

Условия возможности календарного времени

В рамках настоящей статьи мы ограничимся только первой исторической операцией. Впрочем, именно в анализе календаря Рикёр проговаривает свою методологическую позицию. Учитывая его методiku решения спекулятивной проблемы посредством обращения к дискурсивной практике, это особенно важно.

Рикёр называет свой подход трансцендентальным. Можно выделить два смысла трансцендентального подхода: позитивный трансцендентализм, расценивающий базовые структуры как неиз-

менные начала, и герменевтический трансцендентализм, для которого эти структуры в свою очередь являются созданными. Рикёр придерживается последнего подхода. Он обращается к различным наукам, но не заимствует их онтологические постулаты и методологию, оставаясь в рамках герменевтики. Например, в отличие от Дюркгейма и Хальбвакса, Рикёр не занимается генетическим объяснением возникновения исторических понятий. Указание источника не равноценно прояснению смысла, полагает он. Однако генетическая социология содержит ценные описания исторического времени. Так, в «Элементарных формах религиозной жизни» [7] Эмиль Дюркгейм указывает, что время для сообщества может являться не только в форме коллективной памяти, но и как абстрактная и безличная рамка, в которой размещаются прошедшие и только возможные события.

Ближе всего подход Рикёра находится к структурализму – он ищет общие структуры, «необходимые условия» для календарного времени, при этом не стремясь «спекулятивно» определить их онтологический статус. Они существуют на уровне дискурса, и они работают – календарь *реально* связывает личное и универсальное время; вопрос состоит только в прояснении того, как именно он это делает.

Итак, календарь – первый мостик между переживаемым и космическим временем. Будучи изобретением, он является вторичным по отношению к мифологическому времени, Рикёр даже называет его «тенью» [3 р. 154] последнего. Мифологическое время является источником трех условий, которые предшествуют изобретению любого календаря. В нем есть исходная целостность времени смертных, исторического времени и времени мира, это то «большое время», которое, по словам Аристотеля в «Физике», объемлет всю реальность. Рикёр не говорит прямо, является ли это время конституированным «большим рассказом», то есть мифом, или оно является первичной субстанцией. Важно, что миф и ритуал для него отличны от мифологического времени и репрезентируют его.

Это «большое время» обладает своей функцией – соотносить время сообществ и живущих в сообществах людей с космическим временем. Заметим, что мифологическое время интересует Рикёра лишь постольку, поскольку оно мотивирует практики сказания мифов и исполнения ритуалов; последние важны для него лишь в их функции соотнесения порядка мира и порядка обыденного действия. Миф и ритуал он рассматривает как способ интеграции обыденного времени действующих и претерпевающих воздействие индивидов в мировое (астрономическое) время. Они – лишь универсальные условия изобретения календаря.

Итак, мифологическое время устанавливает общую меру времени, соотнося циклы различной продолжительности друг с другом: большие небесные циклы, биологические повторения и ритмы социальной жизни. Мифическое репрезентируется ритуалом – напомним, что человеческий опыт для Рикёра всегда уже означен – и уже он своей периодичностью выражает время, длительности которого превышают длительности обыденного действия. Важно, что мифическое время не обязательно отвечает современному императиву *количественного* измерения – оно может организовывать жизнь ритмически, размечая праздничные и будние дни, благоприятное и неблагоприятное время.

Миф и ритуал, являясь двумя способами репрезентации мифологического времени, отличаются направленностью: миф расширяет обыденное время и пространство, а ритуал сближает мифическое время с профанной сферой жизни и действия.

В своем исследовании Рикёр опирается на статью Эмиля Бенвениста «Le langage et l'expérience humaine» [8]. Из нее философ заимствует термин «хронологическое время», которое он затем использует как синоним календарного времени.

Следуя Бенвенисту, Рикёр выделяет три общих черты для всех календарей:

- 1) учреждающее событие, открывающее новую эру (например рождение Христа или Будды); точка отсчета;
- 2) наличие единой оси с различием *двух направлений*: прошлого и будущего; все возможные события могут быть отнесены либо в одну, либо в другую категорию;
- 3) наличие единиц измерения: день, месяц, год. Их значение вырастает из действий обыденной жизни, и хотя астрономия уточняет их длительность, не она является источником этих обозначений.

Однако астрономия здесь крайне важна. Благодаря ей календарное время сближается с физическим временем движения светил – непрерывной, бесконечной, линейной длительности. В качестве линейной длительности календарное время предполагает измеримость, т. е. возможность соотносить числа с равными интервалами времени, которые в свою очередь связываются с очередностью природных явлений. Астрономия тут является наукой, устанавливающей законы этой очередности со все большей и большей точностью.

Две особенности календарного времени не могут быть объяснены астрономией. Во-первых, хотя в календарном времени возможно движение взгляда наблюдателя в двух направлениях, *двухмерность* движения взгляда сопровождается *одним* направлением движения вещей. Во-вторых, от астрономии и физики, однако, ускользает принцип разделения времени – нулевая точка отсчета.

Потому Рикёр считает необходимым обращение к структурам сознания, описанным феноменологией. Во-первых, только феноменологическое понятие настоящего (сегодня) делает мыслимым вчера и завтра; без него непредставимо абсолютное новое событие, разрывающее связь с ушедшей эпохой. Этот разрыв идет рука об руку с новым направлением истории – у Рикёра «новое» определяется как отличное в своем ходе (*cours*) от старой. Во-вторых, без структур протенции и ретенции, организующих всякий опыт, было бы невозможно говорить о ходе (*parcours*) времени. В-третьих, идея «квази-настоящего» (*quasi-présent*) – которое Гуссерль исследует в своей «Феноменологии внутреннего сознания времени» – делает мыслимым двунаправленность времени: от прошлого к будущему и от будущего к прошлому.

В этом рассуждении Рикёр опирается на два ключевых понятия: идею (*l'idée*) и опыт (*l'expérience*). «Прививка» феноменологии к календарному времени в качестве «условия» его возможности осуществляется через имплицитный переход от структур сознания к идее, смыслу, понятию, крепко вросшему в нашу практику обхождения с временем. Тем не менее разработка такого перехода остается «за кадром». Рикёр продолжает развивать уже намеченную им тему изначальной означенности человеческого опыта. В этом ракурсе феноменология предстает практикой эксплицирования того, что уже опосредованно символически – иными словами, герменевтикой, а не *аналитикой опыта*.

Ключевая особенность календарного времени

Итак, календарное время обусловлено с двух сторон: со стороны феноменологической и астрономической. Без феноменологической опоры оно не имеет качественного смысла, без физической – количественной меры. Но и феноменологическое, и астрономическое время не исчерпывают хронологического времени. Последнее вмещает их, но к ним не сводится.

Хронологическое время отличает «осевой момент» (*le moment axial*), сочетающий в себе как физическое мгновение, так и психологическое настоящее – событие, которое дает новое значение психологическим и космологическим аспектам времени. Вокруг него упорядочиваются все события, обретая свою позицию на временной шкале: десять, двадцать, тысяча лет после Рождества Христова. Наша собственная жизнь получает от него свое место в истории. События межличностной жизни (Рикёр приводит в пример конфликты, переговоры, объединения) могут происходить в одно и то же время – то есть в один и тот же день календаря, благодаря тому

что физические одновременности (*simultanéités*) в календарном времени становятся «современностями» (*contemporanéités*) [З р. 159].

Не проговаривая это прямо, Рикёр указывает, что событие *историческое* несводимо к физическим и психологическим событиям. Его особенность состоит в организации времени, историческое событие обладает собственным «гравитационным полем».

По Рикёру, оригинальность осевого момента выводит календарное время за пределы как физического, так и психологического времени. Каждый момент может стать осевым, а каждая дата без его упорядочивающего влияния может быть прошедшей или будущей. В качестве примера осевого момента философ приводит взятие Бастилии. Можно было бы возразить Рикёру: значимость этого свершения несомненно по-разному оценивалась современниками и потомками; исторические события зачастую учреждаются в качестве таковых историками или политиками, затем передаваясь в качестве традиции. Живой опыт в истории меркнет, заслоняемый богатством суждений и оценок, – богатством, в конечном счете, лингвистического материала. Разве историческое событие может родиться одновременно с суждением о нем? А ведь без этого немислимо его превращение в осевой момент.

Это возражение опять наталкивается на исходную интуицию Рикёра – время только и существует в форме рассказа, и историческое время не является исключением. Философ, однако, идет еще дальше – даже настоящее мы обретаем, только говоря о нем. Переживаемое время (обозначенное нами как живой опыт) объединяется с хронологическим временем только посредством времени лингвистического, отсылающего к дискурсу.

Потому трансцендентализм Рикёра выявляет универсальные структуры лишь в плоскости герменевтики: «трансцендентальная рефлексия над календарным временем таким образом включается в нашу герменевтику темпоральности»² [З р. 160].

Заключение

Подход Поля Рикёра во многом привлекателен. Он предлагает элегантно, хоть и обходное решение сложной философской проблемы. Тем не менее, он вызывает ряд вопросов, поиск ответов на которые будет мотивировать наше дальнейшее исследование.

Во-первых, насколько корректным является обращение к результатам феноменологической работы как к экспликации

² В оригинале: «La réflexion transcendantale sur le temps calendaire se trouve ainsi enrôlée par notre hérmeneutique de la temporalité».

«идей» человеческого опыта? Не теряется ли при этом аналитический характер феноменологии?

Во-вторых, можно ли считать ритуал исключительно нарративной практикой, «инструментом мысли» [З р. 153]? Если нет, не уходят ли корни рассказа в область невербального? Тогда оно, являясь его условием, фундирует и человеческое восприятие времени – а добраться до невербального уровня посредством одной только герменевтики Рикёра невозможно.

И наконец, сохраняется ли изначальная проблематичность аналитики времени, когда она переносится на почву герменевтики Рикёра? Обозначенная Рикёром апория решается уже на уровне отказа от спекулятивной теории в пользу исследования практики рассказа.

Во второй части статьи мы постараемся ответить на эти вопросы.

Литература

1. *Аристотель*. Физика // Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 59–262.
2. *Молчанов В.И.* Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015. 277 с.
3. *Ricoeur P.* Le temps et le récit. Т. 3. Paris: Édition du Seuil, 1985. 432 p.
4. *Рикёр П.* Существование и герменевтика // Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008. С. 39–66.
5. *Вдовина И.С.* Поль Рикёр: На «Елисейских полях» философии. М.: Канон+: РООИ Реабилитация, 2019. 288 с.
6. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
7. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018. 736 с.
8. *Benveniste E.* Le langage et l'expérience humaine // Problèmes du langage. Paris: Gallimard, 1966. P. 3–13.

References

1. Aristotle. Physics. Aristotle. *Collected Works in 4 vols.* Vol. 3. Moscow: Mysl Publ.; 1981. P. 59-262. (In Russ.)
2. Molchanov VI. The Phenomenon of Space and the Origin of Time. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2015. 277 p. (In Russ.)
3. Ricoeur P. Le temps et le récit. Т. 3. Paris: Édition du Seuil, 1985. 432 p.
4. Ricoeur P. Existence and Hermeneutics. Ricoeur P. The Conflict of Interpretations. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2008. P. 39-66. (In Russ.)
5. Vdovina IS. Paul Ricoeur: On the «Elysian Fields» of philosophy. Moscow: Kanon+. ROOI Reabilitatsiya Publ.; 2019. 288 p. (In Russ.)

6. Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 1. The Intrigue and Historical Narrative. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.; 1998. 313 p. (In Russ.)
7. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. Totemic system in Australia. Moscow: Delo Publ.; 2018. (In Russ.)
8. Benveniste E. Le langage et l'expérience humaine. *Problèmes du langage*. Paris: Gallimard Publ.; 1966. P. 3-13.

Информация об авторе

Федор А. Докучаев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dokuchaev.f@gmail.com

Information about the author

Fedor A. Dokuchaev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dokuchaev.f@gmail.com

Государство как инструмент солидарности

Ольга Ф. Иващук

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, ofi@list.ru*

Аннотация. В современных философских теориях солидарность предстает противоречивой. Если считать ее прафеноменом страхования (распределения поддержки слабых на плечи всех), то солидарность, с одной стороны, предстанет источником экономического застоя и дефицита, более того, нравственно нелегитимной и чреватой тоталитаристскими импликациями. С другой стороны, она явственно связана с верностью интересам общества, которая отличает citizen, чье человеческое достоинство призвано реализовывать государство, от эгоистичного bourgeois. Государство, чья легитимность в эру глобализации, в свою очередь, поставлена под вопрос, оказывается загадочной точкой перехода из нелегитимной солидарности в легитимную. Понять, как это происходит, помогли соображения К. Поланьи о роли государства в функционировании конкурентного рынка. Анализ проблемы позволил 1) установить сущностное родство поланианских «фиктивных товаров», которые государство должно защищать от коммодификации, и выделенных К. Марксом условий возможности производства вообще, 2) объяснить тем самым происхождение «фиктивных товаров» и укоренить солидарность в субъект-субъектном отношении производства, конституирующем человеческую культуру как таковую. Этот результат принуждает отказаться от модели страхования как от несобственного образа солидарности и обосновать солидарность как константу воспроизводства общественных условий производства человека. В капиталистическом производстве эта константа институциализируется в виде демократического национального государства, дисфункциональность которого ведет не только к запрету на воспроизводство для слабых игроков рынка, но также, в качестве момента этого процесса, к консервативной революции и ее тоталитаристским исходам.

Ключевые слова: солидарность, конкуренция, государство, рынок, глобализация, производство, фиктивные товары, Спинхемленд, демократия, встроенность

Для цитирования: Иващук О.Ф. Государство как инструмент солидарности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 31–41. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-31-41

The state as an instrument of solidarity

Olga F. Ivashchuk

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), ofj@list.ru*

Abstract. In modern philosophical theories, the solidarity appears contradictory. If we consider the insurance to be its prime phenomenon (distribution of support for the weak on the shoulders of all), then the solidarity, on the one hand, becomes a source of economic stagnation and deficit, moreover, it becomes morally illegitimate and fraught with totalitarian implications. On the other hand, it is clearly connected with loyalty to the interests of the society, which distinguishes citizen, whose human dignity is intended to be realized through the state, from selfish bourgeois. A state which legitimacy in the era of globalization, in its turn, is called into question, turns out to be a mysterious point of transition from illegitimate solidarity to legitimate one. The ideas of K. Polanyi on the role of the state in functioning of the competitive market help to understand how it happens. Analysis of the issue made it possible 1) to establish the essential affinity of Polanian “fictitious commodities” (which the state should protect against commodification) and the conditions for the possibility of production in general, singled out by K. Marx, 2) to explain there by the origin of “fictitious commodities” and to root the solidarity in the subject-subject relation of production, which constitutes human culture as such. This conclusion allows us to reject the insurance model as improper image of the solidarity and to substantiate it as a constant of reproduction of the social conditions of human production. In capitalist production, that constant is institutionalized in the form of a democratic national state, the dysfunctionality of which leads not only to forbidding the reproduction for the weak market players, but also, as that process moment, to a conservative revolution with its totalitarian outcomes.

Keywords: solidarity, competition, state, market, globalization, production, fictitious commodities, Speenhamland, democracy, embeddedness

For citation: Ivashchuk OF. The state as an instrument of solidarity. *RSUH / RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;1:31-41. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-31-41

Введение. Солидарность как страхование

Солидарность сегодня представляет собой феномен, трудно поддающийся определению, нечто такое, что улавливается скорее негативно. Как на смену свободе классической эпохи приходит эмансипация, так на смену братству приходит солидарность [1 с. 36].

От близких феноменов (дружбы, родственной привязанности, справедливости) Й. Изензее отличает солидарность с помощью метафоры: моделью солидарности является эскадра, которая приравливает свою скорость к скорости самого тихоходного корабля. Когда же мы имеем дело с ситуацией, «которая вынуждает все корабли мчаться вперед на предельных скоростях, не заботясь о том, все ли они выдержат этот темп» [2 с. 398], мы имеем дело с конкуренцией – противоположностью солидарности. И основной тип связи индивидов в конкурентных рыночных обществах современного типа с этой точки зрения оказывается совсем не солидарностью, солидарность если и можно обнаружить в них, то как вытесненный на задворки развития очень тонкий компенсаторный слой жизни, прафеноменом которого Й. Изензее считает страхование [2 с. 385], когда поддержка слабых распределяется на плечи всех, в отличие от прафеномена конкуренции – гражданского права, которое не предполагает ответственности партнеров сделок друг за друга, т. е. «рационализировано посредством десолидаризации» [2 с. 396].

Оттого, что по отношению к базовому принципу современной цивилизованной жизни солидарность предстает как отрицательный принцип, она не только трудно определима, но и сомнительна с этической стороны: «солидарность как таковая не является добродетелью. <...> Она имеет место в разбойничьих бандах, и в наркобизнесе, и у мафии». Но добродетелью она все же становится – когда ее «распространяют... прежде всего на государственную общность в целом». Тогда она «пробуждает в нас мысли о старой доброй верности интересам общества» [2 с. 384].

Учитывая, что государство сегодня тоже явственно делегитимируется, непонятно, как же сами по себе делегитимированные государство и солидарность в связке могут образовать что-то легитимное?

Национальное государство как помеха глобальному рынку

В условиях глобализации можно говорить о размывании государственного суверенитета. Направлением, в котором разворачивается этот процесс, либеральные мыслители, например Р. Дарендорф, считают «всемирное гражданское общество», относительно которого национальное государство начинает казаться пережитком, тормозом на пути прогресса и свободы. Даже сторонники его

сохранения начинают понимать свою позицию как сделку с совестью, в которой ради прав гражданина государства поступаются правами человека вообще, гражданским обществом как чем-то более универсальным и соответствующим нравственному понятию о человеке, нежели статус гражданина государства. И дело не просто в том, что «государственно организованное братство» (О. Депенхойер) в состоянии «организовать и гарантировать солидарность только на своей территории» [3 с. 440]. Сделкой с совестью это становится, когда речь идет о тех, по отношению к кому с помощью государства устанавливается социальная дистанция – гражданых экономически *отсталых* стран, и особенно остро, когда те оседают на европейских границах. Если их впускают, «в лучшем случае они становятся гражданами второго сорта, доводя тем самым понятие гражданина *ad absurdum*. <...> Если их не впускают, приходится сооружать барьеры, превращающие открытое гражданское общество в крепость» [4 с. 69]. Т. е. государство либо зло, либо бесполезно: для Запада оно легко проницаемый барьер, когда ему надо вторгнуться в чужие суверенные границы под предлогом обеспечить все те же универсальные ценности цивилизации.

Р. Дарендорф и все, грезящие о всемирном гражданском обществе, видят причину антагонизма (государственной) солидарности и справедливости в дефиците обеспечения прав. Дефицит возникает по причине интервенций государства в рынок: распределяющая солидарность «предполагает наличие продукта, который этому распределению подлежит, но продуктивность труда в этой системе низка из-за *«отсутствия мотива, побуждающего повышать производительность труда, ибо никакие моральные аргументы и апелляции к чувству солидарности не в состоянии заменить основной стимул производственной деятельности – стремление к личной пользе»* [2 с. 399]. Речь идет о так называемых экономических мотивах, которыми приводится в движение современное производство, существенно опосредствованное рынком *laissez-faire*. Их два – индивидуальный выигрыш и страх голода. И наивному взгляду эти мотивы представляются естественными, также как и рынок, который чудесным образом начинает производить богатство, лишь стоит дать ему свободу.

Роль государства в становлении рынка laissez-faire

Рынок в качестве источника всяческого благосостояния ставит под вопрос хотя бы недавний опыт России, которая в 1990-е годы открылась рынку в ожидании волшебства – и вступила в тяжелый кризисный процесс. Очевидно, между рынком и благосостоянием

нет короткого замыкания, и требуется анализ посредствующих звеньев между ними. Опыт такого анализа, действенность которого подтвердилась применительно и к России, предложил К. Поланьи, которому реконструкция генезиса современного рынка позволяет утверждать: «В политике *laissez-faire* не было ничего “естественного”: простое невмешательство в естественный ход вещей никогда бы не смогло породить свободные рынки. ...И сам принцип *laissez-faire* был проведен в жизнь усилиями государства» [5 с. 156] в 30-е годы XIX в.

Во-первых, потому что этот рынок невозможен без единства трех условий: конкурентного рынка труда, автоматически действующего золотого стандарта и свободы международной торговли [5 с. 155], и все три требуют государственной политики.

Во-вторых, если бы рыночная организация производства возникла на заре человеческой истории, все производители просто сразу погибли бы – именно потому, что приводят его в движение «голод и прибыль». В противовес тем, кто видит в рынке естественный автоматизм, история и этнология свидетельствуют: все известные науке производственные системы, кроме капитализма, «базируются не на них» [6 с. 24–25].

Ссылаясь на Херсковича и Турнвальда, К. Поланьи констатирует:

В обществах, живущих на грани выживания, никто не голодает» [Herskevits H.J. 1940]. ...Индивиду в первобытном обществе не угрожает голодная смерть, кроме тех случаев, когда сообщество в целом оказывается в трудном положении. <...> Это касается и стремления к личному выигрышу. <...> «Характерной чертой первобытных экономик является отсутствие какого-либо желания делать прибыль из производства или обмена» [Thurnwald R. 1932]. <...> Не голод, не выигрыш, а гордость и престиж, ранг и статус, публичная похвала и личная репутация обеспечивали стимулы для индивидуального участия в производстве [6 с. 25–26].

Таковы исторические предпосылки, отрицая которые возникает рынок в современном смысле. Но – и это в-третьих – исчезают ли они в этом отрицании? Рынок становится саморегулирующимся с того момента, когда захватывает три вида предметов обмена, которые К. Поланьи называет «фиктивными товарами» – деньги, труд и землю.

Национальное государство как необходимое условие рыночного производства

Можно показать, что эти три выделены неслучайно: они ведут происхождение от Марковского понятия производства как специфически человеческой жизнедеятельности, процесса производства *прибавочного* труда (т. е. труда сверх непосредственной органической, т. е. эгоистической, нужды), каковое происходит благодаря социальной форме труда. Она представляет собой субъект-субъектное отношение, которое включает субъекта-организатора, задача которого – навязывать определенные формы труда, а именно, достаточные для воспроизводства всего социального целого (resp. при капитализме это класс предпринимателей, воспроизводство которого зависит от устойчивости *денег*), и непосредственного производителя (resp. *труд*, воспроизводство которого зависит от уровня жизни труженика). Чтобы навязывать определенные формы деятельности, организатор (1) должен контролировать способ соединения непосредственного производителя (2) с (3) предметом труда (это природа, resp. *земля*) и для этого быть собственником средств производства. Это существенно солидарное отношение, так как его субъекты вместе с собой (вос)производят всю совокупность общественных условий своего воспроизводства [7 с. 354]. Это значит, что праформой солидарности является не страхование, но производство.

Иными словами, «фиктивные товары» – не просто товары, но конституэнты самого производства человека, культуры вообще, которые должны быть сохранены в любом производстве. Поэтому в рыночном производстве, которое обретает свою специфику, как раз коммодифицируя их, они нуждаются в институциональных защитах. Если последние отсутствуют, воспроизводство будет исключено. Труд будет деградировать, природа – загрязняться, бесконтрольные денежные потоки вызовут остановку предприятий [6 с. 87].

Таким образом, солидарность составляет *необходимую предпосылку* продуктивного функционирования *самого рыночного производства*, и на сегодняшний день единственной пока ее институцией, способной координировать все три условия его *воспроизводства*, является государство (в силу того, что оно монополист физического и символического насилия). Именно поэтому в Европе становление универсального рынка и национального государства шло одновременно.

*Два способа защищать производство:
Спинхемленд vs представленность всех производителей
на государственном уровне (солидарность как демократия)*

Но защищать производство от рынка можно полярно противоположными методами. Первым из них был опробован тот, чьей моделью можно считать Спинхемленд [5 с. 92–100]. Под таким названием К. Поланьи описывает становление капиталистического производства в Англии. Около 40 лет, с 1795 по 1834 гг. в Англии земельная аристократия пыталась защитить труд от бедствий коммодификации посредством системы денежной помощи (решение было принято мировыми судьями в Спинхемленде). Но это «право на жизнь для бедняков» оказалось «смертельной ловушкой», потому что вкупе с законами против рабочих союзов вызвало «резкое падение производительной способности широких масс», препятствуя возможности трудящимся слоям заработать на достойную жизнь. Развитие *рыночного* машинного производства (движение вперед) было заблокировано, а все *прежние* (отличные от голода) стимулы к труду подорваны люмпенизацией. Итогом оказалась «нравственная и социальная деградация», настоящее «национальное бедствие». Англия из него выбралась во многом благодаря тому, что была первопроходцем, и потому успела сменить тактику на противоположную: защищать надо *рыночное* производство и *его* субъектов. А это означает политическую мобилизацию соответствующих классов, их представительство на государственном уровне, причем не только капиталистов, но и рабочее движение и законодательство, иначе даже собственники предприятий будут вести себя как феодалы, сидящие на ренте. Это второй и единственно адекватный ситуации способ функционирования государства.

Добиться этого было трудно первопроходцам, но ситуация еще хуже, если рыночное производство и развитый рынок, чьей необходимой тенденцией является расширение, вторгается извне (как того и требует построение всемирного гражданского общества) в политически незащищенную культурную зону: в этой зоне происходит разрушение всех жизненно важных институтов общества и срабатывает автоматизм, который П. Бурдьё называет «запрет на воспроизводство» [8 с. 218, 427].

К. Поланьи уточняет: «Причиной деградации будет... не экономическая эксплуатация жертвы, как это часто думали, а распад ее традиционной культурной среды. <...> Результатом становится потеря чувства самоуважения и кризис традиционных поведенческих норм...» [5 с. 176]. Решающее обстоятельство в таком разрушении – это темпы, которые не позволяют неготовой к рынку культуре выработать защитные институции и габитус. Что гисте-

резис в этой ситуации становится убийственным, увидел уже А. де Токвиль, который столкнулся с этим в США в 30-е годы XIX в. и описал основные способы, которыми происходит «исчезновение индейцев» под натиском рыночного производства [9 с. 240, *passim*].

В ситуации резкого расширения рынка у культуры есть лишь два пути к спасению: война или цивилизация. Но цивилизация требует времени, между тем догоняющие игроки рынка, в отличие от первопроходцев, вынуждены конкурировать с ними по рыночным правилам без соответствующих защит, и это считается честной игрой [9 с. 246], для которой за редким исключением типичны два исхода: гибель или колонизация.

Расширение рынка и запрет на воспроизводство

Все эти проблемы не могут остаться в прошлом, пока, несмотря на кризисы, существует мировой рынок *laissez-faire*. В конце XX в. он расширился на область бывшего социалистического лагеря. Результаты анализа этих событий на модели России девяностых М. Буравым полностью вписываются в ожидаемое на основе теории К. Поланьи: в России, вопреки обещаниям рыночных утопистов, произошла «экономическая инволюция», т. е. «ситуация, когда обмен душирует производство» вместо того, чтобы стимулировать его. С января 1992 г. в России началась шоковая терапия, направленная на разрушение административной экономики, и в течение трех лет все «фиктивные товары» были овецествлены, поскольку реформаторы стали разрушать все, связанное «с коммунизмом... чтобы рынок сам заработал волшебным образом. Они не позаботились об институциональных условиях взращивания капиталистического производства, а ведь рынок не может функционировать в институциональном вакууме» [10 с. 279]. Для России сложилась ситуация запрета на культурное воспроизводство.

Сегодня необходимость защит, пожалуй, осознается. Но, подобно Англии конца XVIII в., российская элита прежде всего пытается организовать сверху отечественный вариант Спинхемленда, в котором деградация труда предопределена в силу снижения уровня жизни трудящихся, а он предопределен, в свою очередь, не созданием, но эксплуатацией ресурсов. В результате вместо самораспространяющегося производства, которое насаждала английская буржуазия, в России происходит инволюция, вместо мобилизации трудящихся на государственном уровне – трудящиеся классы в России уничтожаются, прекариатизируются, деградируют. Это происходит потому, что в России парализованное рыночным ударом производство до сих пор не может сформировать классов,

способных представлять интересы производства на уровне государства, и потому по всем направлениям «мы имеем инволюцию, общество, замыкающееся в себе в попытке спастись от государства» [10 с. 288], которое в норме должно было спасать его.

Заключение. Государственно-институционализирующая солидарность и угрозы тоталитаризма

Таким образом, когда национальное государство соответствует своему понятию, оно защищает производителей от рынка. Дисфункциональность государства вызывает инволюцию производства, и это создает не только внутренние проблемы. В норме усиление государства не вызывает угроз расставания с демократией (государство в периоды кризиса мирового рынка, как показала история, усиливается как государство всеобщего благосостояния), так было в Англии, США. Но тот же кризис на противоположном полюсе рынка, где бездействие государства и оттеснение трудящихся от политического участия вызывает производственный и институциональный паралич, приводит к иным последствиям, как в 30-е гг. XX в., когда самые уязвимые в силу отсталости, «прежде всего Германия, Австрия и Италия, не устояли перед фашистским решением проблемы» [5 с. 290]. Токвилевская ситуация: чтобы не исчезнуть, на социетальном уровне культура коллапсирует в тоталитарность, вовлекая в этот коллапс всех, включая и самых общечеловечески-выдающихся своих представителей, таких, как М. Хайдеггер [11].

Таким образом, почва для консервативной революции, от нового издания которой никто не застрахован, сохраняется в той же мере, в какой отчужденная рыночная коммуникация создает угрозы человеческому бытию, не создавая одновременно возможности ответить на эту угрозу развитием производства. Противостоять этому может только государственно институционализирующая солидарность, т. е. государство, в котором обеспечено политическое участие для всех производительных классов общества. Адекватное отношения конкуренции к солидарности – это встроенность, названная К. Поланьи *embeddedness*.

Литература

1. Крингс Г. Цена свободы // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 32–42.
2. Изензее Й. Социально-этическая субстанция открытой дефиниции «солидарность» // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 380–404.
3. Депенхойер О. Не все люди будут братья // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 429–441.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.
5. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
6. Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 321 с.
7. Маркс К. Капитал. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть 2 // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25 Ч. 2. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1962. 552 с.
8. Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Дело, 2016. 720 с.
9. Токвиль А. де Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
10. Буравой М. Великая инволюция: реакция России на рынок // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 274–294.
11. Бурдьё П. Политическая онтология М. Хайдеггера. М.: Праксис, 2003. 272 с.

References

1. Krings H. Price of freedom. *Political philosophy in Germany*. Moscow: Sovremennye tetradi Publ.; 2005. P. 32-42. (In Russ.)
2. Isensee J. Socio-ethical substance of the open definition of “solidarity”. *Political philosophy in Germany*. Moscow: Sovremennye tetradi Publ.; 2005. P. 380-404. (In Russ.)
3. Depenheuer O. Not all people will be brothers. *Political philosophy in Germany*. Moscow: Sovremennye tetradi Publ.; 2005. C. 429-441. (In Russ.)
4. Dahrendorf R. The Modern Social Conflict. An Essay on the Politics of Liberty. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2002. 282 p. (In Russ.)
5. Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.; 2002. 320 p. (In Russ.)
6. Polanyi K. On Belief in Economic Determinism. “*The Great Transformation*” by Karl Polanyi: Past, present, future. Ed. by RM. Nureev. Moscow: GU-VShE Publ.; 2007. 321 p. (In Russ.)
7. Marx K. Capital: Critique of Political Economy. Vol. III: The Process of Capitalist Production as a Whole. Marx K. Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 25. Part 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.; 1962. 552 p. (In Russ.)

8. Bourdieu P. On the State: Lectures at the Collège de France: 1989–1992. Moscow: Delo Publ.; 2016. 720 p. (In Russ.)
9. Tocqueville A., de. Democracy in America. Moscow: Progress Publ.; 1992. 554 p. (In Russ.)
10. Buravoi M. The great involution. Russia's response to the market. "*The Great Transformation*" by Karl Polanyi: Past, present, future. Ed. by RM. Nureev. Moscow: GU-VShE Publ.; 2007. P. 274-94. (In Russ.)
11. Bourdieu P. The Political Ontology of Martin Heidegger. Moscow: Praxis Publ.; 2003. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга Ф. Иващук, доктор философских наук, доцент, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82–84, строение 2; of@list.ru

Information about the author

Olga F. Ivashchuk, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 2, bld. 82–84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; of@list.ru

Теория искупления
в религиозной философии С. Франка
и Ф. Розенцвейга

Дарья М. Дорохина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dadorohina@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению религиозно-философских взглядов Ф. Розенцвейга и С. Франка на примере раскрытия двух понятий – избавления и искупления, первое из которых характерно для иудаизма, второе – для православного христианства. В статье обсуждаются центральная работа Ф. Розенцвейга «Звезда избавления» и критическая статья С. Франка «Мистическая философия Ф. Розенцвейга», рассмотренные в контексте неокантианской «новой религиозности». Автор статьи проводит исследование религиозно-философских воззрений С. Франка, изложенных им в более поздних работах, в частности в работе «С нами Бог». В статье проводится терминологическое и доктринальное разграничение понятий избавления и искупления, которые отражают трансформацию, произошедшую с концепцией избавления еще в раннехристианской период. Автор упоминает о двух волнах актуализации интереса к экзистенциальной проблематике в православном богословии, в результате которых происходило раскрытие некоторых присущих христианству аспектов. Автор раскрывает некоторые положения религиозной философии Ф. Розенцвейга и указывает на его сложную религиозную и мировоззренческую идентичность. Розенцвейг создает религиозную систему, построенную на принципиальном отвержении идеи всеединства. Бог, мир и человек – три автономных первоэлемента бытия, между которыми, при некоторых условиях, возникает корреляция. Тогда как онтология С. Франка строится на идее примирения страдающего мира и Бога, возможного в результате покаяния и искупления.

Ключевые слова: иудаизм, христианство, спасение, избавление, искупление, философия диалога, новая онтология, неокантианство

Для цитирования: Дорохина Д.М. Теория искупления в религиозной философии С. Франка и Ф. Розенцвейга // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 42–53. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-42-53

The theory of redemption in the religious philosophy of S. Frank and F. Rosenzweig

Daria M. Dorokhina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; dadorohina@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the comparison of the religious and philosophical views of F. Rosenzweig and S. Frank through the example of the two concepts disclosure, the deliverance and redemption, the first of which is characteristic for Judaism, and the second is for Orthodox Christianity. The article discusses the central work of F. Rosenzweig “The Star of Redemption” and the critical article by S. Frank “The Mystical Philosophy of F. Rosenzweig”, considered in the framework of neo-Kantian “new religiosity”. The author conducts a study of the religious and philosophical beliefs of S. Frank, explained in his later works, in particular, in the book “God with us”. The paper draws terminological and doctrinal distinction between concepts of the deliverance and redemption, to reflect transformation of the deliverance concept in the early Christian period. He mentions two waves of actualization of interest in existential problematics in Orthodox theology, which resulted in disclosure of some aspects inherent to Christianity. The article describes some aspects of F. Rosenzweig’s religious philosophy and points to his complex religious and ideological identity. Rosenzweig has created the religious system built on the fundamental rejection of the idea of all unity. God, the world, and man for him were three autonomous primary elements of being, between which a correlation arises under certain conditions. While the ontology of S. Frank is based on the idea of reconciliation of the suffering world and God, possible as a result of the repentance and redemption.

Keywords: Judaism, Christianity, salvation, deliverance, redemption, dialogue philosophy, new ontology, neokantianism

For citation: Dorokhina DM. The theory of redemption in the religious philosophy of S. Frank and F. Rosenzweig. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;1:42-53. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-42-53

Введение

Религиозно-философская мысль начала XX века в России и Германии следует по схожему пути осмысления кантианской и неокантианской критики религиозного сознания. Под влиянием немецкой мысли русские философы осуществляют попытки описать сверхрациональный опыт и сформулировать условия его возможности. Особый интерес представляет религиозная философия самих неокантианцев, а также ее русская рецепция. В данном

исследовании были рассмотрены некоторые аспекты религиозной философии Ф. Розенцвейга, последователя Г. Когена и одного из первых представителей философии диалога. Философские построения Розенцвейга исследовались на фоне критики, выдвинутой С. Франком, основные положения философии которого, также были проникнуты реакцией на неокантианские идеи. Сопоставлению их воззрений посвящена небольшая литература вопроса. Так, Д. Рубин в большом исследовании иудейских аспектов русской религиозной философии указывает на полемику С. Франка с философией Г. Когена и Ф. Розенцвейга, хотя отмечает, что по своему романтическому заряду «ветхозаветное сознание» Розенцвейга, куда ближе к «христианскому сознанию» Франка, чем к сознанию еврейских ортодоксов [1]. По мнению Г.Е. Аляева, для Франка действительно не так важен богословский или конфессиональный контекст высказывания, поскольку он утверждает универсальность христианской правды (см.: [2]). Но в том, что касается дискурсивных границ, Франк последовательно тверд. Как показывает А.И. Резниченко, Франк находит в Розенцвейге «подлинного соратника в деле построения всеединства», хотя трактовки метафизики всеединства подчас кардинально различаются [3 с. 124–125].

Предмет данного исследования – теория искупления, которая является одним из центральных элементов библейской религиозной философии. Poleмика вокруг теории искупления немецко-еврейского философа Ф. Розенцвейга и православного философа еврейского происхождения С. Франка может раскрыть наиболее интересные моменты философских концепций: как именно их онтологии (метафизика *всеединства* и метафизика *Всего*) коррелируют с их экзистенциальными установками.

Целью исследования является раскрытие понятий искупления и избавления, характерные для христианства и иудаизма, в контексте «новой» религиозности начала XX в. Задачами исследования являются разграничение названных понятий, а также последовательное изложение основных концепций философии Розенцвейга, согласно его работе «Звезда избавления», критика религиозной концепции Розенцвейга, предложенная С. Франком и позиции самого Франка, сформулированная им в работах более позднего периода.

Терминологическое и доктринальное разграничение

В начале XX в. в среде богословов как православной, так и западной церкви, сложилась дискуссия вокруг истолкования догмата искупления. Проблема равноценного принятия божественной благодати и высшего правосудия, одинакового смирения перед милостью и перед справедливостью поднималась в библейском богословии многократно. Систематизацию отечественной богословской литературы по данной теме провел в 1962 г. П.В. Гнедич, написав диссертацию, опубликованную позднее под названием «Догмат искупления в русском богословии» (2007). Основываясь на систематизации Гнедича, более поздние исследователи описывают как минимум две волны интереса к теме искупления в православном богословии, которые пришлись на XVII в. и вторую половину XIX в. (см., напр.: [4]). Актуализация экзистенциальной проблематики в богословии была, с одной стороны, следствием активного влияния латинской теологии, с другой – закономерным развитием понимания основополагающих аспектов христианства: «И разумение ни одной истины не имеет такого близкого, непосредственного отношения к душе человека, как истины искупления...» [5]. В результате дискуссий о догмате искупления менялось понимание таких экзистенциально выраженных категорий, как долг, жертва, дар и т. д. За идеей искупления стоит учение об обретении внутреннего единства человека и единства человечества. П.В. Гнедич, подводя итоги своего исследования, пишет: «...Следует заметить, что святые отцы под единством всех в Адаме понимали нечто более реальное и более таинственное, чем единство происхождения. Адам – “целый Адам” – есть весь род человеческий, и грех Адама – грех всех людей» [5].

Тема затронула не только богословов, но и новых религиозных философов, которые взялись за философскую разработку теории искупления в начале XX в. И С. Франк, и Ф. Розенцвейг в своих сочинениях говорят о спасении, пути к которому отличаются коренным образом. Отличие хорошо прослеживается именно в процессе терминологического различения «избавления» и «искупления». Стоит отметить, что подобное различие внутри одного какого-либо понятия – излюбленный методологический прием Франка, который он использует практически в каждой своей работе.

Разница между понятиями «избавление» и «искупление» не всегда очевидна, но именно это различие позволяет до конца понять отличие понятия «спасение» в иудаизме от понятия «спасение» в православном христианстве, поскольку отражает ту редукцию смысла, которая, по всей видимости, произошла в раннехристианский период. Доктрина избавления, общая для всех сект Иудейской

пустыни периода Кумрана, нашла свое особое выражение в христианстве, где она лишилась части, которая касается «избавления Израиля», и редуцировалась до идеи искупления как личного отношения человека и Бога [6].

В Ветхом завете употребляются три корня, которые переводятся и как «избавление», и как «искупление» [7]. Все слова, образованные от этих корней в ветхозаветных текстах, делятся по смыслу на две группы: имеющие законодательный смысл и выражающие божественное деяние. Таким образом, у всей совокупности синонимов выделяется два плана значений – повседневный законодательный и символический, в рамках которого идея выкупа, избавления от материальной зависимости обретает божественное измерение и может трактоваться, например, как дар. В частности, в Исходе (Исх. 12:23,29) мы читаем о том, что Господь избавляет от смерти народ Израиля, а именно тех, кто принес выкуп – жертву, пометив после этого свои двери ритуальной кровью. Таким образом, была установлена особенная связь между Богом и Израилем [8].

В христианстве искупление имеет два аспекта: подвиг Иисуса Христа, и человеческое осознание этого события, то, что еще предстоит и что является целью христианства. Крестный подвиг и воскресение всегда расположены в модусе прошлого, а человеческое проживание и осознание этого события располагается в модусе настоящего. Искупление не предполагает жертву, это акт самопожертвования, готовность к самопожертвованию, этим искупление коренным образом отличается от жертвоприношения. Это обретение «внутреннего» трансцендентного присутствия, возможного после обращения, покаяния и принятия страданий за грехи [9]. С течением времени, в религиозной философии закрепились оба термина: и «избавление», и «искупление». Стоит оговориться, что Франк в статье 1926 г. о взглядах Розенцвейга не проводит различия между «спасением» и «искуплением»: *Erlösung* Франк переводит как «спасение», и рецензия Франка написана на «Звезду Спасения». Именно с этой точки зрения трактует он этот термин в 1926 г. Спасение, пишет Франк, есть центральная тема Розенцвейга, но для полного ее раскрытия ему не хватает экзистенциального ракурса: свободная воля, вина, ответственность, грех, искупление [10]. Тем не менее в более поздних работах С. Франк переходит к разработке теории *искупления*.

Путь Франка к завершенной религиозно-философской системе, к его собственной разработке некоторых теологических категорий, проходил через полемику с неокантианством, в частности с логической интерпретацией трансцендентального идеализма (Г. Коген) [11]. Проблематика описания религиозного опыта и возможности апелляции к сверхчувственному опыту, как к свидетельству боже-

ственного бытия, инспирирована кантовской критикой и неокантианским осмыслением границ религиозного сознания. Поэтому принципиально установима корреляция философии Франка с философией Розенцвейга: оба мыслителя решали сходные задачи – поиск путей выражения «трансцендентной истины», выхода «за рамки языка» конфессионального и общерелигиозного, описание личного религиозного опыта.

Обновленный иудаизм Ф. Розенцвейга

В 1921 г. выходитopus magnum Ф. Розенцвейга «Звезда избавления». Розенцвейг, будучи новообращенным иудеем, стремится построить свою систематическую философию, во-первых, на современной ему интерпретации иудейской традиции, а во-вторых, основываясь на «новых» принципах философского мышления, сформированных на базе неокантианства. Несмотря на декларируемое новаторство, Розенцвейг создает фундаментальный труд, который должен охватить и этику, и логику, и эстетику [12]. Розенцвейг говорит о возможности познать «всё», концептуально не принимая идею всеединства. Онтологию немецкий философ основывает на центральных понятиях теологии – Творении, Откровении и Спасении. Для реализации своей сложной задумки, оформленной в виде звезды, которая состоит из двух динамических треугольников, Розенцвейг включает в письмо еще одну триаду – Бог, Мир, Человек. Также в повествовании имманентно присутствует третья «троица» – Прошлое, Настоящее, Будущее. Как пишет Т.Н. Резвых, Звезда Давида становится у Розенцвейга еще и символом двух дополняющих друг друга религий, к синтезу которых стремится Розенцвейг [13].

Для Розенцвейга образ Мира в Избавлении – это специальным образом структурированная жизнь в общине. Будучи иудеем, пусть и не ортодоксальным, он трактует этап Творения как замыкание мира, а Спасение как избавление мира от смерти, и для человека и для бога. Избавление вбирает в себя смерть, в том смысле, что смерть становится моментом жизни. Точно так Я включается в Мы, а будущее пронизано настоящим. Таково иудейское понимание вечности, в которую заключена судьба каждого иудея [14 с. 187–188].

Иудей внутренне всегда остается еврейским человеком, даже если обладает сложной идентичностью, например, как сам Розенцвейг. Он всегда сохраняет в себе божественный остаток, пространство всего еврейского народа, а значит и пространство избавления. Будучи носителем такой сложной идентичности, человек,

безусловно, обречен на внутренние противоречия, в жизненном мире он становится лишним и одиноким. Для раскрытия своей идеи на персональном уровне Розенцвейг вводит понятие «остаток Израиля». Ради сохранения «остатка Израиля» еврейский человек умеет жертвовать второстепенным ради основного. Избавление для него – это избавление от одиночества, ведь пребывание в одиночестве, по Розенцвейгу, есть языческое существование. Так, спасая себя, еврейский человек спасает и Бога («Бога отцов»).

Поскольку Розенцвейг концептуально не принимает всеединство, ему приходится особым образом решать проблему автономности трех элементов – мира, Бога и человека. Для преодоления разрыва между «остатком Израиля» и «Богом отцов» Розенцвейг вводит понятие «шхины» [14 с. 450]. Данное мистическое понятие удачно переводится на экзистенциальный план. Шхиной Розенцвейг называет божественное присутствие, рассеянное в мире. Бог отправляется в скитание вместе с народом Израиля. Бог, вместе с народом Израиля, «сам учит свою Тору», ведь ради этого «изучения» он мир и сотворил. Согласно базовому религиозному представлению, человек страдает во имя Бога. Но и Бог страдает ради человека, ведь это Бог совершает жертву, осуществляя выкуп тех, кто пометил свои двери ритуальной кровью. Он не просто избавляет, он сам нуждается в избавлении. Так преодолевается разрыв между элементами бытия. Так возникает корреляция между Богом и человеком, между Творением и Откровением. Через жизнь в этом единстве, через соблюдение Закона происходит избавление и Израиля, и Бога, и человека.

В 1926 г. Франк выпускает критическую статью, где анализирует религиозно-философскую концепцию немецкого философа. Для Франка критический анализ сочинения Розенцвейга был важным продолжением более широкой критики некоторых положений неокантианства и определенных религиозных построений, которые, по его мнению, следовали из неокантианского представления о трансцендентном. В построениях Розенцвейга Франк находит концептуальное продолжение идей, основанных на неокантианском подходе и включающих в себя «забвение трансцендентного Бога в имманентизации человеческой жизни» [10]. Франк критикует Розенцвейга за непринятие всеединства, за постулирование разделенности бытия на три автономные инстанции. «Она (раздробленность бытия) отражает какую-то основную раздробленность в душе автора, в его религиозной интуиции». Франк имеет в виду неспособность Розенцвейга принять догмат Богочеловечества. Вследствие этого непонимания у Розенцвейга не возникает триединства, а каждый элемент замыкается в себе. Спасение – забота самого человека, причем, как уже было сказано, человек спасает

не только себя, но и бога. Понятие Бога-спасителя у Розенцвейга отсутствует. Концепция «остатка Израиля» замыкает человека на самом себе, оставляя его в одиночестве и лишенности, о которой пишет Розенцвейг, потому что идея любви к ближнему прямо истекает из идеи братства и Богосыновства [10]. Кроме того, по мысли Франка, спасение не может произрастать из «племенной жизни», а напрямую связано с личным покаянием.

Один из аспектов критики философской концепции Розенцвейга, которую предлагает Франк, касается имманентизации мирской жизни, при которой человек рождается с «пространством Израиля» внутри, и ему не требуется совершать ровным счетом никакого внутреннего усилия для спасения. Франкне принимает иудейскую концепцию «натуральной святости», ему чужда идея «оптимистической веры в естественное избавление», как это называет в своем исследовании Д. Рубин [1]. К любви нельзя принудить на уровне Закона, как нельзя быть причастным любви по праву рождения. Трансцендентный разрыв нельзя преодолеть без Боговоплощения.

Понятие искупления в религиозной философии С. Франка

Интуиции, которыми наполнены работы С. Франка 1920-х гг., полнее раскрываются в его поздних произведениях. Так, в «С нами Бог» Франк говорит об искуплении как об осуществление теонмии через человеческую автономию. Франк называет этот процесс «близость с удаленностью» [15 с. 336–347]. Божественный суд в экзистенциальном плане осуществляется только через самоосуждение. Если человек не имеет имманентного морального самосознания, если не может осознать своей греховности, то он не может, юридически выражаясь, быть признан вменяемым.

Франк утверждает парадоксальную, предельную правду христианства, несовместимую со здравым смыслом: христианство не озадачено вопросом о жизни вместе в этом мире – чтобы воскреснуть, нужно принять смерть. Христианство сфокусировано на мире «ином», который и является единственной родиной человека. Что есть «путь креста»? Путь креста – это принятие смерти. Самопожертвование ради Бога – предельный этап, который начинается с аскетизма и включает в себя стадии самоопределения и отдачи.

«Представление о Боге как о Боге любви кажется несовместимым с идеей искупительной жертвы», – пишет Франк в работе «С нами Бог». Идея искупительной жертвы – это соблазн для сов-

ременного религиозного сознания. Трактовки искупления содействуют только лишь отвержению самого искупления, идея заместительной жертвы граничит с идеей убийства заложников за чужую вину, и, с просвещенной точки зрения, является наследием примитивной религиозности. «Путь креста» Франк понимает, как единственный путь по преодолению трансцендентного разрыва. Когда Франк говорит о «всеединстве», он говорит о разомкнутости мира и «нераздельном единстве Бога и человека, жертвенно победившего мир на кресте» [15 с. 336–347].

Для описания своего понимания сопряженности мира и человека Франк привлекает понятие Мейстера Эккарта – «отрешенность» или *надмирность*. Именно кротость как принцип жизни в мире определяет, по Франку, суть идеи искупления. Он опровергает тезис, общий для бытующих «теорий искупления», который заключается в том, что идея искупительной жертвы есть наследие первобытных религиозных представлений, сутью которых является страх перед грозным, гневливым Божеством. В то время как вся поздняя часть Ветхого завета (псалмы и наставления) проникнута «требованиями заменить жертвы покаянием», странно выворачивать идею искупления наизнанку, обращая ее в примитивный ритуал жертвоприношения. Богу угоден не дар, пишет Франк, а «акт дарения». Фундаментальная способность отдавать итем самым преодолевать духовную автономию составляет смысл искупительной жертвы. Преодоление духовной автономии означает «примирение страдающего мира с Богом», примирение человека с Богом.

Заключение

«Ветхозаветное сознание» Розенцвейга и «христианское сознание» Франка парадоксальным образом являлись и источниками, и производными их философских представлений. В их религиозных воззрениях отразилась тенденция по обретению «новой религиозности». И Франк, и Розенцвейг, будучи носителями сложной идентичности, находились под влиянием немецкого романтизма, характерного для Веймарской культуры того периода. Оба философа пришли к вере в сознательном возрасте, для обоих – вступление в традицию и религиозную общину стало следствием индивидуального выбора и глубокого осмысления религиозных концепций.

Франк критиковал Розенцвейга за описание раздробленности бытия и представления основных элементов – мира, человека и Бога как автономных инстанций, между которыми возможны корреляции. По Франку, между Богом, миром и человеком на пути

покаяния и «отрешенности» возникает примирение, без которого невозможно понять идею Богочеловечества. Кроме того, Франк критикует Розенцвейга за культ трансцендентного Божества и крайней имманентизации человеческой жизни. Позднее, в работе «С нами Бог», Франк опишет способ соединения раздробленных элементов мира как осуществление теонимии через человеческую автономию, он назовет это «близостью с удаленностью». Все это в совокупности показывает суть принципиального отличия христианской и иудейской религиозной философии XX в.

Литература

1. *Rubin D.* Holy Russia, sacred Israel: Jewish-Christian encounters in Russian religious thought. Brighton, 2010. 558 p.
2. *Aliaiev G.* The Universalism of Catholicity (Sobornost): Metaphysical and Existential Foundations for Interdenominational Dialogue in Semyon Frank's Philosophy // Apology of Culture. Religion and Culture in Russian Thought / Ed. by A. Mrowczynski-Van Allen, T. Obolevitch, P. Rojek. Wipf and Stock Publishers, Eugene, OR, USA, 2015. P. 218–226.
3. *Резниченко А.И.* О смыслах имен. Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М., 2012. 416 с.
4. *Корякин С.С.* Современная протестантская дискуссия об искуплении // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 2 (64). С. 20–39.
5. *Гнедич П.В.* Догмат искупления в русской богословской науке (1893–1944) [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/gnedich-petr-viktorovich-protoierey/book/83137-dogmat-iskupleniya-v-russkoy-bogoslovskoy-nauke/#/toc2> (дата обращения 19 фев. 2019).
6. *Веникова А.* Философско-религиозное осмысление понятия «Искупление» в Ветхом Завете // Материалы второй межвузовской конференции по иудаике, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rsuh.ru/cbjs/student-conference-on-jewish-studies/> (дата обращения 19 фев. 2019).
7. Избавление // Электронная еврейская энциклопедия. КЕЭ. Т. 2. 1982. С. 795–798 [Электронный ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/judaism/general-information/11722/> (дата обращения 19 фев. 2019).
8. Книга Исход, глава 12 / Русский синодальный перевод / Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/02/12/> (дата обращения 19 фев. 2019).
9. Искупление // Православная энциклопедия. Т. 27. С. 281–312 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/674968.html> (дата обращения 19 фев. 2019).
10. *Франк С.Л.* Мистическая философия Розенцвейга. Путь. 1926. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odinblago.ru/path/2/14/> (дата обращения: 19 фев. 2019).
11. *Оболевич Т.* От неокантианства к онтологизму // Мысль. 2014. № 16. С. 62–69.

12. *Rosenzweig F.* Der Stern der Erlösung. Freiburg im Bressgau: Universitätsbibliothek, 2002. 250 s.
13. *Резвыкx Т.Н.* Время и культ в книге «Звезда спасения» Франца Розенцвейга // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3 (5). С. 75–87.
14. *Розенцвейг Ф.* Звезда избавления. М.: Мосты культуры: Гешарим, 2017. 544 с.
15. *Франк С.Л.* С нами Бог. Духовные основы общества: Введение в социальную философию. М.: Республика, 1992. 511 с.

References

1. Rubin D. Holy Russia, sacred Israel: Jewish-Christian encounters in Russian religious thought. Brighton. 2010. 558 p.
2. Aliaiev GA. The Universalism of Catholicity (Sobornost): Metaphysical and Existential Foundations for Interdenominational Dialogue in Semyon Frank's Philosophy. *Apology of Culture. Religion and Culture in Russian Thought* / Ed. by A. Mrowczynski-Van Allen, T. Obolevitch, P. Rojek. Wipf and Stock Publishers, Eugene, OR, USA, 2015. P. 218–226.
3. Reznichenko AI. About the meanings of names. Bulgakov, Losev, Florensky, Frank et dii minores. Moscow, 2012. 416 p. (In Russ.)
4. Koryakin SS. Contemporary protestant debate on the atonement. *Bulletin of PSTGU. Series I. Theology, Philosophy, Religious Studies*. 2016;2 (64):20-39. (In Russ.)
5. Gnedich PV. The Dogma of Redemption in Russian Theological Science (1893–1944) [Internet]. URL: [https://predanie.ru/gnedich-petr-viktorovich-protoierey/book/83137-dogmat-iskupleniya-v-russkoy-bogoslovskoy-nauke/#/toc2\(data obrashcheniya19 Feb. 2019\)](https://predanie.ru/gnedich-petr-viktorovich-protoierey/book/83137-dogmat-iskupleniya-v-russkoy-bogoslovskoy-nauke/#/toc2(data obrashcheniya19 Feb. 2019)). (In Russ.)
6. Venikova A. Philosophical and religious understanding of the concept of “Atonement” in the Old Testament. *Proceedings of the Second Intercollegiate Conference on Judaica, 2009* [Internet]. URL: [https://www.rsu.ru/cbjs/student-conference-on-jewish-studies/\(data obrashcheniya 19 Feb. 2019\)](https://www.rsu.ru/cbjs/student-conference-on-jewish-studies/(data obrashcheniya 19 Feb. 2019)). (In Russ.)
7. Disposal. Electronic Jewish Encyclopedia. EJE. Vol. 2. 1982. P. 795-98 [Internet]. URL: [https://eleven.co.il/judaism/general-information/11722/\(data obrashcheniya 19 Feb. 2019\)](https://eleven.co.il/judaism/general-information/11722/(data obrashcheniya 19 Feb. 2019)). (In Russ.)
8. The Bible. The Book of Exodus. Ch. 12 (Russian synodal translation) [Internet]. URL: [https://www.bibleonline.ru/bible/rus/02/12/\(data obrashcheniya 19 Feb. 2019\)](https://www.bibleonline.ru/bible/rus/02/12/(data obrashcheniya 19 Feb. 2019)). (In Russ.)
9. Redemption. Orthodox Encyclopedia. Vol. 27. P. 281-312 [Internet]. URL: [http://www.pravenc.ru/text/674968.html \(data obrashcheniya 19 Feb. 2019\)](http://www.pravenc.ru/text/674968.html (data obrashcheniya 19 Feb. 2019)). (In Russ.)
10. Frank S. The Mystic Philosophy of F. Rosenzweig. *Put'*. 1926. № 2 [Internet]. URL: [http://www.odinblago.ru/path/2/14/\(data obrashcheniya19 Feb. 2019\)](http://www.odinblago.ru/path/2/14/(data obrashcheniya19 Feb. 2019)). (In Russ.)
11. Obolevich T. From neo-Kantianism to ontologism. *Mysl*. 2014;16:62-69.
12. Rosenzweig F. Der Stern der Erlösung. Freiburg im Bressgau: Universitäts bibliothek, 2002.
13. Rezvykh TN. Time and cult in the book “The Star of Salvation” by Franz Rosenzweig. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy, Sociology, Art Studies” Series*: 2016;3(5):75-87.

14. Rosencweig F. Der Stern der Erlösung. Moscow: Mosty kultury / Gesharim Publ., 2017. 544 p. (In Russ.)
15. Frank S. The God is with Us. Spiritual Foundations of Society. An Introduction to Social Philosophy. Moscow: Respublika Publ.; 1992. 511 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Дарья М. Дорохина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dadorohina@gmail.com

Information about the author

Daria M. Dorokhina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dadorohina@gmail.com

«Это не искусство»:
М. Фуко в поисках новых граней
художественной семантики

Нада М. Марджи

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия, nada.m.marji@gmail.com*

Аннотация. Автор исследует вопрос о соотношении означающего и означаемого в изображении предмета искусства. В основе анализа лежит репликация двух произведения М. Фуко, посвященных живописи: «Это не трубка» и «Живопись Мане». Демонстрируется, что критическая методология М. Фуко содержит в себе элементы феноменологического исследования («феноменологической археологии»), поскольку критика обращена не только к самому предмету, но и включает автора и зрителя в контекст, образуя широкую палитру более глубинных смыслов и структурных связей, обусловленных интерсубъективностью. Отмечаются особенности метода М. Фуко: особая интерпретация соотношения изображенных предметов и текста, образов, форм, текста и контекста, текста и образа изображаемого. В художественных работах Э. Мане и Р. Магритта М. Фуко стремится разгадать возможное высказывание, поэтому целесообразно говорить об особой эстетической семантике в его подходе. Также в статье ставится вопрос о возможности применения такого рода феноменологической (семиотической) эстетической критики к предметам восточного искусства.

Ключевые слова: искусство, художественное творчество, семантика, феноменология, эстетика

Для цитирования: Марджи Нада М. «Это не искусство»: М. Фуко в поисках новых граней художественной семантики // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 54–65. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-54-65

© Марджи Н.М., 2019

Обсуждаемая тема впервые была представлена автором в качестве доклада на конференции «Мишель Фуко: субъект настоящего» (секция «“Это не трубка”: Мишель Фуко как критик и теоретик искусства и литературы»), которая состоялась на философском факультете МГУ 29 октября 2016 г.

“This is not an art”:
Michel Foucault and new edges
of semantics in art

Nada M. Marji

*Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia, nada.m.marji@gmail.com*

Abstract. The paper deals with the issue of references between signifier and signified in the image of the art's object. The analysis is based on the replication of two works by M. Foucault dedicated to painting: “This is Not a Pipe” and “Painting by Manet”.

It is demonstrated that M. Foucault's critical methodology contains elements of a phenomenological study (“phenomenological archeology”), since the criticism is directed not only at the object itself, but includes the author and the viewer (audience) in the given context forming a diversity of meanings and structural connections caused by the intersubjectivity.

The author notes features of the M. Foucault's method: a special interpretation for the correlation of depicted objects and text, images, forms, text and context, text and an image of the portrayed. In the artworks of E. Manet and R. Magritte M. Foucault seeks to unravel the possible utterance, therefore it makes sense to talk about the special aesthetic semantics in his approach. The question of applying this phenomenological (semiotic) aesthetic criticism towards subjects of the oriental art is also discussed in the paper.

Keywords: art, artwork, semantics, phenomenology, aesthetics

For citation: Marji NM. “This is not an art”: Michel Foucault and new edges of semantics in art. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;1:55-65. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-54-65

Этот текст не «комментирует» картинки. А картинки не «иллюстрируют» текст: каждая из них была для меня лишь чем-то вроде визуальной вспышки или озарения, подобного тому, которое Дзен называет сатори; переплетаясь, текст и картинки обеспечивают перетекание, обмен означающими: тело, лицо, написание, и из них позволяют считывать пространство символов.

Р. Барт. Империя знаков

Введение

Произведение искусства – это символический остров и остров знаков, расположенных в симбиотическом единстве. Взаимодействие с произведением может быть вверено определенной методологии или быть спонтанным, но тем не менее субъект всегда некоторым образом присутствует в акте восприятия, находит самого себя или спорит с собой и воображаемым Другим, встретившись с ним во время созерцания картины, случайного или намеренного прослушивания музыкального отрывка, просмотра видеофрагмента. Эти монологи или беседы иногда могут быть не только мимолетным чувствованием, но и попыткой понять мироустройство отдельного произведения искусства. Французский философ Мишель Фуко в своих работах по эстетике объясняет, как живет и работает произведение, и какие механизмы заложены в нем автором. Посредством репликации эстетического метода Фуко мы сможем продемонстрировать феноменологические истоки его критического подхода к произведениям искусства, родственную связь с феноменологической эстетикой. Воспроизводя его анализ художественных произведений, мы заострим внимание на семиотической составляющей его критики, продемонстрируем ее влияние на развитие эстетической мысли XX в. и самого искусства, что приведет нас к признанию однородности структуры западного искусства и его эстетической критики, априорной предрасположенности западного искусства к такому типу критической методологии, которая относится к ней как к конституирующей. И, как следствие, сможем сформулировать вопрос о возможности универсального применения семиотико-феноменологического метода к искусствам различных культур.

Мишель Фуко впервые прочел курс лекций по итальянской живописи кватроченто в Тунисе (1968 г.). Фуко работал над отдельным трудом о Мане, но дописал только лекцию, которую

впоследствии прочел в Милане, Токио и Флоренции, и, наконец, в Тунисе в 1971 г. Имеющийся у нас сегодня текст – это расшифровка аудиозаписи той лекции [1]. Фуко обращает внимание на отношение к художественному полотну в истории западного искусства, начиная с позднего Возрождения. Желание сделать картину частью общего пространства, различными способами вписывая ее в контекст, отрицая двухмерность и плоскость полотна противопоставляется способности Мане сделать картину объектом, воссоздать ее как материальность и подчеркнуть существенность самого холста, не пытаясь затушевать его наличность и эстетическую ценность. Для Мане сама картина и есть эстетический объект, рассматривать который возможно с разных точек, под разным освещением, и видеть в нем изменяющееся искусство. Именно это обстоятельство Мишель Фуко и считает началом импрессионизма.

В лекции он анализирует ряд картин, разделяя их на три группы: 1) трактовка пространства полотна в связи с изображаемым; 2) проблема света и освещенности картины; использование внешнего света в противовес свету изображаемому; 3) место зрителя относительно картины («Бар в Фоли-Бержер»). Мы рассмотрим некоторые из них, наиболее полно выражающие идеи и метод Фуко, чтобы впоследствии проинтерпретировать их в семиотико-феноменологическом ключе.

Комментируя картину «Расстрел Максимилиана» (1868), Мишель Фуко говорит о строгой замкнутости пространства, которое удаивается присутствующей на картине стеной. На полотне «Порт в Бордо» (1871) корабельные мачты превращаются в изображение рисунка самого холста. Сочетание вертикальных и горизонтальных линий вторит волокнам канвы, настойчиво демонстрируя материальность холста в этом переплетении нитей под прямым углом. Здесь Фуко отсылает нас к Кандинскому («Деликатная душа», 1925) и Мондриану («Серое дерево», 1911); однако игра горизонталей и вертикалей, образующих пространство и заигрывающих с холстом, – не единственный способ привлечь внимание к холсту как таковому. Речь идет об утаивании автором целостного сюжета, когда внимание персонажей обращено к каким-то событиям, которых нет на картине, то есть история уходит за рамки холста, и даже на его изнаночную сторону. Обращаясь к полотну «Железная дорога» (1872), Фуко пишет, что Мане изображает видимость невидимого для нас, вода зрителя за нос. Фуко называет этот прием злым и лукавым; но из-за природы живописи и физических свойств полотна мы лишены возможности увидеть полный сюжет, что Мане и использует. Мыслитель анализирует внутреннее пространство полотна как таковое, подчеркивает первичность его материальности относительно

показанного сюжета и подробно разбирает ряд изобразительных приемов, используемых Мане.

Далее Фуко говорит о роли света на примере более поздних работ Мане. На картине «Завтрак на траве» (1863) герои переднего плана освещены внешним светом, который будто бы направлен на картину из распахнутого окна (фронтальный перпендикулярный свет), и одновременно на изображении присутствует внутренний, «сюжетный» свет. Таким образом, у зрителя возникает ощущение, будто сюжет продолжается с внешней стороны картины, а перед собой мы видим три ослепленные светом фигуры, нарисованные без какого-либо объема и глубины. То же происходит и на скандальной картине «Олимпия» (1863), где с помощью изображения фронтального освещения создается эффект причастности зрителя к скандальной наготе Олимпии. Подобное фронтальное освещение может быть сопоставлено нами также, например, со вспышкой фотоаппарата, когда фотограф ответственен за степень освещенности на фотографии; стоит отметить, что освещение в фотографии – один из важнейших параметров, от которого зависит результат работы. «Эстетическая трансформация вызвала нравственный скандал», – пишет Фуко [1 с. 44], и под этой трансформацией мы в том числе можем понимать факт включения самого зрителя в предмет искусства, обозначение его роли как активной, а не только созерцательной, и привычно будто бы отсутствующей в семантическом поле произведения. В итоге зритель (как смотрящий, фотографирующий полотно, освещающий или наблюдающий, и даже внешний мир вообще, «обрамляющий» собой произведение искусства) *обретает значение* для произведения искусства, становясь частью его эстетической онтологии.

Различение подобия и репрезентация как основа новой критики

В работе «Это не трубка» Фуко решает обратиться только к одной ныне всемирно известной картине Рене Магритта, где изображена трубка с надписью: «сесип'est pas une pipe». Следуя за Фуко, можно начать с разбора фразы, которая семантически занимает центральную роль в этом произведении. Местоимение «сесі» является указательным местоимением сложной формы, которые используются, в отличие от простых форм, для противопоставления, и часть сі обычно подразумевает указание на более близкий предмет. Фуко также говорит о том, что значение этой фразы можно соотносить не с изображенным выше предметом, а с самой этой фразой («вот эта фраза – это не трубка») [2]. Текст тем не менее может пони-

маться не как текст, а также и как рисунок написанного текста [2 с. 33]. Изображение букв и графика на данной картине нарочито правильное, словно отсылающее нас к прописям, где буквы – это графические экземпляры, образцы, облеченные в идеальные линии. Вот что говорит Магритт, которого цитирует Фуко, о способности искать сходства и подобия, сопоставлять объекты: «Только мысли присуще сходство. Она наделяется сходством с тем, что видит, слышит или знает, она становится тем, что дарит ей мир»¹. И далее Фуко продолжает:

Мысль ищет сходства, но без подобия, становясь вещью. Живопись находится здесь: по одну сторону которой остается мысль в модусе сходства, а с другой – вещи, связанные отношением подобия [2 с. 62].

Если мы рассматриваем вариант, при котором нарисованный предмет и грамматическое предложение на французском языке под ним соотносятся друг с другом тем или иным образом как знак и означающее, то здесь анализ данной картины приводит Фуко к следующим выводам.

1. Мы смотрим на изображенный предмет: линии, образующие его и им образуемые – вовсе не являются трубкой, но образуют нечто подобное трубке, «облакообразное подобие».

2. Буквы, расположенные под рисунком, есть лишь «похожий сам на себя графизм», он точно не сможет сойти за то, о чем говорит.

Текст снизу и предмет сверху вступают во взаимодействие в пределах картинной рамы, соотносясь через означивание, иллюстрирование [2 с. 21–22].

Здесь перед нами возникает проблема возможности различения подобия и репрезентации. Именно этот вопрос является основным при теоретизации «Вероломства образов» Магритта. Фуко говорит, что следует отличать работы, например, Мане и Магритта от произведений Ренессанса, и поясняет это различие, касающееся проблемы репрезентативности изображаемого следующим образом: принципы классического искусства состоят в том, что там принято показывать – через сходство, а говорить – через различие [2 с. 61–62]. Вербальный знак и визуальная репрезентация в классическом искусстве не даны одновременно, они упорядочены и следуют правилу: от формы к дискурсу или от дискурса к форме (например, в каллиграммах это выражается в игре, в которой реализуются различные отношения подчинений знака форме, или, наоборот, подчинение формы знаку).

¹ Цит. по: *Фуко М.* Это не трубка. М.: Художественный журнал, 1999. С. 62.

Тождество факта и репрезентативной связи – это сходство между фигурой и вещью, которого достаточно для того, чтобы промелькнуло очевидное высказывание: «это есть то-то», или «вы видите именно это». Живопись Магритта, интенционально обращенная к своему внутреннему содержанию, тщательно и нарочно умножает сходства, чтобы подтвердить их: рисунок трубки похож на трубку, на нарисованную трубку, которая похожа на трубку настоящую, а дерево похоже на лист дерева (например, в картине Магритта «Пожар»). Здесь иногда становится невозможным разведение сходства и утверждения, но этот разрыв сам по себе был впервые намечен еще Кандинским: линии и цвета у Кандинского в той же мере являются вещами, что и предмет-мост, предмет-всадник и т. п. [2 с. 41]. В работе «Точка и линия на плоскости» В. Кандинский замечает:

Бытующее до сего дня утверждение, что «разлагать» искусство опасно, поскольку это «разложение» неизбежно приведет к смерти искусства, происходит из незнания, занижающего ценность освобожденных элементов и их первоуродной силы [3 с. 63].

Буквально Кандинский говорит следующее: «разлагать» – значит все еще смотреть на искусство с позиции естественной установки, но смотреть на свободные элементы и быть способным оценить их силу – это умение взглянуть на искусство феноменологически. Это пытается делать Фуко в своих критических работах об искусстве.

Между словами и вещами можно создать новые связи и уточнить некоторые свойства языка и предметов, обычно игнорируемые в повседневной жизни. <...> Иногда имя предмета занимает место изображения. Слово может занять место предмета в реальности. Изображение может занять место слова в предложении. <...> На картине слова состоят из того же вещества, что и изображения. На картине мы иначе видим слова и изображения².

Таким образом, мы можем утверждать, что эстетический метод Фуко может быть назван «археологической феноменологией [произведения искусства], которая открывает скрытые основания и описывает ее генезис» [4 р. 145]. М. Дюфрэнн пишет о критиках и их методологии разбора произведений искусства, и его описание в полной мере характеризует эстетические работы Фуко, поэтому приведем его полностью:

² Цит. по: Фуко М. Указ. соч. С. 148.

Рассмотрим критика, который рассматривает произведение. Предварительно заметим: само решение, которое он принимает, обладает феноменологическим характером. Можно провести некоторую аналогию между эстетическим отношением и редукцией. Использовать эпохэ – это значит отказаться от спонтанной веры для того, чтобы обратить внимание на способ, которым объект предстает перед нами. Но эстетическое отношение включает в себя также и нейтрализацию: когда я приступаю к произведению искусства, я каким-то образом отодвигаю внешний мир, и при этом сам мир произведения, в который я вхожу, сам предстает нейтрализованным: я не вызову врача или полицию, когда я читаю или вижу на сцене, как Отелло душил Дездемону. <...> ...Эстетическое отношение всегда полностью повернуто к объекту, а не к конституирующей активности субъекта; с другой стороны, если внешний мир нейтрализован, то внутренний мир произведения – нет. Из этого нейтрального мира не исходит нейтрализации вторичной силы. Сам феноменолог, когда он, в свою очередь, наблюдает за критиком, выполняет редукцию. Критик не феноменолог, но он может стать осведомленнее, научившись у него [4 р. 147].

Интерсубъективный мир произведения искусства

В своем эстетическом анализе Фуко обращается к проблеме отношений субъекта и объекта, зрителя и художника, пространства картины и пространства жизненного мира, в который вписано произведение искусства, и также приходит к необходимости различения означающего и означаемого, которые он раскрывает с помощью феноменологического анализа, хотя и не использует для этого традиционных для феноменологии терминов вроде эпохэ, феноменологической редукции и интенциональности. Однако, как мы видели ранее, Фуко осуществляет не что иное как редукцию, намеренно отказываясь от традиционных критических методов анализа искусства: он исходит из феноменологической установки, будучи открытым произведению и анализируя его так, словно впервые сталкивается с ним; его анализ носит интерсубъективный характер, поскольку включает другого и мир как целое в жизненный мир самого произведения, которые разъясняются им в семиотическом ключе. В этом Фуко остается единственным представителем критической теории искусства, впервые утверждающим принцип интерсубъективности в качестве основы своего эстетического анализа, хотя отдельные имплицитные элементы такого подхода обнаруживаются как у самих художников, так и у представителей феноменологии. Э. Гуссерль начинает свою работу «Логические исследования» с обсуждения проблем искусства наряду с другими науками,

поэтому у нас есть возможность последовать его завету и экстраполировать эти выводы на эстетическую проблематику; в указанной им необходимости рассмотрения соотношения знака и означающего мы можем убедиться в схожести критического метода Фуко:

Это широкое сведение самоочевидных процессов мышления на механические, посредством коего огромные области неосуществимых прямым путем задач мышления преодолеваются косвенным путем, покоится на психологической природе значно-символического мышления. Оно играет неизмеримо большую роль не только для построения слепых механизмов – на манер арифметических предписаний для четырех действий, и для высших операций с десятичными числами... эти заменяющие операционные понятия, благодаря которым знаки превращаются в своего рода игральные марки... они означают огромное облегчение его [мышления], они переносят его с тяжело доступных высот абстракции на удобный путь наглядного представления, где руководимое самоочевидностью воображение в пределах правил может действовать свободно и с относительно небольшими усилиями, приблизительно так, как в играх, основанных на правилах» [5 с. 173–174].

Об этом также пишет и Д. Силичев:

Смысл и значение сначала существует не как то, что я мыслю и в этом случае могу мыслить безразличием, равнодушно, а как то, что непосредственно касается меня и предопределяет мое поведение, обладает некоторым свойством неотложности для меня, находит отклик во мне и волнует меня... <...> ...Смысл должен быть схвачен в самом знаке и, как добавил бы к этому Гуссерль, опять же без всяких косвенно символизирующих и математизирующих методов, без аппарата умозаключений и доказательств. Дуализм знака и значения имеет место лишь тогда, когда смысл является больше умопостигаемым, чем переживаемым» [6 с. 142–143].

О новых гранях художественной семантики

Фуко обращается к искусству в большей степени как критик и постигает его посредством определенной методологической схемы, которая, как мы видим, преимущественно вписывается в рамки феноменологической. Фуко выстраивает свой критический анализ искусства в работах «Живопись Мане» и «Это не трубка», опираясь на основные понятия феноменологии и каж-

дый раз приходит, говоря в самом общем смысле, к идее различения подобия и репрезентации как фундирующим для своей эстетической критики. Не всегда то, что кажется подобным чему-то, одновременно его репрезентирует, и наоборот – так может быть выражена основная задача Фуко. Таким образом, опираясь на исследование М. Фуко и находя в нем феноменологическое зерно, мы можем утверждать, что начиная с живописи Мане может идти речь о формировании новой эстетической семантики, реализованной впоследствии в произведениях импрессионистов Р. Магритта, Кандинского и других. Впоследствии эти и многие другие процессы приведут к проблеме определения подлинности произведений искусства, что Р. Краусс назовет «драматическим опытом распада произведения искусства как модуса эстетического опыта» [5 с. 97]. Ролан Барт, с цитаты из которого мы начали, написал «Империю знаков» как литературу саму по себе: завершая эту статью и опираясь на работу Барта, посмотрим на историю о знаках и неизбежной необходимости их поиска и воспроизводства нашим сознанием с другой стороны. Очевидно, что любая попытка применения феноменологического подхода к искусству будет приводить нас тем или иным путем к проблеме тождества и различия: об этом писал и Гуссерль, и Дюфренн, к этому приходит и Фуко. Однако одно из основных понятий феноменологии, если немного дистанцироваться от ее методологических схем, это, прежде всего, понятие смысла. Возможны ли смыслы, когда нет знаков и отношений, подобным описанным Фуко? Сам Фуко, вероятно, видит их в интерсубъективном единстве произведения искусства и мира, интенциональных связей, конструирующих как искусствоведческий анализ, так и разнообразные грани художественной семантики, которые могут быть выражены в различных отношениях художника и зрителя, изображенного и полотна, идеи и воплощения, жизненного мира и бытия в нем произведения искусства, и так далее. Но все же, что означает искусство, или в чем состоит смысл искусства, если оно не подчинено бесконечной игре знаков и перестановкам означающих и означаемых? Барт говорит об этом так:

Запад навондняет всякую вещь смыслом, подобно авторитарной религии, навязывающей посвящение целым народам... у нас есть два способа избежать позора бессмыслицы, с помощью которых мы систематически подчиняем высказывание (в остервенелом затушевывании всякого рода никчемности, которая могла бы обнаружить пустоту языка) тому или иному из имеющихся в нем значений (или же тому или иному производству знака): символ или рассуждение, метафора или силлогизм [8 с. 90].

Заключение

Разность культур подразумевает соблюдение соразмерности методологического подхода относительно той или иной культуры: анализ западного искусства неизбежно приводит критиков к тому или иному способу детализированного разбора произведений, и в этом смысле феноменологическая археология Фуко фактически не является исключением и структурно роднится с западным искусством (здесь мы оставляем за скобками обозначенные выше особенности феноменологического подхода, отличающего его от прежних интерпретаций, разлагающих искусство на отдельные детали, не подсвеченные смыслами; здесь для нас имеет значение присутствие расщепления как элемента методологии в принципе). В большинстве случаев в ходе истории искусство само по себе строилось на интерпретациях различного вида мифологем, а также общей преемственности сюжетной традиции, которая с течением времени и под влиянием многих факторов преобразовалась в «воспроизводимость», о которой писал В. Беньямин. Поэтому можно предположить, что метод Фуко наверняка неприменим к некоторому пласту восточных искусств, созданному обособленно от западных влияний, поскольку для восточного сознания западноевропейская структура эстетического мышления, скорее всего, окажется чуждой. Загадка притягательности хокку, о которой пишет Барт, состоит в недостающей западному человеку незатейливости и простоте, которая одновременно и есть то самое буддистское медитативное «здесь и сейчас», не находящее себе места в бесконечных символично-семиотических наслоениях западного искусства и его критики.

Статья подготовлена при финансовой поддержке инициативной НИР № 100412–0–000 «Наука и миф».

The article was prepared with the financial support of the initiative research № 100412-0-000 “Science and myth”.

Литература

1. *Фуко М.* Живопись Мане. СПб.: Владимир Даль, 2011. 232 с.
2. *Фуко М.* Это не трубка. М.: Художественный журнал, 1999. 152 с.
3. *Кандинский В.* Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука, 2005. 240 с.
4. *Dufrenoye M.* Esthétique et philosophie. Paris: Éditions Klincksieck, 1967. 212 p.
5. *Гуссерль Э.* Логические исследования: Ч. 1: Прологомены к чистой логике. СПб.: Образование, 1909. 224 с.

6. Силичев Д.А. Проблема восприятия в эстетике М. Дюфренна // Вопросы философии. 1974. № 12. С. 142–146.
7. Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М.: Художественный журнал, 2003. 320 с.
8. Барт Р. Империя знаков. М.: Практикс, 2004. 144 с.

References

1. Foucault M. Painting by Manet. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2011. 232 p. (In Russ.)
2. Foucault M. This is Not a Pipe. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal Publ.; 1999. 152 p. (In Russ.)
3. Kandinsky W. Point and Line to Plane. Saint-Petersburg: Azbuka Publ.; 2005. 240 p. (In Russ.)
4. Dufrenne M. Esthétique et philosophie. Paris: Éditions Klincksieck, 1967. 212 p.
5. Husserl E. Logical Investigations. Part 1. Prolegomena to Pure Logic. Saint-Petersburg: Obrazovanie Publ.; 1909. 224 p. (In Russ.)
6. Silichev D. The Issue of Perception in M. Dufrenne's Aesthetics. *Voprosy filosofii*. 1974;12:142-46. (In Russ.)
7. Krauss R. The Originality of the Avant-Garde and Other Modernist Myths. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal Publ.; 2003. 320 p. (In Russ.)
8. Barthes R. The Empire of Signs. Moscow: Praxis Publ.; 2004. 144 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Нада М. Марджи, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; nada.m.marji@gmail.com

Information about the author

Nada M. Marji, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 10/2, Miklukho-Maklai Str., Moscow, Russia, 117198; nada.m.marji@gmail.com

УДК 7.03

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-66-75

«Римский кружок»: влияние немецкого формализма на педагогический метод А. Ажбе

Юлия С. Мерецкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, jmer7@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается влияние идей членов «Римского кружка» – К. Фидлера, Х. фон Маре и А. Гильдебранда, стоявших у истоков европейского формализма, на педагогический метод А. Ажбе. Для лучшего понимания культурного контекста и предпосылок возникновения противоборства новаторских и консервативных движений обрисована философская и художественная ситуация в Германии в последней трети XIX в., в частности в ее главном культурном центре – Мюнхене. С баварской столицей были так или иначе связаны все представители «Римского кружка», ставшие основоположниками теории видения и формалистического подхода, оказавшего влияние на искусство, философию, филологию во всей Европе. В статье рассматриваются философские идеи К. Фидлера, А. Гильдебранда и базирующийся на них педагогический подход живописца Х. фон Маре. В конце XIX в. в Мюнхене сформировался крупный сектор частных художественных школ, которые выступали в качестве альтернативы официальному образованию, а нередко в качестве дополнения к нему. Одной из самых известных частных художественных школ Мюнхена была школа словенца А. Ажбе. Как художник и педагог он испытал значительное влияние формализма, так как его творческое становление проходило в период расцвета и признания теорий формализма в Мюнхене.

В данной статье на конкретных примерах сопоставляются теория видения, законы формообразования и понимание задач искусства, манифестированные в трудах К. Фидлера, А. Гильдебранда, и Х. фон Маре с «Принципом шара» и «Принципом кристаллизации красок» – основополагающими идеями педагогического метода А. Ажбе.

Ключевые слова: Римский кружок, формализм, Фидлер, Гильдебранд, Маре, педагогический метод Ажбе, принцип кристаллизации красок, «принцип шара»

© Мерецкая Ю.С., 2019

Для цитирования: Меретская Ю.С. «Римский кружок»: влияние немецкого формализма на педагогический метод А. Аžбе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 66–75. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-66-75

“Roman Circle”: German formalism influence on the Anton Ažbe’s pedagogical method

Yulia S. Meretskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, jmer7@yandex.ru*

Abstract. The article discusses an influence of ideas of “Roman Circle” members Konrad Fiedler, Hans von Marées and Adolf von Hildebrand, who stood at the origins of European formalism, on Anton Ažbe’s pedagogical method. For a better understanding of the cultural context and the prerequisites for the emergence of a confrontation of innovative and conservative movements the author outlines the philosophical and artistic situation in Germany in the last third of the 19th century, in particular in its main cultural center – Munich. Somehow or other all “Roman Circle” members were connected with Bavarian capital. They became founders of the theory of the vision and formalist approach, that influenced the art, philosophy, philology throughout Europe. The article deals with K. Fiedler and A. von Hildebrand philosophical ideas and the painter H. von Marées pedagogical approach based on them. At the end of 19th century, the large sector of private art schools was formed in Munich. They acted as an alternative to, and often as a complement to, formal education. Anton Ažbe’s school was one of the most famous private art schools in Munich. As an artist and teacher, he (a Slovenian) experienced a significant influence of formalism, because his artistic development took place during the theories of formalism heyday and recognition in Munich.

The article compares with concrete examples the theory of vision, the laws of the forms-shaping and the understanding the tasks of art, manifested in the works of C. Fidler, A. Hildebrand, and H. von Marées with the fundamental ideas of the Anton Ažbe’s pedagogical method – “Sphere Principle” and “Crystallization of Color Principle”.

Keywords: Roman Circle, formalism, Fiedler, Hildebrand, Marées, Ažbe’s pedagogical method, Crystallization of Color Principle, Sphere Principle

For citation: Meretskaya YuS. “Roman Circle”. German formalism influence on the Anton Ažbe’s pedagogical method. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;1:66-75. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-66-75

Конец XIX в. был ознаменован появлением позитивизма, утверждавшего, что естественнонаучный опыт универсален и потому должен определять пути развития гуманитарных дисциплин. В сфере искусства и искусствознания происходит переосмысление вопросов мимесиса, анализируются психология творческого процесса, зрительного восприятия, художественного воображения.

В Германии во второй половине XIX в. классический позитивизм не пользовался популярностью, в отличие от нового идеалистического течения – неокантианства, которое стремилось к союзу между философией и естествознанием [1 с. 462–463]. Художественно-эстетическая ситуация рубежа XIX–XX вв. в Германии характеризуется многообразием новейших направлений, пересматривающих и критикующих традиционные ценности, официальное искусство.

Противоборствующие силы в искусстве Германии рубежа XIX–XX вв. можно условно свести к двум – новаторским и консервативным. Эти течения имели сторонников и противников и в Мюнхене – одном из важнейших культурных центров Германии конца XIX в., куда стекались живописцы со всей Европы для получения образования в Академии художеств или же в частных художественных школах.

Одной из самых известных была открытая в 1891 г. [2 S. 199] студия словенца Антона Ажбе (1862–1905). Основанный на двух педагогических принципах – «Принципе шара» и «Принципе кристаллизации красок», метод Ажбе оказал значительное влияние на живопись Восточной Европы и России конца XIX – начала XX в. и заложил основу для ряда новаторских направлений в искусстве раннего авангарда.

Хотя Ажбе в соответствии с требованиями времени признавал необходимость передачи зрительных впечатлений, однако согласно его «Принципу шара» предварительно следовало разобраться в устройстве изображаемого и свести его к простым формам. Далее, проведя светотеневую моделировку, нужно было постепенно перейти к малым формам и найти пропорциональные соотношения между ними.

«Принцип кристаллизации красок» также отражал общеевропейское видение искусства, отчасти был близок импрессионизму, но имел отличия в живописной технике. Следуя ему, нужно было одной и той же кистью набрать несколько необходимых для мазка красок с палитры и, не перемешивая их на ней, сразу нанести на холст. Импрессионисты же каждый раз брали кистью только один цвет [3 S. 137–138].

Педагогический метод Ажбе сформировался в том числе под влиянием идей естественно-философского «Римского кружка» [2 S. 203], в который входили философ Конрад Фидлер (1841–1895),

живописец Ханс фон Маре (1837–1887) и скульптор Адольф фон Гильдебранд (1847–1921), познакомившиеся в Италии в 1867 г. [4 с. VI]. Вдохновленные итальянским искусством, члены «Римского кружка» развивали идеи формализма и теории видения.

Влияние идей «Римского кружка» вышло далеко за границы Мюнхена и даже Германии. Российский философ М.М. Бахтин назвал его «колыбелью европейского формализма» и указал, что «объективное ядро их учения продолжало продуктивно развиваться в трудах Шмрадова, Воррингера, Мейер-Грефе, Вельфлина, а также Гаузенштейна, совершенно независимо от различных художественных вкусов и предпочтений всех этих исследователей» [5 с. 224]. Искусствовед М. Бараш проследил сходство между некоторыми идеями Фидлера и теориями школы феноменологии [6 р. 126]. Теория видения легла в основу разработанного Г. Вельфлином формально-стилистического анализа произведений искусства. Труд Гильдебранда «Проблемы формы в изобразительном искусстве» долгие годы был основой педагогических программ для художников и скульпторов ВХУТЕМАСа [7 с. 170–181]. Также теория формализма оказала сильное влияние и на филологические круги. Ее изучением в СССР занимались литературовед В.Б. Шкловский и философ М.М. Бахтин [5 с. 195–348].

Идеи «Римского кружка» испытали сильное влияние неокантианства. Они находились в зоне классического понимания целей искусства, однако их нельзя полностью причислить к приверженцам академической системы. Хотя теоретические труды Фидлера и Гильдебранда использовались в качестве учебных пособий, однако живопись Маре не понималась в академических кругах. При этом скульптурные работы Гильдебранда были оценены по заслугам.

Маре воплощал идеи формализма в творчестве и передавал в процессе обучения, но не зафиксировал их в письменном виде. Он активно делился своими художественными теориями с друзьями и учениками, убедительно доказывая их состоятельность [4 с. VI]. Идеи Маре нашли отражение в теоретических трудах его единомышленников, некоторые из которых были хорошо известны в Мюнхенской Академии художеств и использовались в качестве учебных пособий для студентов, в числе которых в период 1884–1891 гг. был и Ажбе.

Творчество немецкого живописца Ханса фон Маре не пользовалось популярностью при его жизни. В 1891 г. в мюнхенском Стеклянном дворце открылась большая посмертная выставка, организованная Фидлером, после чего картины были подарены государству и перевезены в загородный королевский дворец Шлейсгейм, куда Ажбе часто направлял своих учеников [2 S. 203]. Картины Маре не стали размещать в новой Пинакотеке из-за их «новизны и непо-

нятности для публики». Постепенно популярность Маре росла, и в XX в. его талант был оценен по заслугам [8 с. 121]. Ажбе уже в конце XIX в. рекомендовал творчество Маре своим ученикам, что доказывает его дальновидность и чуткость [2 S. 204].

У Маре, так же, как у Ажбе, была школа и ученики, и сербский искусствовед К. Амброжич нашла некоторые совпадения в педагогических методах обоих художников-педагогов.

По воспоминаниям К. фон Пидолла, ученика Маре, последний преподавал некую естественную анатомию, поскольку при рисовании показывал, как построено тело. Например, при построении фигуры Маре советовал своим студентам сравнивать голову с кругом, а шею – с коротким столбом, ногу также называл столбом [2 S. 204]. Вероятно, именно этот прием лег в основу «Принципа шара» Ажбе.

Маре говорил своим студентам: «Недостаточно, чтобы предмет был по природе точен, вопреки этому он может быть ошибочным с точки зрения искусства, правда искусства – самое сложное в искусстве и тайна для большинства». Немецкий искусствовед Ю. Мейер-Грефе подчеркивает, что Маре учил именно видеть, а не копировать натуру, его девизом было – «научиться видеть – это все» [2 S. 204].

Судя по воспоминаниям И.Э. Грабаря, Ажбе придерживался той же точки зрения в вопросе копирования природы. Корректируя работы И.Э. Грабаря и Д.Н. Кардовского, Ажбе сделал им следующее замечание: «У вас слишком случайно, слишком копированно, а между тем существуют законы, которые надо знать» [8 с. 126–127].

Живописная манера Маре также восхищала Ажбе и соответствовала его представлениям о форме. Они заключались в том, что контур не определяет форму, а главное – мазок, придающий форме рельефность и жизненность [2 S. 204]. Однако несмотря на возможное сходство взглядов на живопись в работах Маре сложно найти какое-либо предвестие «Принципа кристаллизации красок» Ажбе.

Педагогические инновации Маре не были знакомы Ажбе, однако он мог познать их за время обучения в Мюнхенской академии художеств [2 S. 204]. Можно предположить, что понимание проблем формы Ажбе было схоже с идеями Маре, и при разработке своего «Принципа шара» Ажбе по большей части опирался именно на них. Однако нельзя утверждать, что и «Принцип кристаллизации красок» вдохновлен его творчеством.

Конрад Фидлер стал основоположником теории видения, или абсолютного зрения, которую описал в вышедшей в 1887 г. работе «О происхождении художественной деятельности». Эта книга была хорошо известна в Мюнхенской Академии художеств в то

время, когда там учился Ажбе. В своей работе Фидлер развивал правило Маре «научиться видеть – это все».

В теории видения Фидлера, по мнению К. Амброжич, для Ажбе могли быть особенно интересны два положения – о художественной форме и процессе художественной деятельности. В них особенно ощущается связь с художественной деятельностью Маре [2 S. 204–205].

Фидлер полагал, что для понимания природы чувственного опыта необходимо сконцентрироваться на каком-то одном аспекте, в качестве которого он выбрал зрение. Если полностью ограничиться визуальными впечатлениями, объекты реального мира покажут свой истинный облик. Абсолютное видение достигается, только когда все взаимосвязи между изображением в наших глазах и в мире «объективной» реальности порваны [6 p. 124–126].

В процессе живописной и скульптурной деятельности человек не противопоставляет модель ее изображению. Модель сама по себе является частью природы, внешнего мира, и не доступна художнику напрямую. В результате зритель имеет в сознании лишь зрительное представление художника от модели и изображение этого его представления.

Фидлер считал, что стремление к созданию выразительности, впечатления не является задачей художника, т. к. это всего лишь эмоциональная реакция зрителя на картину. Ни абсолютное видение, ни работа художника не стремятся запечатлеть выразительность [6 p. 128–131].

В ученических работах Ажбе полностью отсутствует внешняя эффектность, чего нельзя сказать о двух его последних полотнах «Репетиция хора» (1900 г., Национальная галерея, Любляна) и «В гареме» (1903 г., там же). Известно, что в период преподавания Ажбе серьезно интересовался средствами выразительности. Он делал на заказ портреты, изобилующие сложными цветовыми и световыми эффектами [9 с. 148].

Та же ситуация наблюдается и в его педагогической деятельности. «Принцип кристаллизации красок» часто приводил к отрыву цвета от реальной формы предмета. М.В. Добужинский описывает его так: «Этот ловкий прием казался мне фокусническим трюком, и мне никак не давался. Я убеждался, что эта красочная и жирная живопись, культивируемая у Ашбе, была совершенно лишена самого главного – тона...» [9 с. 157].

По мнению российских искусствоведов Н.М. Молевой и Э.М. Белютина, при работе по «Принципу шара» изучение формы как таковой отходило на второй план. Важна была объемность изображения, приводящая к иллюзорности рисунка [10 с. 29].

Однако это не опровергает факт применения Ажбе в «Принципе шара» идей Фидлера. Изучение формы для Ажбе не отходило на второй план, а было равноценно визуальным эффектам, так как словенец творил и учил в духе прежде всего реализма, а также явно интересовался импрессионизмом.

Фидлер выступал против полного подражания природы в искусстве. Искусство – акт формирования видимости, это по сути ограничение, так как любое формирование обязательно нуждается в редукции. Таким образом, в процессе создания произведения искусства природа трансформируется [6 р. 128–131].

Данный тезис Фидлера созвучен девизу Маре «научиться видеть – это все». Ажбе полностью разделял данное утверждение и использовал в своей педагогической практике в процессе обучения рисунку.

К. Фидлер разделял художественную и природную форму предмета. Под природной формой он понимал какой-либо существующий в природе объект или явление. Художественная форма начинается с формы, предлагаемой изобилием природы. Творческая деятельность состоит не в изобретении, а скорее в очищении, формировании художественной формы из природной [6 р. 130].

Данное положение нашло прямое отражение в «Принципе шара» Ажбе. Как писал М.В. Добужинский: «В этой «системе Ашбе» самым ценным было обобщение и упрощение форм, и для меня, как и для всех новичков, это являлось действительно новым и свежим словом» [9 с. 149].

Таким образом, идеи Фидлера частично созвучны «Принципу шара» Ажбе в вопросе вычленения формы и весьма вероятно оказали влияние на его формирование. Однако стремление Ажбе к выразительности противоречит положениям Фидлера о задачах художника.

Адольф фон Гильдебранд – известный немецкий скульптор и теоретик искусства, ученик Маре и друг Фидлера, попеременно жил в Германии и в Италии, а в Мюнхене стал известен после выставки 1891 г. Напомним, что том же году в Мюнхене была открыта школа Ажбе, а Фидлером была устроена посмертная выставка работ Маре. Гильдебранд применил формалистическую теорию Фидлера к скульптуре и в 1893 г. выпустил работу «Проблема формы в изобразительном искусстве».

В этой работе А. Гильдебранд последовательно развивает следующий постулат: архитектурное построение создает из исследования природы произведение искусства. Скульптор полагает, что искусство на верном пути – когда художник не покидает естественных путей творчества – пытается сделать что-то как следует, а не стремится к блестящему результату [11 с. 4]. Данное положение

созвучно тезису Фидлера о недопустимости стремления художника к выразительности, приведенному выше, где также упомянут интерес Ажбе к визуальным эффектам.

Гильдебранд полагает: «Художественное изображение... должно извлечь из общей полноты явлений, и несмотря на присущую им множественность, эти элементарные воздействия, делающие для нас живым самое общее понятие формы. В написанном или высеченном человеческом лице то, что делает ребенок несколькими штрихами, должно равным образом преобладать как главное средство воздействия» [11 с. 21]. Данное утверждение А. Гильдебранда созвучно методам построения головы и фигуры по «Принципу шара» Ажбе.

Гильдебранд активно выступает против позитивистского подхода к искусству: «Кульминационная точка позитивизма в отношении к явлению была бы достигнута, если бы мы могли воспринимать с неопытностью новорожденного ребенка» [11 с. 23], и замечает, что изобретение фотографии способствует стремлениям позитивизма.

Однако ученические работы Ажбе (например, «Старик в черном галстуке», после 1890 г., Национальная галерея, Любляна), так же как и работы многих его учеников, носят явно реалистический характер. Кроме того, среди интересующих Ажбе новшеств была фотография, которую он, возможно, использовал при создании «Автопортрета» 1886 г. [3 S. 61–62].

Гильдебранд полагал, что учение о пропорциях не имеет смысла и, более того, пропорциями отдельных частей можно жертвовать ради общего впечатления [11 с. 24–25].

Некоторое пренебрежение пропорциями было замечено и у Ажбе. И.Э. Грабарь упоминал, что Ажбе не всегда был достаточно настойчив в моменте нахождения пропорциональных отношений [8 с. 130–131]. Также известно, что Ажбе не придавал значения внутренним осям предмета, но «рисовал от ближайшей формы в глубину» [10 с. 52].

Таким образом, в «Принципе шара» Ажбе можно выявить следование идеям Гильдебранда в части построения и обобщения форм, пренебрежения пропорциями, но в вопросах допустимости использования визуальных эффектов Ажбе не разделял позиций Гильдебранда.

Проведя анализ и сравнение основных идей членов «Римского кружка» и педагогического метода Ажбе, можно прийти к следующим выводам.

Понимание проблем формы Ажбе было схоже с идеями членов «Римского кружка» в части построения и обобщения форм, пренебрежения пропорциями, и при разработке своего «Принципа шара» Ажбе с высокой долей вероятности опирался именно на них. Воз-

можно, именно заложенная в педагогическом методе Ажбе идеями «Римского кружка» некая вторичность природы помогла в будущем многим его ученикам легко ее покинуть ради новаторских течений авангарда.

Стремление Ажбе к выразительности, наблюдаемое в его педагогическом методе, и его эксперименты со световыми и цветовыми эффектами противоречат положениям Фидлера и Гильдебранда о задачах художника.

Именно поэтому нельзя считать, что «Принцип кристаллизации красок» Ажбе, служащий целям выразительности и технически схожий с импрессионизмом, вдохновлен идеями «Римского кружка», хотя Ажбе и восхищался живописной манерой Маре.

В результате можно утверждать, что педагогический метод Ажбе является результатом переосмысления формалистических идей «Римского кружка» и выразительных средств реализма и импрессионизма. Очевидно, идеи «Римского кружка» оказали влияние на А. Ажбе и стали одним из источников формирования его педагогического метода.

Литература

1. *Гриненко Г.В.* История философии: Учеб. М.: Юрайт, 2004.
2. *Ambrožič K.* Wege zur Moderne und die Azbe-Schule in München / Pota k Moderni in Ažbetova šola v Münchnu. Weisbaden–Ljubljana, 1988–1989.
3. *Tršar M.* Anton Ažbe. Ljubljana: Zalozba Park, 1991.
4. *Розенфельд Н.Б., Фаворский В.А.* От переводчиков // Гильдебранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве и собрание статей / пер. Н.Б. Розенфельда и В.А. Фаворского. М.: Мусaget, МСМХІІІ.
5. *Бахтин М.М. (Волошинов В.А.)* Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000.
6. *Varasch M.* Theories of art, 3: from impressionism to Kandinsky. New York and London: Routledge, 2000.
7. *Власов В.Г.* Фаворский и ВХУТЕМАС // Пространство культуры: Дом Бурганова, 2009. № 2.
8. *Грaбарь И.Э.* Моя жизнь. Автобиография. М.; Л.: Искусство, 1937.
9. *Добужинский М.В.* Воспоминания. М.: Наука, 1987.
10. *Молева Н.М., Белотин Э.М.* Школа Антона Ажбе. К вопросу о путях развития художественной педагогики на рубеже XIX–XX веков. М.: Искусство, 1958.
11. *Гильдебранд А.* Проблема формы в изобразительном искусстве и собрание статей / Пер. Н.Б. Розенфельда и В.А. Фаворского. М.: Мусaget, МСМХІІІ.

References

1. Grinenko GV. History of philosophy: A Textbook. Moscow: Yurait Publ.; 2004. (In Russ.)
2. Ambrožič K. Wege zur Moderne und die Azbe-Schule in München / Pota k Moderni in Ažbetova šola v Münchnu. Weisbaden–Ljubljana, 1988–1989.
3. Tršar M. Anton Ažbe. Ljubljana: Zalozba Park, 1991.
4. Rosenfeld NB., Favorskiy VA. From the translator. Hildebrand A. *The Issue of form in the fine arts and a collection of articles*. Transl. by NB. Rosenfeld and VA. Favorskii. Moscow: Musaget, MCMXIII. (In Russ.)
5. Bakhtin MM. (under the name of VV. Voloshinov) Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and philosophy of language. Articles. Moscow: Labirint Publ.; 2000. (In Russ.)
6. Barasch M. Theories of art, 3. From impressionism to Kandinsky. New York and London: Routledge, 2000.
7. Vlasov VG. Favorskiy and VKHUTEMAS. *Prostranstvo kul'tury*: Dom Burganova. 2009; 2. (In Russ.)
8. Grabar IE. My life. Auto-Monography. Moscow; Leningrad: Iskusstvo Publ.; 1937. (In Russ.)
9. Dobuzhinsky MV. Memories. Moscow: Nauka Publ.; 1987. (In Russ.)
10. Moleva NM., Belyutin EM. Anton Azhbe's School. On the ways of development of artistic pedagogy at the turn of 19–20 c. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1958. (In Russ.)
11. Hildebrand A. The issue of form in the fine arts and a collection of articles. Transl. by NB. Rosenfeld and VA. Favorskii. Moscow: Musaget Publ.; MCMXIII. (In Russ.)

Информация об авторе

Юлия С. Мерецкая, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; jmer7@yandex.ru

Information about the author

Yulia S. Meretskaya, postgraduate student, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; jmer7@yandex.ru

Экспонирование осветительных приборов: искусствоведческие принципы музейных решений

Маргарита А. Митник

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mitnit2299@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается история экспонирования декоративно прикладного искусства с целью выявить и обосновать принципы экспонирования потолочно-осветительных приборов типа «люстры», в частности. В российском и зарубежном искусствознании можно назвать небольшое количество работ, посвященных непосредственно искусству осветительных приборов, их истории и бытованию. Не получила должного внимания также тема, связанная с методикой экспонирования потолочных светильников. В настоящее время отсутствуют как в отечественной, так и зарубежной литературе фундаментальные исследования, в которых характеризуются, анализируются и систематизируются принципы экспонирования потолочных светильников типа «люстра». Сведения о способах репрезентации потолочной арматуры в различных экспозиционных пространствах демонстрируются лишь в каталогах выставок и отдельных публикациях. Однако формат их изложения, как правило, дискретный. Возросший интерес к потолочным осветительным приборам можно проследить по частоте появления разнообразных выставочных проектов в мировой экспозиционной практике, в которых люстру демонстрируют либо как часть исторического интерьера, либо как самостоятельное произведение искусства.

Ключевые слова: экспонирование, экспозиция, декоративно-прикладное искусство, потолочно-осветительные приборы, выставка

Для цитирования: Митник М.А. Экспонирование осветительных приборов: искусствоведческие принципы музейных решений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 76–86. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-76-86

Lighting exhibiting. The art history principles of museum solutions

Margarita A. Mitnik

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mitrit2299@mail.ru*

Abstract. The article considers the history of the arts and crafts exhibiting in order to reveal and substantiate the principles of exposing the ceiling lighting devices such as “chandeliers” in particular.

In Russian and foreign art criticism, a small number of works devoted directly to the art of lighting devices, their history and existence can be named. The topic related to the technique of exposing ceiling light was also not given due attention. At present, there is no fundamental research in both national and foreign literature, characterizing, analyzing and systematizing the principles of the exposing the ceiling lamps of the “chandelier” type. Information on the methods of representation of ceiling reinforcement in various expositional spaces is available only in exhibition catalogs and in occasional publications. However, the format of their presentation, as a rule, is discrete. The increased interest in the ceiling lighting fixtures can be traced to the frequency of the appearance of various exhibition projects in the world exposition practice, where the chandelier is demonstrated either as part of a historic interior or as an independent work of art.

Keywords: exhibiting, exposure, arts and crafts, ceiling and lighting fixtures, exhibition

For citation: Mitnik MA. Lighting exhibiting. The art history principles of museum solutions. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;1:76-86. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-76-86

Декоративно-прикладное искусство – сложный термин, характеризующий объекты, обладающие как художественными, так и утилитарными функциями. С начала XIX в. специалисты в области прикладного искусства начинают придерживаться такой классификации предметов: по материалу, по технике исполнения, по функциональным признакам. Данный подход к изучению предметного мира выразился в принципах экспонирования объектов декоративно-прикладного искусства, в частности осветительных приборов как предметов, которые являются неотъемлемой частью среды обитания человека и постоянно развиваются в ходе исторической, технической и художественной эволюции.

В настоящее время мир повседневности как результат творческой деятельности неизменно вызывает интерес своей историей, эстетикой, перспективами. Использование предметов материальной культуры в быту постоянно поддерживает этот интерес, пробуждая

в человеке стремление знакомиться с новыми видами, формами, дизайном, что содействует интенсивной выставочной деятельности, обмену специальной информацией, демонстрации исторических и современных функций декоративно-прикладного искусства и его эстетической роли в организации жилой среды. Музейные экспозиции позволяют раскрыть всю многогранность предмета как с эстетической, так и с функциональной стороны. Выставочно-экспозиционная деятельность в настоящее время активно развивается, о чем свидетельствует число и многообразие современных художественных выставок, в том числе – выставок объектов декоративно-прикладного искусства. Экспонирование предметов творческой деятельности в сфере прикладного искусства вписывается в общий вектор современного освоения выставочных пространств, все дальше отходя от статичной музейной экспозиции.

Осветительные приборы можно рассматривать как самостоятельный вид декоративно-прикладного искусства, который эволюционировал в процессе развития цивилизации. Главной движущей силой при этом было постоянное усовершенствование конструкции с целью увеличения силы света и улучшения его качества. Одновременно с техническими новшествами приходили и новые формы эстетической выразительности, зависевшие от художественного стиля исторической эпохи. Среди многочисленных видов светильников ключевую роль в организации интерьера стала играть люстра – светильник с хрустальным убором.

Исторический процесс экспонирования потолочно-осветительных приборов следует за эволюцией их конструкций. В настоящее время декоративно-прикладное искусство как отражение творческой деятельности человека вызывает исторический и эстетический интерес. В этом контексте люстра выступает как произведение искусства, созданное в стилистике своего исторического времени. на основании изученных мировых практик удалось выделить четыре принципа экспонирования люстр: (1) в аутентичном интерьере (как правило, дворцовом), (2) в искусственно воссозданном интерьере, (3) в выставочном пространстве, (4) под открытым небом. Каждый из этих принципов уникален и демонстрирует перед зрителем потолочно-осветительный прибор по-разному, подчеркивая его функциональные или эстетические свойства, рассматривая его как органическую часть интерьера или как самостоятельный художественный объект.

В первом и втором случае светильник типа «люстра» как носитель культурных, стилевых и художественных кодов помещается в пространстве исторического интерьера, где продолжает выполнять свои основные функции. Экспозиции люстр в дворцовом и искусственно воссозданном интерьере могут быть названы ансамблевы-

ми. Такие ансамблевые экспозиции вызывают у зрителя чувство сопричастности эпохе и воссоздают атмосферу времени создания этих предметов освещения, в частности, люстр.

Потолочно-осветительные приборы как самостоятельный объект декоративно-прикладного искусства, который формировался в процессе исторической эволюции и всегда ярко выражал художественно-стилевые идеи своего времени, занимает особое место в организации внутреннего пространства. Потолочный светильник является доминантной частью интерьера, привлекающей внимание своими формами, размерами конструктивными особенностями. Люстра как светильник с хрустальным убором доминирует в композиционной организации и художественном оформлении дворцового интерьера как источник света, определяющий все дальнейшие эстетические решения в интерьере.

Интерьер – внутреннее архитектурное пространство с предметными комплексами, выстроенными в определенную систему и выражающими стиль и вкус эпохи. Восприятие интерьера как целостного эстетического комплекса из множества вещей, при этом функционального и комфортного, появилось в эпоху барокко. В таком интерьере каждый предмет, включая потолочный осветительный прибор – «люстру» – начинает создавать атмосферу. Главными тогда становятся не только функциональные качества светильника, но и эстетические. Поскольку эволюция люстры неразрывно связана с развитием художественного стиля, а также историей дворцовых интерьеров, лучшим приемом восприятия люстры как декоративного объекта оказывается сохранение ее в органике исторического дворцового пространства.

Такой принцип экспонирования как машина времени позволяет погрузить зрителя в прошлое без дополнительных усилий, поскольку каждый предмет интерьера здесь является частью истории. Но в связи с мировыми катаклизмами XIX и XX вв., а также быстрой сменой вкусовых предпочтений, многие дворцовые и жилые интерьеры дошли до нас в измененном виде. Во второй половине XX в. значительное количество памятников было восстановлено на основе архивных документов. «Родные» осветительные приборы либо возвратились на свои места, согласно источникам, либо были заменены историческими аналогами. В результате воссоздания по законам реставрационной науки подобные интерьеры сохраняют исторический характер и музеефицируются.

Условные, искусственно воссозданные исторические интерьеры позволяют изучать предметные комплексы в среде, максимально приближенной к реалиям того времени, а также получать представление о бытовой культуре прошлого.

В XX в. подобный прием «путешествия в историю» получил мировое признание и популярность как одна из форм сохранения культурного наследия. Еще одно предназначение условных исторических интерьеров, в которых органично живут подлинные вещи, состоит в их просветительской функции. С каждым годом количество выставок и музеев такого типа растет. Это так называемые «period room», создающие атмосферу эпохи, – специальные выставочные пространства, в которых представлены произведения искусства разнообразных жанров, объединенные общим художественным стилем. В комнатах «period room» [1 с. 25] представлены картины, скульптуры, предметы декоративно-прикладного искусства, мебель. Эти произведения искусства, находящиеся в помещениях с полностью или частично восстановленными оригинальными настенными покрытиями, потолками, полами, порталами и т. д., позволяют воссоздать историческую атмосферу. Предметы в комнатах демонстрируются не как отдельные экспонаты, но создают целостный ансамбль, представляя таким образом идеальную картину эпохи. Period room – единственный случай, когда иногда обходились без осветительного прибора в интерьере; в остальных случаях использовался стилистически подобранный или исторический светильник. Этот принцип экспонирования был разработан немецким историком искусства Вильгельмом фон Бодде (1845–1929) и быстро распространился по всему миру, позже был усовершенствован.

В отличие от большинства объектов декоративно-прикладного искусства, у потолочных осветительных приборов наряду с эстетической составляющей не менее важным является функциональное предназначение – освещать помещение. Для воссоздания атмосферы прошедшего времени фирмой Mathieu Lustrerie, занимающейся реставрацией потолочно осветительных приборов, в 2007 г. были изобретены специальные высокотехнологичные свечи, копирующие по форме и силе освещения восковую свечу [2 с. 5].

В истории развития экспонирования и внедрения новых экспозиционных принципов переломным моментом признается появление в мировой практике крупных промышленных и универсальных выставок XIX–XX веков. На выставочных стендах нашли отражение все принципы экспонирования осветительных приборов, многие из которых возникли гораздо раньше, в экспонировании любых коллекций. Выставочные стенды, как и современные выставки, демонстрировали либо идентичность одной страны, представляя лучшее потолочно осветительные приборы «современности», совмещая их с приборами прошлого, либо подчеркивали уникальность бренда. На стендах приборы располагались в так называемой «ковровой» развеске. Отдельно следует выделить павильоны и стенды,

где предметы располагались в воссозданных исторических пространствах.

Наравне с промышленными и художественно-промышленными выставками в начале XX в. в мировой практике начинают появляться большое количество временных художественных выставок, отличающихся от постоянных музейных экспозиций и от всего прежнего выставочного опыта, основанного на экспонировании коллекций. Новые выставочные практики отражают актуальные исторические и культурные проблемы, фокусируясь на определенной идее или предмете в том числе и на потолочно осветительных приборах.

Именно с начала XX в. в мировой музейной выставочной практике можно выделить выставки, сконцентрированные исключительно на коллекциях осветительных приборов. Самая первая подобная выставка состоялась в России в 1928 г., а в начале XXI в. в Европе. Осветительные приборы всегда привлекали человеческий взгляд, но широкий интерес к их истории и художественно-стилистической роли в интерьере усилился в последние десятилетия. Современные выставочные практики пытаются представить «люстру» как объект скульптуры, уделяя особое внимание ее эстетике и форме. Исторические потолочно-осветительные приборы продолжают являться объектом роскоши и коллекционирования, но, вместе с тем, становятся также выставочными экспонатами. Принципы экспонирования, заложенные Всемирными выставками, продолжают развиваться не только в выставочной практике, но и в музейных экспозициях.

Выставки потолочно-осветительных приборов решают ряд сложных задач в современном выставочном пространстве, связанных с экспонированием сложных художественных объектов. Группировка объектов и размещение их в пространстве музейного зала часто проблематичны из-за большого разнообразия материалов, фактур, веса и размера предметов. В связи с этим разрабатываются новые формы креплений и конструкций для демонстрации потолочной арматуры. Произведения декоративно-прикладного искусства требуют объемно пространственного решения помещения, в отличие от традиционных выставок живописи и графики. Выставки формируются на основе концептуальных разработок, с учетом экспозиционного материала, исторического периода, состава коллекции и предпочтений коллекционера и т. д. Концепция выставки позволяет подчеркнуть индивидуальность объекта или его типичность. Именно в период всемирных выставок и значит, финансирования новых проектов капиталом формируется институт кураторов, которые решали проблемы, связанные с организацией выставки, выступая в роли режиссера-постановщика в музейном

пространстве, тем самым создавая интересные контексты взаимодействия между предметами.

В эпоху кураторства существенную роль начинает играть само выставочное помещение, допускающее какую угодно меру условности и минимализма пространства. Для современных практик характерна репрезентация люстры в пространстве «белого куба», где предмет «живет своей жизнью». Понятие белого куба было введено арт-критиком Брайаном Одохерти в его работе «Внутри белого куба». Это простое, стерильное по архитектуре, пустое пространство с однотонными или первоначально белыми стенами. Для достижения цели убираются все экспонаты и создается свободное выставочное пространство в выставочном пространстве. Музейные залы такого типа позволяют зрителю сосредоточиться на объекте экспонирования.

Нередко куратор сознательно включает в интерьер произведения декоративно-прикладного искусства, создавая новые и неожиданные предметно-контекстные связи. Помещая «люстру» в пространство «белого куба», мы достигаем максимальной концентрации внимания на «люстре» как уникальном объекте, имеющем свои культурные и исторические коды, что способствует более подробному изучению люстры как художественного феномена.

Для лучшей демонстрации потолочная арматура меняет свое расположение в пространстве таким образом, что акцент переносится на осветительный прибор. Такую акцентуацию ввел Марсель Дюшан в 1938 г. на международной выставке сюрреализма: поместив люстру на пол с потолком, он «поставил зрителя с ног на голову». В классическом выставочном пространстве, где развешены картины, художник разместил на потолке 1200 мешков с углем, а на полу расположил жаровню – «люстру», внутрь которой была помещена лампа, этим жестом он сознательно и парадоксально перенес акцент на потолок. «Привычки смотреть на потолок у нас нет, мы занимаем низкое положение в истории обозрения интерьера. Иные эпохи что только не предлагали взгляду вверх... Помпеи, среди прочего, наводят на мысль, что на потолок больше смотрят женщины, чем мужчины... Эта высокая образность порой вселяет догадку, что смотрение вверх мыслилось аналогично смотрению вниз, так что зритель незаметно для себя оказался ходячим сталактитом» [3 с. 49]. Возможным вдохновением для Дюшана был диалог «Тимей» Платона с рассуждением про человека как дерево, растущее из неба. На взгляд исследователя данной работы, перенося предметы освещения на уровень человеческого роста, куратор заставляет зрителя задуматься о люстре, на которой не так часто фокусируется человеческий взгляд в повседневной жизни, несмотря на то, что с древних времен потолочный светильники является центром интерьера.

Для лучшей демонстрации объекта, а именно люстры, предпочтительно располагать ее на уровне глаз зрителя, что позволит получить наибольшее впечатление от произведения, а также подробно ознакомиться с его конструкцией. Люстры выставляются либо как уникальные объекты, либо совместно с другими антикварными и предметами класса люкс, сочетаясь на формально стилевом или на историческом уровне. Подобные проекты позволяют выявить жанровые и художественные особенности разного вида творчества. Продолжает использоваться и традиционная «ковровая» развеска. Чаще всего для выставок выбирается выставочное пространство, образованное белыми стенами или панелями, которое позволяет нивелировать другие смыслы и подчеркивать контекстные связи между предметами.

Выставки создаются фирмами, производящими современные осветительные приборы на основе конструкций прошлого, демонстрирующие как свои сегодняшние достижения, так и свои коллекции классических люстр. Также тема осветительных приборов становится популярной среди современных художников, которые создают световые скульптуры и арт-объекты.

В настоящее время выставки создаются фирмами, производящими осветительные приборы, которые нередко повторяют исторические конструкции в соединении с современным дизайном, либо варьируют формы классической люстры, которые нередко коллекционируют. Тема осветительных приборов типа люстры становится популярной среди современных художников, которые создают совершенно особенные произведения, среди них стоит выделить световые скульптуры и арт-объекты.

На рубеже XX–XXI вв., кроме практик экспонирования в выставочном пространстве, развивается демонстрация потолочно-осветительных приборов и в целом объектов декоративно-прикладного искусства под открытым небом. Исторически экспонирование осветительных приборов на открытом воздухе зародилось еще на площадях в Древнем Риме. Античные лампы располагались на «стендах» – *tabulae* (щит), *tabulae ansatae* (щит с подпорками), что позволяло демонстрировать их большому количеству людей.

Позже такого рода демонстрация получила развитие в придворной жизни благодаря световым шоу в прилегающих парках. Нередко там же устраивали демонстрацию ценных и редких предметов, найденных при раскопках, как артефактов.

Начиная с первой Всемирной выставки парк становится пространством для демонстрации самых разнообразных объектов. В этот период вырабатываются основные принципы и приемы экспонирования предметов в природной и городской среде, основан-

ные на сочетание форм, способствующих демонстрации эстетических качеств и технических свойств объектов.

Обширное количество причин заставляет музеи XXI в. проводить демонстрацию предметов на прилегающей к музею территории. Во-первых, многим инсталляциям на тему осветительных приборов из-за крупногабаритных форм становится тесно во внутреннем пространстве музея. Стремление к гигантизму свойственно не только инсталляциям, но и световым скульптурным композициям, главной задачей которых является привлечение посетителя в музей. Во-вторых, за счет расположения в инородном пространстве, классическая люстра начинает играть новыми красками, что позволяет продемонстрировать ее совершенно по-другому и задать другие связи объекта в пространственной среде. Одним из главных факторов, способствующего развитию экспонирования осветительных приборов вне дворцового или музейного пространства, является привлечение внимания как можно более широкой аудитории к проблеме освещения. В последнее время широко практикуются фестивали и ярмарки-продажи, важным аспектом организации которых становятся световые скульптуры и инсталляции, становящиеся как декоративными элементами, так и объектами продаж. Антикварные салоны также начинают организовывать специальные проекты вне интерьера, продолжая традицию французских блошиных рынков под открытым небом. Во многих городах Западной Европы каждые выходные проходят антикварные рынки, где методы развески и демонстрации остаются такими же, как и на первых всемирных выставках.

Кроме представления светильников в музейном интерьере и экспонирования их в выставочных павильонах, развивается практика представления люстры как в садово-парковом пространстве, так и в урбанистическом пейзаже. Наиболее распространенными являются проекты в ландшафтно-парковом пространстве, в частности, сады являются наиболее популярными местом размещением световых инсталляций как в Европе, так и в России. Стиль парка, как и осветительного прибора, всегда отражает эпоху создания. Осветительные приборы, внедренные в ландшафтное пространство, в контакте с природой рождают в садах неповторимую атмосферу.

Одной из наиболее сложных задач кураторов проектов является сохранность объектов и расположение их в природном пространстве, для чего разрабатываются сложнейшие конструкции их экспонирования. Для проектов выбираются либо сделанные современными мастерами объекты, либо реплики или копии светильников прошлого; также фирмы используют для демонстрации новых коллекций подлинные приборы или их части. Демонстрации освеще-

тительных приборов в парке способствуют свойства материалов, употребляемых для их изготовления. Различные виды металлов отражают солнечный свет, а стекло, пропуская его, переливается новыми красками.

Принцип экспонирования под открытым небом позволяет в открытом пространстве сада, улицы, площади, привлекая большое количество зрителей, представить исторические образцы потолочных осветительных приборов и разнообразные интерпретации на тему потолочного освещения, продемонстрировать художественные свойства материала и характер стилевого решения люстры как произведения декоративно-прикладного искусства. Итак, из выявленных четыре основных принципов экспонирования декоративно-прикладного искусства можно выделить два основных типа.

В первом предмет-«люстра» как носитель культурных, стилевых и художественных кодов становится частью создаваемых связей, исторического контекста, выполняя свою первоначальную функцию – «Ансамблевые экспозиции». Их можно условно разделить на два вида: в дворцовом и в искусственно воссозданном интерьере «period room».

Во втором типе, к которому можно отнести более поздние проекты, «люстра» становится уникальным центром, репрезентирующим и создающим свои собственные «контексты». В основном стремятся поместить «люстры» в пространство «белого куба» или экспонировать под открытым небом, дополняя их различными предметами или оставляя их уникальными выставочными экспонатами, меняя их классическое расположение в пространстве, что способствует более полно раскрыть сам предмет, являющийся отражением определенной эпохи в художественном, культурологическом и историческом «контексте».

Люстры являются уникальными объектами художественного экспонирования, обладая высоким статусом мирового исторического и культурного наследия. Важным аспектом в изучении экспонирования люстр становится связь их с контекстом, а также идея, что контекст формирует вещь. Такое изучение позволяет лучше систематизировать как сами изделия, так и виды выставочных практик.

Литература

1. *Одогерти Б.* Внутри белого куба: Идеология галерейного пространства. М.: Garage, 2013. 142 с.
2. *Сайфундинова А.* Исторический интерьер в аспекте музейной реконструкции и экспонирования // Музейные технологии. 2014. № 5. С. 15–25.
3. *Mathieu R.* Lumières. Une brève histoire du lustre Broché. P.: Louvre, 2013. 300 p.

References

1. Odogerty B. Inside the White Cube. The Ideology of the Gallery Space. Moscow: Garage Publ.; 2013. 144 p. (In Russ.)
2. Saifundinova A. Historical interior in the aspect of museum renovation and display. *Museum Technologies*. 2014;5:15-25. (In Russ.)
3. Mathieu R. Lumières. Une brève histoire du lustre Broché. Paris: Louvre, 2013. 300 p.

Информация об авторе

Маргарита А. Митник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mitrit2299@mail.ru

Information about the author

Margarita A. Mitnik, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; mitrit2299@mail.ru

Перцепция и рецепция в теории искусства

Сергей А. Филиппов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, s_a_filippov@mail.ru*

Аннотация. Известно, что человек вообще и психика в частности состоят как из врожденных, так и из приобретенных элементов. Поэтому всё, что мы делаем – не исключая искусство и коммуникацию, – определяется либо первыми, либо вторыми факторами. Однако в науках об искусстве это традиционно либо не учитывается, либо учитывается в недостаточной степени. Такой недоучет нестрашен в филологии, но в науке о визуальных искусствах, глубоко укорененных в особенностях зрительного восприятия, он может вести к существенным теоретическим потерям. Поэтому в искусствоведении имеет смысл систематически различать особенности искусства, опирающиеся на врожденные аспекты восприятия (перцепцию) и на приобретенные (рецепцию).

Ключевые слова: теория искусства, культурно-биологический дуализм, искусство и язык, перцепция и рецепция, когнитивная теория искусства

Для цитирования: Филиппов С.А. Перцепция и рецепция в теории искусства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 87–97. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-87-97

Perception and reception in the theory of art

Sergei A. Filippov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia; s_a_filippov@mail.ru*

Abstract. It is known that a man in general and the psyche in particular consist of both the innate and acquired elements. Therefore, everything that we do – including the art and communication – is determined either by the first or second factors. However, in the studies of art, that is usually either not taken into account or not taken into account sufficiently. Such undercount doesn't make problems in philology, but in the studies on the

visual arts, that are deeply rooted in the peculiarities of visual perception, it can lead to significant theoretical losses. Therefore, in art studies, it makes good sense to systematically distinguish between the features of art, based on the innate aspects of perception (perception) and on acquired aspects (reception).

Keywords: art theory, nature/culture dualism, art and language, perception and reception, cognitive theory of art

For citation: Filippov SA. Perception and reception in the theory of Art. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:87-97. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-87-97

Мы и наша психика отчасти состоим из врожденных (определяемых генами) элементов, и отчасти – из приобретенных (определяемых социальным окружением в частности и культурой вообще). Больше ничего в нас нет¹. Следовательно, вся человеческая деятельность может и должна быть описана в терминах сочетания природных и культурных элементов – искусство и коммуникация здесь не исключение. Однако несмотря на полную тривиальность этого рассуждения, науки об искусстве и медиа, насколько можно судить, в основном его избегали и не рассматривали предметы своих исследований как комбинации биологических и культурных составляющих.

Собственно говоря, до сравнительно недавнего времени и эстетика, и искусствознание (не говоря уже о лингвистике) не были склонны учитывать никакие особенности человеческого устройства – ни врожденные, ни приобретенные. Эстетика изучала прекрасное вообще, искусствознание – искусство как таковое, лингвистика – язык сам по себе. Результатом обычно была некая общая теория – универсальная, а значит, не подразумевающая возможности трансформации, и, таким образом, исключая влияние изменчивой культуры. Причины же не вызывали особого интереса: нечто прекрасно или художественно потому, что так определено богом или природой. А если ввести сюда человека, то ничего по существу не изменится: нечто *нам кажется* прекрасным или художественным потому, что мы так устроены – опять же, богом или природой.

¹ Для простоты изложения не будем говорить о некоторых факторах, не вполне укладывающихся в эту дихотомию, – а именно о пренатальном развитии (т. е. о влиянии на плод характера протекания беременности), особенности которого являются, строго говоря, врожденными, но не определяемыми генетическим кодом, и о внекультурных воздействиях на развитие уже родившегося человека (эпигенетические механизмы, а также климат, солнечная активность и т. п.).

Таким образом, если классическая гуманитарная мысль и пожелала бы связать искусство, красоту и коммуникацию с устройством человека, то это все равно бы не получилось, поскольку у таком устройстве было практически ничего не известно. Разумеется, каждый конкретный мыслитель мог опираться на любую концепцию психического в диапазоне от учения о припоминании знания Платона до *tabula rasa* Локка, но это сделало бы его собственную концепцию ничуть не более обоснованной и мотивированной, чем если бы он просто составил, скажем, перечень прекрасного и возвышенного, опираясь на собственные ощущения, как это и было принято в классической эстетике.

Но со второй половины XIX в. стали очень активно развиваться как биология, так и комплекс наук о человеке (большинства из которых ранее просто не существовало), и к середине XX в. наш культурно-биологический дуализм стал вполне очевидным. И при этом еще задолго до секвенирования генома человека появились достаточно надежные методы дифференциации природного и культурного в нас². Можно было бы надеяться, что и науки об искусстве и коммуникации обратятся к этим данным, но этого, однако, не произошло. Если говорить о чистом искусствоведении, то оно в целом разделилось на узкую группу исследователей психологии искусства [2–7], рассматривающих преимущественно врожденно-психологические основы художественного, и широкую группу остальных исследователей, склонявшихся ко все большей и большей культурной детерминированности.

Доминировавшая в гуманитарном дискурсе 1950–1960-х гг. семиотика ничего против биологии не имела, и даже иногда могла вполне заинтересованно обращаться к данным психофизиологической науки [8]. Однако этот интерес не был в ней ни распространенным, ни последовательным, поскольку в нашей природе укоренен лишь сам знакообразующий принцип бинарных оппозиций (эквивалентный свойству левого полушария головного мозга обрабатывать информацию с помощью дискриминантных признаков) и, по-видимому, некоторые фундаментальные основы принципов сочетания знаков (так называемая врожденная грамматическая структура), тогда как сами знаки и правила их сочетания в данной конкретной знаковой системе – что и представляет основной

² Например, как отмечал подробно исследовавший взаимоотношения биологической и культурной эволюций Конрад Лоренц, «если мы обнаруживаем, что определенные формы движения или нормы социального поведения являются общечеловеческими... отсюда с вероятностью, граничащей с достоверностью, вытекает, что они... закреплены в геноме» [1 с. 505].

интерес для подавляющего большинства гуманитарных исследований – являются чисто культурными феноменами.

Пришедший на смену семиотике (структурализму) постструктурализм уже не изучал фундаментальные основы коммуникации (они остались на предыдущем, семиотическом, уровне), и с потерей интереса к ним были потеряны и остатки интереса к биологии, так что постструктуралисты занимались одной лишь культурой *de facto*. Наконец, постмодернизм превратил это фактическое состояние в догму: отказавшись от категории истинности, постмодернисты, тем самым, отсекали от себя данные всех точных наук вообще и возможность биологической редукции в частности. С этих пор о врожденных явлениях в гуманитарных науках говорить не очень принято.

Довольно существенной – а может быть, и самой важной – причиной такого систематического пренебрежения гуманитарных наук человеческой природой даже в такие времена, когда объем наших знаний о ней увеличивается как снежный ком, очевидно, является их логоцентризм: то обстоятельство, что на протяжении всего XX в. основным и едва ли не единственным мотором гуманитарного дискурса была филология. В науках о коммуникации логоцентризм совершенно естественен (биологически обусловлен), поскольку вербальный язык является основной и наиболее развитой природной формой человеческого общения, но в науках об искусстве логоцентризм исторически сложился в силу, по-видимому, достаточно случайных обстоятельств.

В обеих филологических науках – в лингвистике и в литературоведении – роль биологических факторов и в самом деле невелика. За исключением уже упомянутых бинарных основ и врожденной языковой способности (которую изучает психолингвистика, а она ближе к психологии, нежели к самой лингвистике), в языке и в литературе не так уж много аспектов, для понимания которых желательно знакомство с нашим биологическим устройством. Разумеется, для понимания того, как работают язык и литература, необходимо определенное представление о том, как работают наши эмоции и память – но на сегодня, по-видимому, нет особых оснований полагать, что это представление должно существенно выходить за рамки наших общих, «бытовых» знаний об этих психических сферах. То же самое, вероятно, можно сказать и об отношениях литературы и восприятия.

Взаимоотношения восприятия и языка – почти инвариантного даже к самому каналу восприятия (слух для устной речи, зрение для письменной) – весьма и весьма сдержанны. Действительно, особенности нашей перцептивной системы способны повлиять, с одной стороны, на характер фонематического строя языка, где они

и в самом деле значимы для выбора наиболее хорошо различимых элементов, и, с другой стороны, на его лексический состав, который, естественно, в большей степени определяется нашими возможностями восприятия тех или иных явлений. Однако на грамматическую структуру языка вообще и отдельных языков в частности наша перцептивная система, по-видимому, не влияет никак.

Напротив, сам язык существенно влияет на характер нашего восприятия различных явлений, создавая так называемую языковую картину мира. Совсем не обязательно соглашаться со столь категоричными версиями концепции влияния языка на восприятие, как витгенштейновское «границы моего мира – это границы моего языка», или как сильный вариант гипотезы языковой относительности Уорфа–Сепира, в соответствии с которым мы «воспринимаем окружающий мир... в терминах только тех категорий и противопоставлений, которые отражены в нашем языке» [9 с. 272]. Для искусствоведа естественнее не соглашаться с ними, но само наличие влияния доказано: «Эксперименты подтверждают гипотезу в ее более мягкой формулировке, а именно то, что структура языка влияет на восприятие и память» [9 с. 274]³.

В системах визуальной коммуникации и искусства положение дел прямо противоположное, и если их воздействие на наше восприятие не очень велико (хотя в нашем фото-кино-теле-компьютеризированном мире оно, по-видимому, постепенно увеличивается), то обратный процесс играет в них определяющую роль. Дело здесь в очевидном фундаментальном принципе – настолько очевидном, что о нем очень часто забывают, – состоящем в том, что *любая коммуникационная или художественная система способна использовать только такие элементы, которые могут быть распознаны получателем сообщения*.

А этот принцип по-разному сказывается на вербальной и визуальных системах. Первая использует только очень небольшое количество нуждающихся в распознавании минимальных элементов (фонем, или, точнее говоря, различительных признаков), которые, по-разному соединяясь между собой, образуют все богатство вербального языка, уже мало зависящее от наших перцептивных анализаторов – они свою работу выполнили на самом раннем этапе, и более не нужны. Визуальные же системы не имеют в своей основе

³ Сильную формулировку иногда также называют гипотезой лингвистической обусловленности, а слабую, «мягкую» формулировку – собственно гипотезой лингвистической относительности [10 с. 47]. Также отметим, что в работах последних лет ставятся под сомнение не только основные положения, но и исходные данные самого Бенджамена Уорфа [11].

такого удобного набора первоначальных элементов и вынуждены постоянно задействовать весь аппарат нашего зрительного восприятия практически во всей его сложности (которая, к тому же, гораздо больше, чем в слуховом случае).

Поэтому никакой серьезный разговор о природе визуальных коммуникативных и художественных систем без понимания особенностей системы нашего зрительного восприятия невозможен. Более того, недоучет биологической природы зрения может приводить не только к занижению ее значения в искусстве (ошибка первого рода), но также, как ни странно, и к завышению ее значения (ошибка второго рода), то есть уже не только к приписыванию культуре биологических явлений, но и, напротив, отнесению на счет биологического фактора явлений, в действительности оказывающихся культурно-обусловленными. Первое свойственно многим работам постструктуралистского и, тем более, постмодернистского направлений, а второе регулярно встречается, например, в работах по теории перспективы, зачастую склонных объявлять центральную перспективу естественной, природной, тогда как в действительности она является выученной, культурной.

Итак, как и в любом другом человеческом феномене, в восприятии имеются биологическая составляющая, закрепленная в генах, и культурная, передающаяся нам вместе с нашим жизненным опытом – в том числе, как мы только что видели, и с вербальным, но далеко не только с ним одним. Естественно как-то поименовать эти составляющие, но здесь нас поджидает досадный сюрприз: оказывается, в психологической науке нет специальных терминов для врожденных и приобретенных аспектов восприятия, и, тем более, в ней нет специальных терминов для обозначения тех приобретенных с опытом элементов восприятия, которые были обусловлены именно культурой (а не индивидуальным опытом или, напротив, социальным развитием как таковым).

Видимо, это связано с уже упомянутой общегуманитарной традицией мыслить в бинарных терминах «или-или» и с узкой дифференцированностью областей исследования: те ученые, которые занимаются восприятием в целом, обычно не интересуются культурными различиями (а если и обращают на них внимание, то в основном лишь с тем, чтобы исключить их влияние на эксперименты), а иногда вообще склонны отрицать их существование (например, рассматривая их проявления как индивидуальные отличия). Это, в свою очередь, способствует формированию прямо противоположным образом мыслящих исследователей, либо интересующихся только культурными различиями, либо рассматривающих биологические универсалии как самоочевидные.

То, что пока устраивает такую сравнительно разобщенную науку, как психологию, разные области и школы которой изучают различные аспекты человеческой психики, к сожалению, неприемлемо для искусствоведения, всегда имеющего дело с высокоинтегрированным явлением, которое нельзя рассматривать без учета и дифференциации всех важнейших его составляющих. И, в соответствии с уже довольно сильно укоренившейся гуманитарной традицией, культурнообусловленный аспект восприятия естественнее всего называть рецепцией, а биологический для удобства противопоставления с первым можно назвать перцепцией.

Оба термина, правда, вызывают довольно большие сомнения с точки зрения их корректности. Первый из них в психологии обычно означает нечто практически противоположное культурологическому его смыслу: рецепцией в ней называется процесс получения информации чувствительными элементами (рецепторами), т. е. стопроцентно биологическое явление, предшествующее элементарному восприятию, а не следующее за ним, и уж тем более не имеющее никакого отношения к культуре. Слово же «перцепция» само по себе, вообще говоря, является точным синонимом слова «восприятие», и потому не может обозначать такую формулу: восприятие в целом минус его приобретенные элементы.

Так что здесь мы оказываемся перед довольно неприятным выбором: либо воспользоваться имеющимися не самыми удачными, двусмысленными терминами, либо ввести свои – то есть попросту придумать еще два совершенно новых слова для сферы восприятия. Поскольку автор этих строк полагает, что современная наука об искусстве не только не испытывает недостатка в терминах, но, напротив, серьезно перегружена ими, да и едва ли правильно изобретать новые термины на поле, где преимущественным правом словообразования должны обладать психологи, то первый вариант все же представляется меньшим из двух зол.

Поэтому *перцепцией* стоит называть биологически обусловленную часть восприятия – точнее говоря, ту часть генетически запрограммированного аспекта восприятия, которую можно считать более или менее общей для всех людей (т. е. усреднение по популяции). *Рецепцией* же имеет смысл называть обусловленную культурой приобретенную часть восприятия⁴. Оставшиеся части

⁴ Отметим, что такое понимание довольно близко аналогичному противопоставлению, сформулированному Юрием Цивьяном в приложении к художественным системам: «Следует проводить различие между понятиями перцепции и рецепции. Перцепция – автоматическая реакция двоящей системы “глаз–мозг” на те или иные свойства пространства. Рецепция – попытка сознания породить логизированную модель, объясняющую

как врожденного, так и приобретенного восприятия (индивидуальные врожденные особенности и индивидуальный культурный опыт), нерелевантные для большинства искусствоведческих задач, пока оставим без названия. Наконец, восприятие в целом, вне контекста противопоставления природного и культурного, можно так и называть *восприятием*⁵.

Здесь следует подчеркнуть, что взаимоотношения перцепции и рецепции несимметричны. Если перцепция в целом одинакова у всех представителей вида *Homo sapiens*, то рецепция столь же разнообразна и многоуровневая, сколь разнообразны и многоуровневы порождающие ее культуры и субкультуры⁶. Однако, разумеется, разветвленность системы рецепции отнюдь не делает ее важнее перцепции, поскольку полноценное представление о нашем восприятии чего бы то ни было (включая медиа и искусства) можно получить только при изучении обоих его аспектов во всем их многогранном взаимодействии.

* * *

Как следует из всего вышесказанного, разделение восприятия на перцепцию и рецепцию (а вместе с ним и необходимость изучения психологии восприятия искусствоведами, равно как и дальнейшая разработка методов исследования художественной рецепции) должно быть весьма плодотворно для искусствоведческой науки. При этом для разных ее разделов более значимы разные аспекты

те или иные перцептивные аномалии. Перцепция констатирует симптомы, рецепция ставит «диагноз текста» [12].

Некоторые расхождения связаны с тем, что, во-первых, здесь оба аспекта восприятия мы рассматриваем как равноправные, тогда как у Цивьяна в «автоматической реакции» ощущается определенное пренебрежение к биологическому аспекту. В то же время, и рецепция здесь, во-вторых – и это главное, – понимается гораздо шире, чем интерпретация только аномальных с точки зрения перцепции явлений: практически любое совершенно нормальное явление может быть по-разному рассмотрено с точки зрения различных рецептивных традиций.

⁵ При этом, правда, мы лишаемся прилагательного, соответствующего термину «восприятие», которое в русском языке звучит как «перцептивный» – это слово при таком подходе естественнее понимать не как ‘относящийся к восприятию’, а как ‘относящийся к перцепции’, что для нас не одно и то же.

⁶ В афористической форме эта асимметрия звучит так: биология решает, культура запрещает [13 с.183]. То есть биология задает широкие границы наших возможностей, внутри которых культура вводит свои собственные разнообразные ограничения.

восприятия: если для синхронной теории искусства, изучающей его общие фундаментальные принципы, важнее перцепция, то диахронная история искусства, рассматривающая различные его организованные формы в их развитии, неизбежно должна опираться преимущественно на рецепцию. В то же время синхронное исследование будет неполным без учета последующего влияния рецепции, а диахронное повиснет в воздухе, если не будет опираться на строгий перцептивный фундамент.

Именно в этом и состоит главный урок культурно-биологического дуализма: оба аспекта должны анализироваться не по отдельности, а всегда рассматриваться *одновременно*. Любое исследование, исходящее из предположения о доминировании чего-либо одного (культуры – как в магистральном современном гуманитарном дискурсе, либо природы – как в уютном когнитивистском закутке), будет как минимум неполным, а скорее всего – неверным. Биологически ориентированное исследование должно учитывать, что в его жесткую стабильную схему неизбежно вмешается культурная изменчивость, а культурно ориентированное исследование должно основываться на понимании того, что широкая культурная вариативность находится в узких определяемых природой рамках.

В искусствознании послевоенного времени есть немало теоретических работ, опирающихся на известные данные о перцепции (например, упомянутые труды Арнхейма и других), и исторических работ, реконструирующих рецепцию (например, труды Гомбриха в приложении к живописи и Цивьяна в приложении к кино), но, однако – как уже было упомянуто – до сих пор оба подхода развивались в целом изолированно, не замечая друг друга. Будущее же науки об искусстве, как представляется, во многом должно быть связано именно со взаимопроникновением и взаиморазделением представлений о врожденных перцептивных свойствах и о приобретенных рецептивных.

Литература

1. Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Опыт естественной истории человеческого познания // Лоренц К. Так называемое зло. М.: Культурная революция, 2008. С. 309–586.
2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 393 с.
3. Кулка И. Психология искусства. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 558 с.
4. Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995. 335 с.
5. Goldstein E.B. Pictorial Perception and Art // Blackwell Handbook of Perception. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001. P. 344–378.

6. The Perception of Pictures / Ed. by Margaret A. Hagen. Cambridge (Mass.): Academic Press, 1980. (in 2 vols)
7. In the Mind's Eye: Julian Hochberg on the Perception of Pictures, Films, and the World / Ed. by M.A. Peterson, B. Gillam, H.A. Sedgwick. Oxford etc.: Oxford University Press, 2007. 656 p.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978. 184 с.
9. *Лайонз Дж.* Язык и лингвистика. Вводный курс. М.: УРСС, 2004. 317 с.
10. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004. 456 с.
11. *Кронгауз М.* Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011. № 8. С. 66–72
12. *Цивьян Ю.* Историческая рецепция кино: Кинематограф в России: 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991. 492 с.
13. *Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016. 518 с.

References

1. *Lorenz K.* Back side of the Mirror. Experience of the natural history of human knowledge. Lorenz K. *The So-called Evil*. Moscow: Kul'turnay arevoluytsiya Publ.; 2008. P. 309-586. (In Russ.)
2. *Arnheim R.* Art and Visual Perception. Moscow: Progress Publ.; 1974. 393 p. (In Russ.)
3. *Kulka J.* Psychology of Art. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr Publ.; 2014. 558 p. (In Russ.)
4. *Beauty and a Brain.* Biological aspects of aesthetics. Moscow: Mir Publ.; 1995. 335 p. (In Russ.)
5. *Goldstein EB.* Pictorial Perception and Art. *Blackwell Handbook of Perception*. Oxford: Blackwell Publ. Ltd., 2001. P. 344-78
6. The Perception of Pictures. Ed. by MA. Hagen. Cambridge (Mass.): Academic Press, 1980. (In 2 vols.)
7. In the Mind's Eye: Julian Hochberg on the Perception of Pictures, Films, and the World. Ed. by M.A. Peterson, B. Gillam, H.A. Sedgwick. Oxford etc.: Oxford University Press, 2007. 656 p.
8. *Ivanov Vyach.* Evenand Odd. Asymmetry of the Brain and Sign Systems. Moscow: Sovetskoe radio Publ.; 1978. 184 p. (In Russ.)
9. *Lyons J.* Language and Linguistics. Introductory Course. Moscow: URSS Publ.; 2004. 317 p. (In Russ.)
10. *Pinker S.* The Language as an Instinct. Moscow: URSS Publ.; 2004. 456 p. (In Russ.)
11. *Kronhaus M.* The Life and Fate of the Hypothesis of Linguistic Relativity. *Nauka i zhizn'*. 2011;8:66-72. (In Russ.)
12. *Tsivian Yu.* Early Russian Cinema and Its Cultural Reception: 1896–1930. Riga: Zinatne Publ.; 1991. 492 p.
13. *Harari Yu.* Sapiens. A brief History of Mankind. Moscow: Sindbad Publ.; 2016. 518 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей А. Филиппов, кандидат искусствоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1; s_a_filippov@mail.ru

Information about the author

Sergei A. Filippov, Cand of Sci. (Art studies), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 9, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009; s_a_filippov@mail.ru

Методологическая деаккумуляция знаний в искусствоведении

Сергей Ю. Штейн

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey@schtein.ru*

Аннотация. Статья посвящена обоснованию возможности использования методологической деаккумуляции знаний в качестве стратегического познавательного подхода в искусствоведческих исследованиях. Важность ввода в дисциплинарный оборот искусствоведения данного подхода обусловлена необходимостью поиска оптимальных средств, которые могли бы быть использованы для преодоления дискурсивности искусствоведческих исследований – одной из главных проблем искусствоведения, которая подтачивает фундаментальные основы его дисциплинарной идентичности. Данный подход оказывается функциональным и получает место стратегического подхода, обслуживая метапарадигмальную и специальную методологическую познавательные стратегии, основанные на переходе от натуралистического к деятельностному подходу к познанию. В таком качестве методологическая деаккумуляция знания замещает кумулятивный этап программы научно-исследовательской деятельности и задает новые продуктивные исходные познавательные условия, в которых преодолевается необходимость обязательного включения исследователя в концептуальный дискурс и полемики с концептуальными предшественниками. Таким образом, данным подходом не только оптимизируется индивидуальная работа исследователя-искусствоведа, который освобождается от непреодолимой дискурсивной зависимости, обусловленной допарадигмальной спецификой искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности, но, что самое главное, – закладываются основы для принципиально новой дисциплинарной культуры, потенциально возможной в качестве нормативной для искусствоведения.

Ключевые слова: методология искусствоведения, теория искусства, методологическая деаккумуляция знаний, методы искусствоведения, наука об искусстве, деятельностный подход, науковедение

Для цитирования: Штейн С.Ю. Методологическая деаккумуляция знаний в искусствоведении // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 98-107. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-98-107

Methodological deaccumulation of knowledge in art studies

Sergey Yu. Schtein

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sergey@schtein.ru*

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the option to use methodological deaccumulation of knowledge as strategic cognitive approach in art studies. Importance to introduce such approach in a disciplinary turn over of art studies is caused by need to find optimal means which could be used for overcoming the discourse character of art studies researches, as one of the main issues of art studies undermining fundamental bases of its disciplinary identity. That approach turns out to be functional and takes the place of strategic approach, working as the meta-paradigm and special methodological cognitive strategies based on the transition from the naturalistic to the active approach in cognition. In such capacity, the methodological deaccumulation of knowledge replaces cumulative stage of the program in science-research and sets the new productive initial cognitive conditions in which the need for obligatory inclusion of the researcher in a conceptual discourse and polemic with conceptual predecessors is overcome. So, that approach not only optimizes the individual work of a researcher as art critic who is now freed from irresistible discursive dependence caused by to pre-paradigm specificity of art studies as specific disciplinary objectness, but, what is most important, now the foundations are grounded for a fundamentally new disciplinary culture, potentially appropriate as normative for art studies.

Keywords: methodology of art studies, art theory, methodological deaccumulation of knowledge, methods of art studies, art science, active approach, science studies

For citation: Schtein SYu. Methodological deaccumulation of knowledge in art studies. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:98-107. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-98-107

Нормирование научно-исследовательской деятельности в условиях искусствоведения, и шире – в границах гуманитарных дисциплин, определяемых как дисциплинарные предметности без парадигмальной составляющей, вследствие условности и тотальной субъектозависимости того знания, которое может быть получено при ее реализации, почти всегда связано с проблемой потенциальной функциональности получаемого знания. Таким образом, продукт деятельности обесценивает процесс его получения. В качестве возможного выхода из данной ситуации предлагается использовать на начальных этапах научно-исследовательской деятельности специфический подход – методологическую деаккумуляцию

муляцию знаний – стратегический подход, связанный с сознательным принципиальным абстрагированием от имеющихся знаний в отношении исследуемого.

Обоснование возможности использования методологической деаккумуляции знаний в гуманитарных исследованиях, в качестве функционального подхода к преодолению проблемы, связанной с трудностью реализации полноценной научно-исследовательской деятельности в ситуации понятийно и содержательно разрозненного знания в границах дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, требует последовательного решения задач по проблематизации функциональности реализации полноценной программы научно-исследовательской деятельности в разбираемой ситуации, краткому обзору двух стратегий – метапарадигмальной и специальной методологической, которые не связаны с необходимостью проведения в качестве третьего этапа программы научно-исследовательской деятельности аккумуляции знаний и, наконец, описанию методологической деаккумуляции знаний как подхода, замещающего этап аккумуляции знаний.

В какой бы форме – индивидуальной или коллективной, на каком бы уровне – магистерском, аспирантском, кандидатском, докторском, не протекала бы научно-исследовательская деятельность, она обязательно связана с необходимостью нормирования работы ученого. От оптимальности нормирования научно-исследовательской деятельности напрямую зависит не только эффективность энергозатрат, используемых для ее реализации, но и непосредственно конечный продуктивный результат – то знание, которое будет получено. В самом общем виде логика рассматриваемой работы может быть выражена в программе научно-исследовательской деятельности – алгоритме действий, направленных на достижение цели, связанной с получением знаний, соотносимых с предметом исследования согласно требованиям той формы рациональности и тем условиям конкретной дисциплинарной предметности, в границах которых реализуется познание.

На самом общем масштабе программа научно-исследовательской деятельности может быть разбита на семь этапов:

- *фокусирующий этап*, на котором определяется сегмент или уже – конкретный предмет научного интереса в рамках предметной области, формируемой дисциплинарной предметностью, в границах которой реализуется научная деятельность;
- *эмпирический этап*, обусловленный необходимостью непосредственного, опытного изучения того, на что произведена исследовательская фокусировка;
- *кумулятивный этап*, связанный с аккумуляцией имеющихся знаний в отношении определенного на фокусирующем этапе

сегмента или предмета исследования, знаний, главным образом находящихся в «знаниевой сетке», соответствующей той дисциплинарной предметности, в которой находится исследователь;

- *генеративный этап*, на котором происходит выявление исследовательской проблемы, разрешение которой и будет являться целью нормируемой деятельности;
- *верификационный этап*, связанный с необходимостью а) для начинающих исследователей, находящихся в условиях образовательного процесса, подтверждения соответствия выработанного на генеративном этапе направлению и уровню подготовки, а также специфике выпускающей кафедры, на которой реализуется работа, б) для институализированных ученых – верификации потенциального знания, которое может быть получено на его значимость и функциональность;
- *содержательный этап*, на котором происходит непосредственное получение знания;
- *этап формального выражения*, связанный с изложением полученного знания в том или ином продуктивном контейнере (монография, научная статья, диссертация).

Несмотря на то, что центральным этапом рассматриваемой программы является генеративный этап, особое место в научно-исследовательской деятельности занимают три предшествующих ему этапа – фокусирующий, эмпирический и кумулятивный. От фокусирующего этапа зависит что будет предметом исследования, на что будет направлено скрупулезное исследовательское внимание, что в конце-концов получит свое знаниевое выражение, в той или иной степени соответствующее наличествующему. От эмпирического этапа зависит полнота и характер той информации, которая снимается познающим субъектом с исследуемого. От кумулятивного же этапа зависит степень погруженности исследователя в то существующее знание о предмете, которое уже имеется, и от которого, изначально находясь в условиях определенной дисциплинарной предметности, ему приходится отталкиваться, которое он вынужден проблематизировать и опровергать, или же, что чаще всего и бывает – использовать в качестве исходного знаниевого материала (с предзаданными терминологическими и понятийными условиями), на основе которого и будет строиться собственное знание, дополняющее и расширяющее знание имеющееся.

Термин «научная парадигма» Томаса Куна имеет в виду возможность и необходимость разделения дисциплинарных предметностей на два принципиально разных вида – без парадигмальной составляющей (гуманитарные дисциплины) и дисциплинарные предметности с парадигмальной составляющей (дисциплины,

основанные на естественнонаучной форме рациональности). Вместе с тем необходимо оговориться, что естественнонаучная форма рациональности – всего лишь одна из возможных форм рациональности. И если под рациональностью понимать «характеристику знания с точки зрения его соответствия наиболее общим принципам мышления» [1 с. 719] – некое жесткое обуславливающее условие, предъявляемое к знанию, то наравне с естественнонаучной формой рациональности можно говорить о философских формах рациональности, религиозных формах рациональности и т.п. Иногда речь идет о методологической форме рациональности и, соответственно, методологической парадигме, подразумевая задаваемые совокупностью методов условия, которые и образуют своеобразный тип рациональности и основанную на ней парадигму. Но в таком случае в рамках одной и той же дисциплинарной предметности могут сосуществовать две и более таких парадигм, что совершенно обесценивает сам термин парадигма.

Знание в границах дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, например в рассматриваемом искусствоведении, представляет из себя такого рода специфическую «знаниевую сетку» – систему взаимосвязанных знаний, которая, во-первых, выражает не столько знание об исследуемом, сколько искажающие свойства используемых подходов и методов, а также той предметоформирующей позиции, с которой велось познание, а, во-вторых, является не только потенциально, но и реально вариативной в границах самой дисциплинарной предметности, что и выражается наличием «противоборствующих школ и школок» [2 с. 37], которые и характеризуют нахождения данной дисциплинарной предметности на допарадигмальном этапе развития. Причем разность знаний в отношении одного и того же, в границах одной и той же дисциплинарной предметности, может иметь также и различное понятийное, и терминологическое выражение, что затрудняет не только возможную междисциплинарную, но и внутри дисциплинарную коммуникацию.

Основное отличие знаний в границах дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей от знаний в границах дисциплинарных предметностей с парадигмальной составляющей заключается в том, что при наличии парадигмальной составляющей, во-первых, знание всегда является знаниевой моделью – единственно возможным на актуальный момент знаниевым заместителем объекта, с учетом изначальной условности определенной формы рациональности, во-вторых, иное знание без доказательства ложности знания имеющегося является невозможным, в-третьих, парадигмальное знание является терминологически, понятийно, методологически, инструментально и структурно гомогенным.

То есть можно заключить, что само имеющееся знание не только задает некие изначальные правила игры для познающего субъекта, но и самым непосредственным и жестким образом нормирует работу любого ученого в границах конкретной дисциплинарной предметности с парадигмальной составляющей. А в связи с тем, что парадигмальное знание имеет заместительный характер в отношении исследуемого, то на эмпирическом этапе научно-исследовательской деятельности ученый вполне может иметь дело не с конкретным сегментом познаваемого, а с уже имеющимся знанием в его отношении, и, таким образом, в программе научно-исследовательской деятельности в границах дисциплинарных предметностей с парадигмальной составляющей второй и третий этапы вполне могут быть объединены в один – *эмпирико-кумулятивный этап*.

Анализируя первые три этапа программы научно-исследовательской деятельности ученого, реализующего свою работу в условиях дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, можно определить наличие двух возможных стратегий: в первом случае – связанной с фокусировкой на некоем предмете, с его эмпирическим изучением, и уже затем с аккумуляцией знаний о нем, во втором – по примеру работы парадигмального ученого – с изначальной фокусировкой на знании в отношении некоего познаваемого, которое представляется заместительным. Однако и в первом, и во втором случае исследователь сталкивается с потенциальной проблемой, связанной с тем, что, в случае наличия знания и в отсутствии или же не нахождения альтернативного знания в отношении интересующего, а также в случае наличия двух и более знаниевых представлений в отношении одного и того же, ему придется принимать наличествующее знание за истинное или же проблематизировать его (это же касается и случая с «белым пятном» – выявленным познаваемым, в отношении которого отсутствует «знаниевая сетка», накидывание которой связано с необходимостью вписывания ее в уже имеющуюся систему знаний в границах определенной дисциплинарной предметности). При этом принятие имеющегося знания – автоматически означает допущение того, что это знание признается исследователем заместительным, а проблематизация – превращает исследовательскую работу в отношении познаваемого в доказательство ложности частного представления, которое уже имеется. В итоге и то, и другое накладывает определенный негативный отпечаток на последующие этапы исследования.

Так, генеративный этап программы научно-исследовательской деятельности ученого, реализующего свою работу в условиях дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, в случае принятия им в качестве знаниевой основы определенного имеющегося представления, будет заключаться в попытке находж-

дения возможности углубить имеющееся знание или же, если разговор идет о «белом пятне» – подготовить условия для вписывания проектируемого знания в имеющуюся смежную «знаниевую сетку», в случае же проблематизации имеющегося знания – исследовательская стратегия будет связана исключительно с доказательством его ложности и попыткой, отталкиваясь от обоснованной несостоятельности опровергаемого знания, сформировать свое собственное представление (отдельно надо отметить, что при исходном наличии большого количество заимствованных представлений в отношении одного и того же – проблематизировать и опровергать придется каждое из них, а если, что очень возможно, в них будут присутствовать те или иные аспекты, которые окажутся непроверяемыми, их придется использовать в дальнейшем собственном построении, что неизбежно влечет проблему структурного, понятийного и терминологического наследования, которое может не совсем соответствовать собственному представлению в отношении к проектируемому знанию и, таким образом, проблематизации теперь должен будет подвергнуться уже и этот аспект имеющегося знания).

Содержательный этап и этап формального выражения программы научно-исследовательской деятельности ученого, реализующего свою работу в условиях дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, наследует все те затруднения, которые обуславливают генеративный этап. Более того – которые в разы усложняют исследовательскую работу необходимость не столько непосредственно вести исследование и выражать уникальное полученное знание, сколько погрузиться в специфический дискурс и развертывать непродуктивную с точки зрения познания концептуальную полемику, уводя продуцируемые представления все дальше и дальше от исходно познаваемого.

Развертывание метапарадигмальной и специальной методологической познавательных стратегий в условиях искусствоведения, и шире – в любой научной дисциплине, оказывается возможной при переходе от натуралистического к *деятельностному подходу к познанию* [3] и использовании при этом специфической *перманентной рефлексивно-методологической работы*, заключающейся в том, что, «во-первых, на основе имеющегося продукта познания – знаниевого представления в отношении познаваемого, через его распрямление (определение механизма получения знания) осуществляется построение максимально объективированной онтологической схемы познаваемого, основанной на фактологической информации, содержащейся в распрямленном, по отношению к которой данное знаниевое построение может быть позиционировано точно так же, как к исходному познаваемому, во-вторых, в ситуации про-

должения познавательной активности кого-либо в отношении того же самого познаваемого, продукты данной активности продолжают позиционироваться методологом к построенной ранее онтологической схеме познаваемого и при наличии в позиционируемом того, что является независимым от используемых познавательных механизмов, то есть – фактов, выражаться в качестве дополнений к исходной онтологической схеме. Таким образом, при наличии одного исходного знаниевого представления и ряда последующих знаниевых представлений в отношении того же самого познаваемого, в результате реализации перманентной рефлексивно-методологической работы будет получена единая онтологическая схема познаваемого, а все имеющиеся знаниевые представления позиционированы по отношению к ней в качестве вариативных предметных представлений ее отдельных аспектов или же всей схемы в целом, обусловленных специфическими механизмами ведения познавательной деятельности» [4 с. 9].

Собственно метапарадигмальная стратегия связана «с тем, что на основе имеющейся онтологической схемы, независимо от наличествующих знаниевых представлений или же напротив – опираясь на них, выстраивается максимальная схематическая модель познаваемого (что будет являться методологической парадигмой в отношении познаваемого)» [4 с. 10], а специальная методологическая – «с рефлексивным ответом на активность познающих субъектов, находящихся в ситуации натуралистического подхода к познанию в отношении познаваемого, которое соотносится с имеющейся у методолога онтологической схемой этого познаваемого» [4 с. 10].

Если изначально – на фокусирующем этапе программы научно-исследовательской деятельности иметь в виду то, что в основной части исследования будет использоваться данный методологический инструментарий, то появляется возможность сразу же фиксировать в качестве одного из стратегических подходов, то есть подходов, определяющих стратегию познавательной активности в отношении исследуемого, – методологическую деаккумуляцию знаний, использование которой автоматически означает возможность абстрагироваться от имеющихся знаниевых представлений в отношении исследуемого, то есть ситуацию замещения данным подходом кумулятивного этапа.

Для искусствоведов это означает, что можно совершенно абстрагироваться от любых знаниевых построений в отношении их фокуса интереса – не перелопачивать тысячи страниц концептуального мусора, разорвать порочный круг дискурсивной игры в псевдоединство имеющегося искусствоведческого знания, в контекстуальность и интертекстуальность, и в то же время оставаться и в дисциплинарной познавательной ситуации, и в строгих рамках

научности. Единственный момент, обусловленный невозможностью не соотноситься с имеющимся знанием, – это необходимость после фокусировки на исследуемом определить возможное уже наличие его онтологической схемы: при ее наличии собственное построение надо будет осуществлять на основе имеющегося, которое при этом может быть проблематизировано только вследствие обнаружения логических ошибок, допущенных при его конструировании или же нахождении для схематического построения более оптимальных с точки зрения экономии средств его выражения.

Если для «классических искусствоведов» – тех, кто работая с традиционными формами искусства, главным образом фиксирует само наличие этих форм и проводит их перевод в вербальную форму, то есть занимается по сути вопросами истории, данный подход может быть и не функционален, то для исследователей современного искусства, формы которого настолько подвижны в своей трансформации, что для них не успевают сформироваться специфические продуктивные контейнеры (то, что определяет специфику и вариативность формосодержательной целостности в условиях конкретной деятельности), а также для теоретиков искусства – тех, кто должен ухватить саму сущность познаваемого, данный подход является не только чрезвычайно функциональным, но, возможно, и вообще единственным действенным средством выхода из дискурсивности, заложниками которой являются гуманитарные ученые.

В то же время для самого искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности использование исследователями-искусствоведами методологической деаккумуляции знаний привносит продуктивную экономию, заключающуюся в отсутствии пробалтывания одной и той же информации и дискурсивной полемики. По сути же, обслуживая определенную познавательную стратегию, данный подход формирует зачатки новой *дисциплинарной культуры*, вполне возможной в качестве нормативной для искусствоведения.

Литература

1. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики / Под ред. А.А. Ивина. 2004. 1072 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
3. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодействительностного подходов // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 143–154.
4. Штейн С.Ю. Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения // Артикульт. 2017. 26 (2). С. 6–26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26

References

1. Philosophy. Encyclopedic Dictionary. Ed. by AA. Ivina. Moscow: Gardariki Publ.; 2004. 1072 p. (In Russ.)
2. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow: AST Publ.; 2003. 605 p. (In Russ.)
3. Shchedrovitsky GP. The methodological meaning of the opposition of the naturalistic and the system-activity approaches. Shchedrovitsky GP. *Selected Works*. Moscow: Shkola kul'turnoi politiki Publ.; 1995. P. 143-54. (In Russ.)
4. Schtein SYu. Permanent reflexive-methodological work in the framework of art studies. *ART&CULT*. 2017;26(2):6–26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26 (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей Ю. Штейн, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey@schtein.ru

Information about the author

Sergey Yu. Schtein, Cand. of Sci. (Art Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; sergey@schtein.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.74:329

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-108-119

Партийная система современной России: институциональные рамки и общественная легитимация

Наталья М. Великая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется эволюция партийно-политической системы России в контексте трансформации политического режима. Автор показывает, что институциональные рамки партийной системы задавались государством, меняясь практически в каждом электоральном цикле, что привело к созданию высоко-фрагментированного и нестабильного политического ландшафта, где партии не являются значимым политическим актором в силу слабого влияния на государственную политику, но выполняют функцию легитимации политического режима. Анализируется тенденция ослабления парламентской оппозиции, что неизбежно ведет к актуализации несистемных оппозиционных политических движений и инициатив. Обосновывается, что партофобия граждан, проявляющаяся в низком уровне политического участия, в низком рейтинге доверия к политическим партиям в общественном мнении является следствием слабости политических партий как политических институтов и их декоративного характера.

Ключевые слова: партия, политическая система, политический режим, оппозиция, политическое участие, электоральный процесс

Для цитирования: Великая Н.М. Партийная система современной России: институциональные рамки и общественная легитимация // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 108-119. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-108-119

Party system of modern Russia: institutional frames and public legitimization

Nataliya M. Velikaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com*

Abstract. The paper analyses evolution of the party system in Russia in the context of transforming politic regime. I show that institutional frames of party system were initially determined by the state power and had been changed insensibly in every electoral circle, which led to highly fragmented and non-stable political landscape, where parties are not significant political actors. The parties don't transform state policy but play important role of legitimization of political regime. The tendency of the atrophy of parliamentary opposition is also analyzed and it is shown how it provokes movements and initiatives of emerging non-system opposition. I prove that party-phobia of Russian citizens apparent in low level of political participation and of trust to the parties in public opinion follows from the weakness of political parties as political institutions and of its decorative character.

Keywords: party, political system, political regime, opposition, political participation, electoral process

For citation: Velikaya NM. Party system of modern Russia: institutional frames and public legitimization. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:108-119. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-108-119

Введение

Сущностный характер партийной системы не может быть рассмотрен вне контекста содержания и хода политического процесса и особенностей функционирования политического режима. При квалификации политического режима в России своеобразной точкой отсчета стали те концепции (о демократии, о транзите), которые описывают переходные режимы в терминах «гибридность» [1, 2], как системы, которые в ходе политических трансформаций на шкале «демократия–недемократия» находятся где-то посередине. По мнению Карозерса, «зависание» в середине пути может быть как следствием бесформенного плюрализма, так и доминирования определенной политической силы, в том числе в лице партии или группы интересов [3 с. 9–10]. В этом смысле эволюция и состояние партийной системы важный – индикатор демократии и возможностей устойчивого развития общества.

Партии и новый авторитаризм

После начала третьего срока Путина, показательных процессов против участников ряда протестных акций, разгрома движения за реформы и присоединения Крыма многие политологи и публицисты, считавшие до этого, что Россия продолжает переживать «демократический транзит», пришли к выводу, что политический режим Путина перешел в состояние стагнирующего авторитаризма и теперь не реформируем. Именно этой логикой руководствуется Г. Голосов [4], который считает нецелесообразным употребление термина «гибридный» по отношению к России, учитывая, что он может быть описан с помощью более точных понятий – например, «электоральный авторитаризм», или Нисневич и Рябов, указывающие на целый набор авторитарных тенденций при анализе российской современной политической системы [5].

В отличие от традиционных авторитарных диктатур, неоавторитарные режимы отличаются большей гибкостью, нередко позиционируют себя в качестве сторонников универсальных ценностей прав человека, утверждают, что в своей политике ориентируются на общепринятые демократические стандарты и используют различные демократические институты для легитимизации [6]. Партийная система в неоавторитарных режимах приобретает тоже гибридный характер, либо частично реализуя свои функции, либо подменяя собой некоторые другие политические субъекты.

Россия, практически не имевшая позитивного опыта парламентаризма, строила свою политическую систему на двух разных основаниях. С одной стороны, это была попытка имитировать опыт развитых демократий и адаптировать западные институты к российской реальности. С другой стороны, элитные группы после удачно проведенной приватизации были заинтересованы в удержании власти в целях исключения передела собственности в дальнейшем. Итогом этого противоречивого конструирования стало формирование персоналистского режима с элементами корпоративности, где доминантой выступает институт президентской власти, что соответствует представлениям российского общества об оптимальной политической модели. Персоналистское восприятие политической власти глубоко укоренено в политической культуре России. 20% граждан России убеждены, что России нужны не партии, а лидеры. А треть наших сограждан считают, что России нужна только одна партия, но всенародная и находящаяся у власти.

В России формировался политический режим с устойчиво ограниченной ролью партий [7 с. 102], где властные структуры регулярно меняли законодательство и хорошо освоили технологии предвыборной борьбы. Практически каждый электоральный цикл

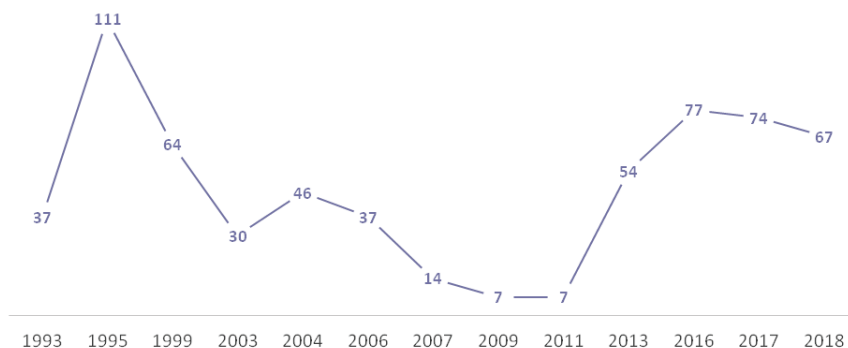

Рис. 2. Количество зарегистрированных партий РФ по годам
Источник: Министерство юстиции РФ. Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения 20 нояб. 2018).

федеральный законодатель устанавливал новые правила игры для участников политического процесса. За период с конца 1988 г. по июнь 2017 г. в избирательное законодательство и закон о политических партиях вносили 151 изменение [8], которые касались правил регистрации партий, новых проходных барьеров для партий, экспериментов с мажоритарной, пропорциональной и смешанной избирательной системами, отмены графы «против всех», отказа от прямых выборов губернаторов и т. д. Все это не только ограничивало возможности развития партийной демократии, вело к постоянным пертурбациям в партийной системе, но и сокращало поле публичной политики, лишало граждан возможности участвовать в нормальном политическом процессе даже посредством выборов, которых в стране становится все меньше и меньше. Как результат партийный ландшафт в России сохраняет мозаичный, неравномерный и подвижный характер (см. рис. 2).

Такая неравномерная активность в сфере партстроительства определялась не столько объективными условиями партогенеза, сколько институциональными рамками, задаваемыми властью. Мы можем выделить несколько этапов партийного строительства. Первый этап – до 1999 г. – характеризовался достаточно высокой политической активностью, в том числе в плане создания различных избирательных объединений. Фрагментация партийного спектра затрудняла и вводила в заблуждение рядового избирателя, не готового делать выбор, например, между четырьмя коммунистическими и двумя социал-демократическими партиями и множественными избирательными объединениями.

Второй этап партстроительства определялся ФЗ «О политических партиях», который был принят 11 июля 2001 г., через одиннадцать лет после первых альтернативных выборов, и закрепил право участвовать в выборах только за политическими партиями. Чтобы получить статус партии, необходимо было иметь минимальную численность в 10 тыс. членов и региональные отделения не менее чем в половине субъектов федерации. На этом этапе приоритет в партстроительстве стали получать не идеологические основания, а политтехнологические. Как результат, партийная система во многом представлена т. н. партиями Садового кольца, не имеющими реальной социальной базы, но обладающими ресурсами, чтобы проводить избирательную кампанию.

Второй срок Путина сопровождался централизацией власти и курсом на отказ от разделения властей; наметилась политика ограничения свободы слова, поддерживалась унификация информационной политики телеканалов и превращение их в инструмент государственной пропаганды; ограничивались права на митинги и демонстрации, на создание партий и общественных организаций; принято новое законодательство о партиях и выборах. ФЗ «О политических партиях» 2005 г. дал старт новому этапу в становлении партийной системы. Необходимый минимум численности партий был установлен в 50 тыс., а количество членов партии в региональных отделениях не должно быть менее пятисот человек в минимум половине субъектов РФ. По итогам перерегистрации к 2009 г. в России осталось только семь зарегистрированных партий, что дает нам основание назвать этот период *«деградацией партийной системы»*, связанной с принудительным укрупнением и объединением неагитационных партий в крупные и условно массовые. Это третий этап.

Четвертый этап был связан с либерализацией законодательства о партиях и выборах в 2012 г. и возврату к мультипартийной фрагментированной системе: был упрощен порядок регистрации партий и установлена минимальная численность в 500 человек, был отменен сбор подписей для участия в выборах в Государственную Думу и в региональные законодательные органы для непарламентских партий, что, конечно, дало новый импульс активизации избирательной активности вновь регистрируемых политических партий, в том числе тех, кто претендовал на роль оппозиции; было сокращено количество подписей избирателей, необходимых для участия кандидата в выборах Президента РФ до 300 тыс., а для кандидатов от непарламентских партий – до 100 тыс.

При этом режим наибольшего благоприятствования создавался для так называемой партии власти, попытки создать которые предпринимались в России с 1990-х гг. Разнообразные движения под-

держки президента Ельцина в 1991–1993; блок «Выбор России» в 1993–1994; «Наш дом Россия» в 1995–1999; «Отечество – вся Россия» в 1999, однако в условиях еще относительно конкурентного политического процесса их успехи не были столь впечатляющими. Образовавшаяся в 2001 г. «Единая Россия», получив в 2003 г. 37,57%, в 2007 г. удвоила свой результат (64,30%), а в 2011 г. в условиях смешанной избирательной системы по партийным спискам «партия власти» набрала 49,32%, компенсировав низкий результат победами в одномандатных округах. В течение всего трех электоральных циклов была создана *моноцентричная партийная система*, где другие партии последовательно вытеснялись из участия в избирательном процессе как легальными (путем создания высоких проходных барьеров, сложностей с регистрацией партией, проблем с регистрациями в качестве участников выборов и т. д.), так и нелегальными способами (ограничения доступа к СМИ, применение технологий развала списков или вынуждение кандидатов отказаться от участия в кампании, вплоть до открытых угроз).

Несмотря на изменение общей численности зарегистрированных и участвующих в выборах партий, в Государственную Думу последних четырех созывов (с 2003 г.) проходили только 4 политические партии, а количество эффективных [9] политических партий сократилось с 7,8 в 2001 до 1,9 в 2016 г.

Таблица 1

Динамика участия партий
в выборах в Государственную Думу

Год	Число зарегистрированных партий	Число партий, участвующих в выборах в Госдуму	Число партий, прошедших в Госдуму	Явка, %
1993	37	13	8	54,81
1995	111	43	4	64,76
1999	64	28	6	61,85
2003	30	23	4	55,67
2007	14	11	4	63,78
2011	7	7	4	60,21
2016	74	14	4	47,88

Источник: Центральная избирательная комиссия РФ (ЦИК РФ). Архив избирательных кампаний и кампаний референдумов [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/ (дата обращения 20 нояб. 2018).

При этом политическое представительство парламентской оппозиции неуклонно снижалось: сегодня представители шести партий имеют всего 107 мест в Думе, из них две партии (Партия Роста и Родина – по одному мандату). Очевидно, что в наиболее уязвимой ситуации оказались правые демократические партии, которые, потерпев поражение еще на выборах 2003 г., так и не смогли восстановить свои позиции.

Таблица 2

Фракции Государственной Думы РФ
(количество мест из 450)

Партия	2007	2011	2016
Единая Россия	315	238	343
КПРФ	57	92	42
ЛДПР	40	56	39
Справедливая Россия	38	64	23
Другие партии			3

Источник: Государственная Дума РФ. Официальный сайт ГД РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/factions/> (дата обращения 20 нояб. 2018).

Столь же невелико представительство других партий и в региональных законодательных собраниях. Объем полномочий нашего парламента по индексу Фиша составляет 0,44, что сопоставимо с потенциалом парламентов среднеазиатских автократий. При таком объеме полномочий парламент превращается в придаток исполнительной власти, утверждающий предложения президента и правительства. Мы бы назвали эту модель «ограниченной партийностью», где партийный парламент формально противостоит беспартийному правительству в силу принципа разделения властей, а фактически, парламентское большинство, правительство, администрация президента – порочно едины. Никаких рычагов, чтобы снять правительство или повлиять на его деятельность, у парламента нет.

Закономерно, что количество наших сограждан, которые видели в деятельности оппозиции больше положительного, постоянно сокращалось и упало с 17% в 2004 г. до 7% в 2014 г. [10]. Партии, являясь постоянным объектом манипуляций со стороны власти, превратились в самый недееспособный институт российской политики. По итогам мониторинга ИСПИ РАН, проводимого с 1995 г., рейтинг доверия к политическим, социальным институ-

там и структурам в июне 2017 г. демонстрирует, что самый низкий уровень доверия имеют политические партии (15%) и парламент (19%). Для сравнения, президенту доверяют 68% опрошенных, церкви – 45%, правительству РФ – 40%, руководителю регионов – 29%. Достаточно высокий уровень доверия президенту и органам исполнительной власти демонстрирует не просто лояльность населения существующему курсу, но на фоне общей пассивности населения подтверждает мысль, что современные авторитарные режимы на этом держатся. При высоком уровне доверия и одобрения, они не подкрепляются конкретными действиями. Пассивность – базовая характеристика населения современной России, что подтверждается и данными Европейского социального исследования (ESS). В России в полной мере проявились т. н. партофобия, которая выражается в низком уровне политического участия и в негативистском отношении к партиям как политическим институтам. На протяжении последних 10 лет не более 3–6% россиян принимали участие в работе политической партии, группы или движения.

В неконкурентных политических режимах не только ограничиваются легальные рамки регистрации и функционирования партий, но и не создаются условия для открытого и конкурентного процесса. На последних выборах в ГД в 2016 г. сложилась уникальная ситуация, когда в 13 субъектах средняя явка почти вдвое превысила среднюю же явку в остальных 72 регионах, что позволяет говорить о серьезных нарушениях избирательного процесса¹. Специфика организации избирательного процесса, многочисленные подозрения в фальсификациях не только вынуждают представителей разных политических партий предпринимать определенные действия – от обращений в суд до выходов на площади, но, что гораздо важнее для общества, формируют убеждение, что результаты любых выборов можно сфальсифицировать, и сейчас это происходит в пользу «ЕР». В этих условиях оппозиция становится декоративным элементом, и возможность ее прихода к власти почти не просматривается в силу отсутствия условий для возникновения дееспособной оппозиции. Более того, власть пытается внушить обществу, что любая политическая оппозиция, которая задает власти жесткие вопросы – является врагом России, все делает за инос-

¹ В числе лидеров по явке – Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики, Мордовия, Северная Осетия, Татарстан, Тыва, Чеченская республика, Кемеровская и Тюменская области, Ямало-Ненецкий автономный округ, в которых за «Единую Россию» свои голоса отдали 81,4% избирателей, что аномально даже для конкурентного авторитаризма.

транные деньги и хочет устроить оранжевую революцию. И общество в это свято верит. В публичном дискурсе, в СМИ преобладают негативные трактовки этого термина. В 2014 г. только 36% наших сограждан считали, что в России существует политическая оппозиция, 27% были уверены, что ее нет. Число тех, кто считает, что в нашей стране оппозиции не существует, выросло с 19% в 2007 г. до 30% в 2013 [10].

Процесс вызревания оппозиции, превращения ее в значимый элемент политической системы – долгий и неоднозначный процесс, тем более что гибридные режимы используют разные способы ослабления и контроля за оппозицией. В России используются: возведение дополнительных институциональных барьеров (в виде сложностей регистрации и высоких проходных барьеров); ограничение доступа к СМИ; манипуляции во время хода голосования; репрессивные действия, направленные на лидеров оппозиционных движений. Партийное строительство, в том виде, как оно было задано институциональными рамками, привело к формированию своеобразной квази-партийной системы, где партии не могут считаться значимыми акторами политического процесса. В этой системе партия власти – не правящая партия, а инструмент мобилизации электоральной поддержки правящей элиты, кадровый резерв для административного аппарата, отбирающего людей, лояльных режиму. А оппозиция (прежде всего парламентская) служит дополнительной поддержкой режиму, обеспечивая легитимность выборов, привлекая на избирательные участки свой традиционный электорат и выступая буфером, который гасит политические и социальные конфликты. Реальной альтернативой действующему курсу эта оппозиция не является. Неслучайно знаковые законопроекты принимаются в Думе не только на основе парламентского большинства партии власти, но и благодаря представителям других фракций. Как результат рейтинги поддержки парламентских партий невелики: по данным очередной волны мониторинга ИСПИ РАН «Как живешь, Россия?» от 2017 г., 32% россиян не поддерживают ни одну из существующих партий, 10% затруднились ответить на вопрос о партийных предпочтениях [11 с. 140–155]. «Единую Россию» поддерживали 21% граждан, КПРФ и ЛДПР – 10% и 9% соответственно. Значения рейтинга остальных политических партий незначительны [11 с. 160]

Интересно, что в рамках последнего электорального цикла новые партии стали отнимать голоса в первую очередь у парламентской оппозиции. На выборах городской Думы Липецка «Коммунисты России» получили 9,62% голосов, КПРФ – 13,02%, «Российская партия пенсионеров за справедливость» (РППС) – 10,07%, Справедливая Россия (СР) – 6,78%. В Орловском горсо-

вете РППС набрала 4,66%, СР – 4,9%. Во Владимирском горсовете РППС набрала 5,53%, СР – 8,73%. Однако участие пары десятков политических партий в избирательных кампаниях регионального и местного уровня пока не дает оснований рассчитывать на эволюции режима в сторону конкурентности.

Заключение

Ослабление легальной и парламентской оппозиции неизбежно ведет к усилению протестных движений, которые мы можем назвать несистемными в силу их однозначно негативного отношения к действующему политическому режиму. Однако если говорить о формальных институтах и о перспективах оппозиции парламентской, то несмотря на ее «декоративность», вряд ли стоит рассчитывать на появление других серьезных игроков в политическом пространстве. Отчасти потому, что действующую власть вполне устраивает сложившийся расклад сил, где каждому игроку отведено свое место и нет смысла разрушать сложившийся баланс сил введением новых акторов, отчасти и потому, что новые партии используются как противовес и механизм для минимизации результатов системных парламентских партий. Можно констатировать, что пока в России не сформировались значимые институты гражданского общества, которые могли бы противостоять понижению конкурентности политической системы. Слабые политические партии довольно быстро были опутаны жесткими нормативами и пока остаются своеобразными симулякрами политической системы, не имея существенной поддержки массовых групп населения.

Литература

1. Шакирова Э.В. Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. Ч. 2. С. 203–210.
2. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman-London: University of Oklahoma Press, 1991.
3. Carothers T. The end of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. USA: Johns Hopkins University Press, 2002. Vol. 13. No. 1. P. 5–21.
4. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. Выборы и политическая система. 2008. № 1. С. 22–35.
5. Нисневич Ю., Рябов А. Современный авторитаризм и политическая идеология // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162–181.

6. Levitsky S., Way L. A. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
7. Макаренко Б. И., Локшин И. М. Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. № 3. С. 85–109.
8. Голос: Хроника законодательства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosinfo.org/timeline/> (дата обращения 05 мая 2018).
9. Гельман В. Трансформация российской политической системы // ПОЛИТ.RU. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2008/03/14/gelman/> (дата обращения 20 нояб. 2018).
10. ФОМ. Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 19 октября 2014 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, n=1500. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Politika/11785> (дата обращения 20 нояб. 2018).
11. Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 гг. Коллективная монография / Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М.: ИСПИ РАН, 2018.

References

1. Shakirova EV. The concept of a hybrid political regime in modern political science as an analytical framework for the analysis of Russian policy. *Historical, philosophical, political and legal studies, cultural studies and art criticism. Questions of the theory and practice*. 2013;6. P. 2: 203-10. (In Russ.)
2. Huntington SP. *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman-London: University of Oklahoma Press, 1991.
3. Carothers T. The end of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*. USA: Johns Hopkins University Press, 2002;13(1):5-21.
4. Golosov G. Electoral authoritarianism in Russia. *Pro et Contra. Election and political system*. 2008;1:22-35. (In Russ.)
5. Nisnevich Yu., Ryabov A. Modern authoritarianism and political ideology. *POLIS. Political Studies*. 2016;4:162-81. (In Russ.)
6. Levitsky S., Way L. *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
7. Makarenko B., Lokshin I. Modern party systems. Evolution scenarios and development trends. *POLIS. Political Studies*. 2010;3:85-109. (In Russ.)
8. Golos (The voice). Chronicle of Legislature [Internet]. URL: <https://www.golosinfo.org/timeline/> (data obrashcheniya 20 Nov. 2018). (In Russ.)
9. Gelman V. Russian party system transforming. ПОЛИТ.RU. 2008. [Internet]. URL: <http://polit.ru/article/2008/03/14/gelman/> (data obrashcheniya 20 Nov. 2018). (In Russ.)
10. FOM (Public Opinion Foundation). Resource of data: «FOMnibus» – All Russia Survey respondents from 18 and older. 19 October 2014. 43 subjects of Russian Federation, 100 settlements, 1500 respondents. Polling at the place of residence. Statistical error not more than 3,6% [Internet]. URL: <https://fom.ru/Politika/11785> (data obrashcheniya 20 Nov. 2018). (In Russ.)

11. Challenges of the digital future and sustainable development of Russia. Social-political status and demographical situation in 2017–2018. Collective monograph. / Institute of social-political studies of Russian Academy of Sciences. Ed. by GV. Osipov, SV. Ryasantsev, VR. Levashev, TR. Rostavskaya. Moscow, 2018. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalivelikaya@gmail.com

Information about the author

Nataliya M. Velikaya, Dr. of Sci. (Politics), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; natalivelikaya@gmail.com

УДК 316.346.32

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-120-129

NEET-молодежь: протестный потенциал и реальность

Марина Б. Буланова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marina_bulanova@inbox.ru*

Валерий В. Костенко

*Академия Федеральной службы охраны России,
Орел, Россия, veldinc@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить протестный потенциал современной NEET-молодежи и его реальное воплощение в конкретных действиях. Возрастание численности NEET в европейских странах не только ухудшает макроэкономическую ситуацию, но и порождает серьезные социальные и политические проблемы. Часть из них: рост доли молодежи в числе безработных, а значит, ее экономическая неактивность; ухудшение человеческого капитала как молодежи, так и всей нации; криминализация молодежной среды; рост потребления наркотиков и алкоголя; повышение угрозы массовых беспорядков. Длительное пребывание молодых людей в группе NEET резко уменьшает их шансы на высокий уровень жизни и стабильность доходов, зачастую их преследуют бедность и проблемы со здоровьем. Неустойчивость, нестабильность (прекарность) социального и экономического положения NEET повышает риск их участия в различных преступных группировках и противоправной протестной деятельности. Авторами выявлены особенности российской NEET-молодежи, показано участие этой группы в протестных действиях, проводимых молодежными общественными организациями. В заключении сделан вывод о высоком протестном потенциале NEET и необходимости разработки конкретных мер предотвращения возможной деструктивной деятельности данной молодежи.

Ключевые слова: молодежь, NEET-молодежь, молодежные общественные организации, протестная деятельность

Для цитирования: Буланова М.Б., Костенко В.В. NEET-молодежь: протестный потенциал и реальность // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 120–129. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-120-129

NEET-youth: protest potential and reality

Marina B. Bulanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, marina_bulanova@inbox.ru*

Valery V. Kostenko

*Russian Federation Security Guard Service Federal Academy,
Oryol, Russia, veldinc@gmail.com*

Abstract. In the article an attempt is made to identify the protest potential of modern NEET-youth and its real practice in concrete actions. Increase of the number of NEET in European countries not only worsens macroeconomic situation, but also rises serious social and political issues. Some of them are the increase in proportion of young people among the unemployed, and therefore its economic inactivity, the deterioration of the human capital of both the young people and the whole nation, the criminalization of the youth environment, the increase in drug and alcohol consumption, and increasing the threat of riots. Prolonged stay of young people in the NEET group dramatically reduces their chances for a high standard of living and income security, they are often haunted by poverty and health problems. Instability (precarity) and volatile social and economic situation of young people in the NEET group increases risk of their participation in various criminal groups and unlawful protest activities. The authors have identified features of the Russian NEET-youth, demonstrating their group participation in protest actions conducted by youth public organizations. In conclusion they mark high protest potential of the NEET and a need to develop specific measures preventing possible destructive activities of that youth.

Keywords: youth, NEET-youth, youth public organizations, protest activity

For citation: Bulanova MB., Kostenko VV. NEET-youth: protest potential and reality. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:120-129. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-120-129

Введение

События, происходящие во многих странах мира с начала XXI в., показывают важность изучения протестного поведения молодежи, а также деятельности молодежных общественных организаций и неформальных объединений. Речь идет о молодежных выступлениях в странах Восточной Европы: Югославии («бульдозерная революция» 2000 г.), Грузии («революция роз»

2003 г.), Киргизии («тюльпановая революция» 2005 г.), Украине («оранжевая революция» 2004 г. и события 2014 г.), Молдавии («Twitter-революция» 2008 г.), России (акции «белоленточников» 2011–2012 гг.). Особую озабоченность исследователей вызывает как деструктивный характер протестной деятельности молодежи, так и участие в ней такой малоизученной группы, как NEET. По мнению испанского исследователя Хосе Торребланка, революции 2011 г. в Тунисе и Египте можно назвать революциями «ni-ni» [1].

Положение NEET-молодежи в Европе

Наименование NEET (Not in Employment, Education or Training) получила группа молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, не имеющая постоянного места учебы или работы, не участвующая в профессиональной подготовке и не занимающаяся их поисками. В официальных документах термин NEET-молодежь впервые был использован в 1999 г. в докладе Правительства Великобритании [2].

Данная социальная группа привлекла внимание европейских исследователей уже с конца 1980-х гг., когда выяснилось, что ее представители получают пособия по безработице, но отказываются проходить профессиональное переобучение для дальнейшего трудоустройства.

В начале XXI в. масштабы NEET резко увеличились. По данным Евростата, в 2011 г. почти 7,5 млн человек из состава молодежи 15–24 лет находились за пределами официальных сфер образования и труда. Доля NEET в общей численности европейской молодежи составляла в среднем 13% в зависимости от страны: так, в Ирландии, Италии и Испании – 17%, а в Люксембурге и Нидерландах – около 7% [3]. В настоящее время в Европе численность NEET-молодежи в среднем составляет 14,7% трудоспособного населения в возрасте 15–34 лет с некоторым разбросом по странам [4].

Возрастание NEET ухудшает макроэкономическую ситуацию в странах в связи с ростом доли молодежи в числе безработных, а значит, ее экономической неактивностью. Так, например, во Франции в 2015 г. доля безработных в возрасте 15–24 лет составляла почти 25% при среднем уровне безработицы 10%. В Испании и Греции молодежная безработица составляла 50% при среднем ее значении для всего населения в 20–24% [5 с. 202].

Однако вызывает тревогу не только экономический аспект проблемы, но и выбывание NEET из процесса накопления человеческого капитала, что может серьезно влиять на социальный статус представителей данной группы [6].

Пути и последствия попадания в группу NEET

Согласно данным, приводимым П. Карнейро и Д. Хекман, истоки попадания молодежи в группу NEET закладываются в семье, формирующей у ребенка первоначальный человеческий капитал (экономический, социальный, культурный). Именно наличие или отсутствие данного капитала влияет на достижение ребенком результатов в обучении и дальнейшем трудоустройстве. Недостаточный уровень образования или безработица родителей, отсутствие достойного жилья, доходы семьи ниже прожиточного уровня являются причинами неудачного жизненного старта для детей [7].

Как показывают исследования, молодежь, которая остается безработной в течение длительных периодов времени, как правило, происходит из неблагополучных семей, имеет низкий уровень образования и во многих случаях неактивна [8].

Кроме недостаточного стартового капитала семьи, фактором попадания в группу NEET-молодежи является низкое качество среднего образования, не позволяющего молодому человеку получить высшее образование или устроиться на постоянное место работы. Большое значение имеют индивидуальные особенности человека – состояние физического и психического здоровья, а также его статус приезжего или мигранта [9].

Нахождение молодого человека в категории NEET-молодежи оказывает влияние на всю его дальнейшую жизнь, социальное и экономическое благополучие. У подобных молодых людей гораздо меньше шансов на высокий уровень и стабильность доходов, их преследует бедность, проблемы со здоровьем. Также часть из них проявляет повышенную склонность к противоправной деятельности и участию в различных преступлениях, часто имеет психические отклонения и проблемы с алкоголем, употреблением и распространением наркотиков. Кроме того, исследования показывают, что пребывание в NEET может быть пролонгировано на старшие возрастные группы (что уже довольно долго происходит с афро-американской молодежью в США).

Типология современной NEET-молодежи

Исследователи современной NEET-молодежи выделяют в ее структуре две подгруппы: нетрудоустроенные и экономически пассивные. Нетрудоустроенными могут быть временно или постоянно безработные, не имеющие систематического обучения на постоянной основе.

Экономически пассивными молодые люди могут быть по самым разным причинам: проблемы со здоровьем, мешающие обучению или трудоустройству; необходимость постоянного ухода за больными, престарелыми и детьми; невозможность найти работу (особенно это касается небольших провинциальных населенных пунктов) по специальности или с достойной зарплатой; отсутствие необходимости систематически учиться или работать (содержание состоятельных родителей или других родственников, получение наследства и прочие подобные случаи); осознанный выбор самого молодого человека, который принимает решение не учиться и не работать по различным (социальным, философским, религиозным) причинам.

Объединяет эти две подгруппы НЕЕТ-молодежи то, что их представители не имеют постоянной занятости и, соответственно, заработка. Это закономерно приводит к их зависимости от финансовой поддержки родных или родственников, от государственной социальной помощи, а также к поиску нетрадиционных, а подчас и криминальных способов заработка.

Все чаще термин НЕЕТ используется в качестве характеристики плохого социального и экономического самочувствия молодежи.

Особенности НЕЕТ-молодежи в России

Первые исследования российской НЕЕТ-молодежи были представлены Е.Я. Варшавской [10] и А.А. Зудиной [11]. Приводимые ими данные Росстата за 2010–2015 гг. показывают, что количество НЕЕТ-молодежи в общем числе молодежи (15–24 года) достаточно большое и оценивается в 12–15%, что примерно соответствует общеевропейскому уровню.

Особенности российской НЕЕТ-молодежи связаны, прежде всего, с проблемами социальной и личной самоидентификации, осознанием своего положения в структуре общества в связи с масштабными переменами, вызванными перестройкой 1990-х гг.

Более того, порожденное крупными экономическими и политическими реформами существенное имущественное расслоение в российском обществе в первую очередь отразилось на молодежи из малоимущих и неблагополучных семей. Именно эта часть попала в НЕЕТ-группу, проявив следующие черты: отсутствие четкой жизненной позиции, утрату гражданских и патриотических чувств, возможность участия в оплачиваемой деструктивной протестной деятельности.

В последнее десятилетие феномен НЕЕТ-молодежи стал особенно актуальным в связи со сложной демографической ситуаци-

ей, снижением рождаемости и, как следствие, уменьшением количества трудоспособного населения. В таких условиях попадание в молодежи в данную группу создает риски не только для нее, но и для общества в целом.

Риски для общества, исходящие от NEET-молодежи

Первая группа рисков связана с социальным и экономическим положением этой группы. Среди них: ухудшение человеческого капитала как молодежи, так и всей нации, растущая разобщенность и дифференциация молодежи на всей территории страны; снижение продуктивности и отдачи от учебы и труда молодежи; проблемы воспроизводства населения, влияние вредных пристрастий молодых отцов и матерей на рост врожденных заболеваний у детей; рост числа заболеваний и ухудшение здоровья молодежи в целом; взаимное противопоставление молодежи различных регионов страны (городов-миллионников и провинциальных городов); повышенная криминальная активность молодежи в неблагоприятных регионах; распространение и потребление табака, алкоголя и наркотических веществ.

Вторая группа рисков связана с возможным участием данной группы в протестной деятельности вообще и в деструктивной, в частности. Следует учесть тот факт, что по данным Росстата, в 2015–2016 гг. показатели по безработным в возрасте 15–19 лет превышали 30%, а в возрасте 19–24 года – около 15%, в то время как средний уровень безработицы равнялся 5–6% [12].

Рост безработицы среди NEET-молодежи может спровоцировать следующие негативные явления: криминализация молодежной среды; рост потребления наркотиков и алкоголя; рост ксенофобских и националистических настроений; рост экстремистской деятельности молодежных групп, повышение угрозы массовых беспорядков; усиление противостояния местной молодежи приезжей молодежи, прежде всего в регионах и городах с дефицитом рабочих мест [13].

Эти потенциальные риски NEET-молодежи уже становятся очевидной реальностью.

Участие NEET-молодежи в протестных действиях

Примером подобного участия стали протестные события 2011–2012 гг. в Москве (получившие известность как движение «белоленточников»). Активную роль в мобилизации молодежного

протестного потенциала и формировании общественного мнения сыграли социальные сети Facebook и «ВКонтакте», собравшие для участия в онлайн-протестах по 164 тыс. и 107 тыс. чел. соответственно. С помощью сетевых сообществ молодые люди получали информацию о проводимых митингах, записывались на конкретные протестные акции. Так, для участия в протестном митинге на проспекте Сахарова через молодежные сетевые сообщества записалось более 50 тыс. чел. Также интерес молодежи к происходящим событиям был инициирован большим количеством обсуждений в блогосфере, например, в системе «Яндекс. Блоги» [14].

По данным ВЦИОМ, 35% молодых участников «белоленточных» протестных событий – учащиеся различных форм образования, 45% – работающая молодежь с различными формами занятости, 20% – постоянно нигде не учатся и не работают (незанятые). Именно эти 20% и составили группу НЕЕТ, в силу своей специфики особенно подверженную информационному и другим видам воздействия, в том числе и прямой финансовой ангажированности [14].

Следует учесть тот факт, что НЕЕТ не доверяют государственным органам, политическим и общественным институтам, имеют слабое представление о правилах социальной жизни, но крайне подвержены влиянию СМИ и других информационных систем (Интернет, социальные сети, блоги). Зачастую это влияние приводит к активному участию НЕЕТ-молодежи в протестной деятельности различных политических сил, в том числе и деструктивного характера.

Среди причин такого влияния социальных сетей на НЕЕТ-молодежь: значимость не только ментальной, но и эмоциональной основы подтверждения социокультурной идентичности и гражданской позиции; возможность виртуального анонимного представления личности, порождающая как легкую безответственность, так и девиантное поведение в самых разных формах.

По данным исследований Ю. Зубок и В. Чупрова, зачастую главным ресурсом различного рода протестных мероприятий является молодежь из неблагополучных и неустроенных семей, которая, как правило, не имеет постоянных источников дохода. Именно ее не составляет большого труда уговорить на участие в различных деструктивных и противоправных действиях, соблазнить легким и быстрым заработком [15].

Кроме того, следует подчеркнуть тот факт, что участие в протестной деятельности стало среди представителей молодежи, в том числе и НЕЕТ, модным. Подписываться на протестные ресурсы и принимать непосредственное участие в событиях – значит находиться в молодежном тренде.

Заключение

Таким образом, исследуя феномен NEET, необходимо обратить внимание на высокий протестный потенциал данной группы молодежи. Длительное пребывание в статусе NEET приводит к маргинализации личности, повышает риск ее участия в различных преступных группировках и протестной деятельности. Только правильно выстроенная молодежная политика государства, а также меры социальной поддержки (например, подготовка специальных образовательных программ, наставничество), смогут предотвратить использование NEET своего протестного потенциала в деструктивных целях.

Статья выполнена в рамках гранта «Прекариат: новые явления в социально-экономической структуре общества» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-18-00024.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project «Прекариат: новые явления в социально-экономической структуре общества», no. 18-18-00024.

Литература

1. *Torreblanca J.I.* Revoluciones «ni-ni» // El país [Электронный ресурс]. 2011. 18.02. URL: https://elpais.com/diario/2011/02/18/internacional/1297983604_850215.html (дата обращения 14 окт. 2018).
2. Bridging the gap: New opportunities for 16–18 year olds not in education, employment or training: Report by the Social Exclusion Unit. July 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://dera.ioe.ac.Uk/15119/2/bridging-the-gap.pdf> (дата обращения 25 дек. 2018).
3. NEETs. Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe. Eurofound. Publications. Luxembourg, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1254en.pdf (дата обращения 9 янв. 2019).
4. Young people neither in employment nor in education and training by sex, age and labour status (NEET rates) [Электронный ресурс]. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_lfse_20&lang=en (дата обращения 12 янв. 2019).
5. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: От протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
6. *Бурдые П.* Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
7. *Heckman J., Carneiro P.* Human Capital Policy. NBER Working Paper Series. 2003. No. 9495 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nber.org/papers/w9495.pdf> (дата обращения 1 фев. 2019).

8. *Carcillo S. et al.* NEET Youth in the Aftermath of the Crisis: Challenges and Policies // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2015. No. 164. OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5js6363503f6-en> (дата обращения 20 янв. 2019).
9. *Off to a Good Start? Jobs for Youth.* OECD Publishing, Paris, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264096127-en> (дата обращения 5 фев. 2019).
10. *Варшавская Е.Я.* Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.
11. *Зудина А.А.* «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России. М.: ВШЭ, 2017.
12. Рабочая сила, занятость и безработица (по результатам выборочных обследований рабочей силы): Стат. сб. М.: Росстат, 2016.
13. Молодежь России: 2000–2025: развитие человеческого капитала. [Электронный ресурс]. URL: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf> (дата обращения 13 фев. 2019).
14. Новая протестная волна: мифы и реальность. 6.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politonline.ru/provocation/12525.html> (дата обращения 14 фев. 2019).
15. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм: сущность, формы, проявления, тенденции. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/20/1251238709/2009_1\(89\)_7_Chuprov_Zubok.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/20/1251238709/2009_1(89)_7_Chuprov_Zubok.pdf) (дата обращения 14 фев. 2019).

Referenses

1. Torreblanca JI. Revoluciones “ni-ni”. El país 2011, 18. 02. [Internet]. URL: https://elpais.com/diario/2011/02/18/internacional/1297983604_850215.html (data obrashcheniya 14 Oct. 2018).
2. Bridging the gap: New opportunities for 16–18 year olds not in education, employment or training. Report by the Social Exclusion Unit. July 1999 [Internet]. URL: <http://dera.ioe.ac.uk/15119/2/bridging-the-gap.pdf> (data obrashcheniya 25 Dec. 2018).
3. NEETs. Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe. Eurofound Publications. Luxembourg, 2012 [Internet]. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1254en.pdf (data obrashcheniya 9 Jan. 2018).
4. Young people neither in employment nor in education and training by sex, age and labour status (NEET rates) [Internet]. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_lfse_20&lang=en (data obrashcheniya 12 Jan. 2019).
5. Toshchenko ZhT. Prekariat. From protoclass to a new class. Moscow: Nauka Publ.; 2018. (In Russ.)
6. Bourdieu P. Forms of Capital. Zapadnaya ekonomii cheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki. Ed. by VV. Radayeva. Moscow: ROSSPENPubl.; 2004. P. 519-36. (In Russ.)
7. Heckman J., Carneiro P. Human Capital Policy. *NBER Working Paper Series*. 2003;9495 [Internet]. URL: <http://www.nber.org/papers/w9495.pdf> (data obrashcheniya 1 Feb. 2019).

8. Carcillo S. et al. NEET Youth in the Aftermath of the Crisis: Challenges and Policies. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2015;164. OECD Publishing, Paris [Internet]. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5js6363503f6-en> (data obrashcheniya 20 Jan. 2019).
9. Off to a Good Start? Jobs for Youth. OECD Publishing, Paris, 2010 [Internet]. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264096127-en> (data obrashcheniya 5 Feb. 2019).
10. Varshavskaya EYa. Russian NEET-youth: characteristics and typology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2016;9:31-39. (In Russ.)
11. Zudina AA. "Do not work and do not study": NEET-young people in the labor market in Russia. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ.; 2017. (In Russ.)
12. Labour force, employment and unemployment (based on sample labour force surveys). Stat. Sb. Moscow: Rosstat Publ.; 2016. (In Russ.)
13. Youth of Russia 2000-2025: Human capital development [Internet]. URL: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf> (data obrashcheniya 14 Feb. 2019). (In Russ.)
14. New Protest Wave: Myths and Reality. [Internet]. URL: <http://www.politonline.ru/provocation/12525.html> (data obrashcheniya 14 Feb. 2019). (In Russ.)
15. Zubok YuA., Chuprov VI. Youth extremism: essence, forms, manifestations, trends. Moscow, 2009 [Internet]. URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/20/1251238709/2009_1\(89\)_7_Chuprov_Zubok.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/20/1251238709/2009_1(89)_7_Chuprov_Zubok.pdf) (data obrashcheniya 13 Feb. 2019). (In Russ.)

Информация об авторах

Марина Б. Буланова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marina_bulanova@inbox.ru

Валерий В. Костенко, магистр социологии, Академия Федеральной службы Российской Федерации, Орел, Россия; 302018, Россия, Орел, ул. Приборостроительная, д. 35; veldinc@gmail.com

Information about the authors

Marina B. Bulanova, Dr of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; marina_bulanova@inbox.ru

Information on the author: Valery V. Kostenko, master of sociology, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy, Oryol, Russia; bld. 35, Priborostroitelnaya Str., Oryol, Russia, 302018; veldinc@gmail.com

УДК 316.334.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-130-140

Глобальные тренды исследовательской индустрии и требования к специалистам

Дарима Г. Цыбикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, t-darima@yandex.ru*

Аннотация. На основе анализа индустриальных отчетов описывается состояние глобального рынка маркетинговых исследований. В числе основных трендов, определяющих его развитие, выделены технологизация методов сбора и анализа информации, рост скорости и гибкости практик ведения бизнеса, а также изменение образа жизни и практик коммуникации респондентов. В работе отмечается, что индустрия переживает непростой период роста, когда новые технологические решения позволили не только совершенствовать методы сбора и анализа данных о потребителях, но и поставили под вопрос сохранение исследовательскими компаниями своих позиций в качестве главных аналитиков. К специалистам, занятым в исследовательской индустрии, выдвигаются новые требования, среди которых возросла как значимость коммуникативных, презентационных навыков, так и теоретико-методологической подготовки как условия универсальности специалистов и их дальнейшего профессионального развития.

Ключевые слова: исследовательская индустрия, маркетинговые исследования, тренды, профессиональные требования, социологическое образование

Для цитирования: Цыбикова Д.Г. Глобальные тренды исследовательской индустрии и требования к специалистам // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 130–140. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-130-140

The Research Industry Global Trends and the Requirements for Specialists

Darima G. Tsybikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, t-darima@yandex.ru*

Abstract. Analyzing industrial reports, the author reconstructs the state of the global marketing research industry, identifying its challenges and opportunities. Among main determining trends of its development he emphasizes technological evolution of data collecting and of analyzing methods, that increased the speed and flexibility of business practices, supporting the human life style and communication changes.

The article notes that the industry is experiencing a difficult period of growth, when new technological solutions have provided not only for improvement in the methods of collecting and analyzing data on consumers, but also for questioning the preservation by research companies of their positions as chief analysts.

Research industry requires now a number of different skill sets, including raised importance of communication and presentation skills, and primary value of theoretical and methodological training as a condition for the universality of specialists and their further professional development.

Keywords: research industry, marketing research, trends, professional requirements, sociological education

For citation: Tsybikova DG. The research industry global trends and the requirements for specialists. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:130-140. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-130-140

Введение

Индустрия маркетинговых исследований (МИ) – это совокупность предприятий, занятых организацией маркетинговых исследований, компаний, специализирующихся на оказании сопутствующих услуг, а также профильных общественных организаций. Маркетинговые исследования как продукт имеют информационную и консультационную составляющие, что определяет их высокую востребованность в современных условиях ведения бизнеса.

В последние годы ситуацию на глобальном рынке маркетинговых исследований, как правило, характеризуют как благоприятную, эксперты отмечают уверенный рост после рецессии 2012–2013 гг. и ожидают дальнейшего развития отрасли. Объем рынка определяется 35–45 млрд долл. США. При этом включение новых исследовательских секторов уже в 2016 г. способно было увеличить оборот

рынка до 67,9 млрд долл. США [1] или до 170 млрд долл. США [2]. На сегодняшний день исследовательская индустрия характеризуется высокой степенью глобализации, а Россия является ее частью. Ведущие международные сети контролируют большую долю российского рынка [3], предлагаемые ими для своих глобальных клиентов методы, тематические направления, инструменты, услуги во многом формируют стандарты работы отечественной индустрии. Отметим, что индустрия МИ – одна из основных сфер трудоустройства социологов [4].

Обзор трендов последних лет (2–3 года) составлен на основании обобщения информации, представленной в аналитических отчетах и обзорах международных профессиональных объединений: AMA, ESOMAR, Greenbook Research (GRIT), Market Research Society, RFL Communications.

Общая характеристика глобального рынка маркетинговых исследований

По оценке ESOMAR, в 2015 г. объем мирового рынка МИ достиг 44,3 млрд долл. США, увеличившись на 2,2 % по сравнению с 2014 г. Две трети мирового рынка МИ в стоимостном выражении пришлось всего на пять стран: США (43 %), Великобритания (17 %), Германия (7 %), Франция (5 %) и Китай (4 %). В 2016 г. число штатных сотрудников в исследовательской отрасли США значительно увеличилось (на 6,8 %) [2], развитие индустрии в США опережает рост экономики страны в целом.

Отметим, что объем российского рынка маркетинговых исследований в 2015 г. составил 265 млн долл. США [5], став восьмым рынком европейского региона. В сравнении с предыдущими годами он продемонстрировал негативную динамику, что в отчете объясняют снижением темпов развития местной экономики, усилением государственного регулирования медиаизмерений и правил хранения персональных данных. В то же время решающее значение имел курс валюты, по оценкам экспертов, в рублевом выражении в этот период даже наблюдался небольшой рост [6].

На глобальном уровне основными клиентами компаний, специализирующихся на МИ, являются: производственный сектор, медиаиндустрия, государственный и некоммерческий сектор. Если рассматривать производственный сектор более детально, то больше всего выручки приносят производители товаров повседневного спроса (FMCG). Вторую по значимости позицию занимает индустрия фармацевтики и здравоохранения, на третьем – сегмент автомобилестроения.

Что касается распределения расходов на МИ с точки зрения методов исследования, безоговорочно лидируют количественные методы (70 % в стоимостном выражении). На качественные методы приходится 16 % прибыли. При этом по итогам года доля количественных онлайн-исследований составила 23 % от общего объема рынка МИ. В таких странах, как Австралия, Швейцария и Япония, доля по уровню расходов составила 40 % и более [1]. К числу наиболее распространенных новых методов в количественной парадигме можно отнести – мобильные опросы (разработка инструментария осуществляется сразу для мобильных устройств), автоматизированные текстовая аналитика, анализ социальных сетей и анализ больших данных, в качественной – онлайн-сообщества (MROC), мобильная этнография, глубинные онлайн-интервью [7].

Следует отметить, что в Топ-25 рейтинга ESOMAR входят преимущественно компании, занимающиеся синдицированными исследованиями, трекинговыми исследованиями и автоматизированными измерениями аудитории. Большие компании активно практикуют онлайн-исследования, панельные исследования, измерения социальных сетей, аналитику больших данных. При этом увеличивают инвестиции в социальные медиа, прогнозную (предиктивную) аналитику и визуализацию данных.

Клуб крупнейших исследовательских компаний достаточно закрытый. В 2015 г. 48 % доходов мирового рынка МИ аккумулялировали шесть крупнейших международных компаний: Nielsen, Kantar, IMS Health Inc., Ipsos, GfK и GARTNER. Они входят в топ всех промышленных рейтингов. Будучи американскими и западноевропейскими компаниями, они свыше 60 % прибыли зарабатывают на зарубежных рынках. 50 ведущих американских компаний в 2017 г. заработали за границей 53 % прибыли (показатель не опускается ниже 52 % с 2010 г.) [8].

Основные тенденции глобального рынка МИ

Пожалуй, именно технологизацию можно определить в качестве ведущего тренда, определяющего развитие индустрии. По данным опроса руководителей крупнейших компаний мира, проведенного в 2016 г., около четверти из них считают, что технологии уже полностью преобразили конкурентную среду в их отрасли, а остальные ($\approx 75\%$) ожидают, что в ближайшие пять лет под влиянием технологий на рынках их компаний произойдет трансформация [9]. Однако для каждой индустрии это изменение обозначает собственные вызовы и возможности.

Современные технологические решения для индустрии МИ обеспечили новые возможности по изучению потребителей: расширилось пространство данных, их количество и характер (компании используют данные, агрегированные без участия респондентов), получили развитие и появились новые методы исследований, которые дают возможность еще глубже понимать, объяснять и прогнозировать поведение потребителей (например, биометрические и нейроисследования), произошла автоматизация рабочих процессов, в том числе сбора и анализа информации.

Такое расширение рынка привело к активному появлению новых игроков, росту самостоятельных (DIY) исследований среди традиционных клиентов индустрии. Так, в рейтинге исследовательских компаний RFL Communications уже сегодня лидером является Optum, дочерняя компания United Health Group, занимающаяся аналитикой в области здравоохранения [10]. Подобные изменения у некоторых вызывают опасения: удастся ли исследовательским компаниям сохранить свои позиции в качестве главных аналитиков, исследователей, выдержать усиливающуюся конкуренцию со стороны новых организаций (интернет-компаний и пр.).

С другой стороны, новые возможности для лучшего понимания потребителя, возможности для оптимизации бизнес-процессов могут способствовать выходу исследовательских компаний в новые сегменты рынка, росту капитала, а значит и росту привлекательности для инвесторов. И конкурентная борьба, и попытки взаимовыгодного сотрудничества происходят одновременно. Растет стратификация отрасли, специализация одних и универсализация других компаний.

В этих процессах мы видим общий запрос рынка на понимание и качественную оценку расширяющегося пространства данных. Данное стремление сводится к созданию и продаже устойчивого исследовательского решения, которое действительно подходит для целей клиента, позволяет ему быть уверенным в своих действиях. Новые методы и технологии, доступ к огромным массивам информации не решают полностью вопросов их эффективного использования: анализа, подбора оптимальных показателей, интерпретации, применения. В этих условиях ценность традиционных методов сохраняется, возрастает роль исследовательской экспертизы, проверки данных. При этом исследователям нужно знать и владеть новыми методами, возрастает запрос на знание программирования (Python, R), владение более сложными статистическими инструментами. Параллельно происходит усиление позиций качественной методологии, исследований, способных объяснить сухие цифры больших данных.

Второй большой тренд связан с изменением практик ведения бизнеса и требованиями, которые выдвигают клиенты к индустрии МИ. Возможные сроки для реагирования компании на изменение рыночной ситуации сокращаются, а скорость принятия управленческих решений возрастает. Как следствие бизнес хочет получить результаты МИ быстрее, отказываясь от масштабных проектов в пользу быстрых, небольших, самостоятельных исследований, гибких (agile) проектов. Одновременно клиенты более тщательно изучают свои исследовательские программы и стремятся устранить все, что, по их мнению, не имеет прямой связи с текущими задачами компании, не имеет измеряемой, наглядной эффективности. Причем речь идет не только об экономии бюджета, но и экономии времени, большей ясности. Одна из самых больших претензий маркетологов к исследователям – недостаток действенных, практических рекомендаций. Учитывая этот запрос, исследовательская индустрия будет расширять пакет смежных услуг, связанных с консультированием, управлением корпоративной обратной связью, защитой интересов клиентов, маркетингом. Данные сами по себе становятся меньшей ценностью, а решения, предлагаемые на их основе, становятся ведущим конкурентным преимуществом. Кроме того, рост скорости и увеличение информационного потока приводят к тому, что возрастает запрос на эффективное и доступное представление данных, визуализацию результатов.

Третья группа трендов связана с изменением образа жизни респондентов, и адаптацией исследовательских инструментов и практик. Это, прежде всего, проявилось в активном использовании онлайн и мобильных исследований, как количественных, так и качественных. 95 % американских подростков в возрасте от 13 до 17 лет говорят, что у них есть смартфон, а 45 % из них находятся онлайн почти постоянно [11]. Необходимо учитывать то, что изменение коммуникационной среды приводит к необходимости адаптации стиля или языка общения с респондентами: активнее используются изображения, игры в инструментарию (пусть их эффективность остается дискуссионной), количество вопросов сокращается, формулировки вопросов создаются для чтения с мобильных устройств. Обилие каналов коммуникации, снижение доверия к бизнесу, возможность быть услышанным производителями (в социальных сетях, благодаря каналам обратной связи и т. п.) снижают мотивацию респондентов к участию в исследованиях. Так, в США после десятилетий снижения отклик при проведении телефонных опросов, в последние годы стабилизировался на уровне 9 % [12]. Респонденты, незаинтересованные в участии – сложный объект, чтобы получить интересные, новые сведения о них, нужно приложить больше усилий. Дополнительным

фактором, снижающим отклик респондентов, стала актуализация вопросов этики и безопасности использования персональных данных. Со стороны общества растет запрос на прозрачность. С 2018 г. в Евросоюзе действует новый общий регламент по защите данных, который обязывает компании, предоставить людям новые возможности защищать и контролировать сведения о себе. В России новые положения в ФЗ «О персональных данных» внесены в 2017 г. Еще одной проблемой является участие в исследованиях «профессиональных» респондентов, ботов. Таким образом, борьба за качество данных продолжается или даже начинается с новой силой.

Новые требования к специалистам МИ

Добавленная стоимость в индустрии МИ создается благодаря консультационной составляющей конечного продукта, информация сама по себе утратила былую ценность. Поэтому оценка работы исследовательских агентств определяется уровнем анализа данных и качеством действенных рекомендаций, способствующих развитию бизнеса клиентов. Образ идеального специалиста в области МИ это исследователь-аналитик, универсалист, которого отличает хорошая теоретико-методологическая подготовка и бизнес-проницательность. Он знает методологию традиционных исследований, готов разрабатывать и использовать новые, комбинировать их. Знает актуальные направления теории менеджмента и маркетинга, понимает тенденции и направления развития исследуемой области рынка. Обладает критическим мышлением, стратегическим видением ситуации – видит общий ландшафт проблемы и точки потенциального роста для бизнеса клиента. Он обладает навыками представления результатов исследовательской работы, визуализации данных (инфографика, скрайбинг) и программирования. Он определенно много взаимодействует с людьми, умеет работать в командах, причем состоящих из разных профессионалов, представлять результаты исследований различным стейкхолдерам, продвигать идеи. Он, естественно, ориентирован на постоянное профессиональное развитие, любознателен, инициативен. Достижимость идеала всегда под вопросом, но его образ представляет ценность как ориентир и указатель возможных направлений профессионального развития. Более конкретные советы по построению карьеры в сфере МИ, как правило, содержат вытекающие из идеального образа пункты: непосредственный опыт проведения исследований – интервью и анализа данных, прохождение курсов по презентации и визуализации данных, междисциплинарное саморазвитие, выработка бизнес-мышления, участие/членство в профессиональ-

ных организациях, поиск/наличие наставника, ежедневное чтение новостей по профилю деятельности, регулярное повышение квалификации [13].

Эти заключения хорошо иллюстрируют результаты опроса GRIT, согласно которым представители индустрии считают, что исследовательским компаниям следует развивать такие компетенции как владение современными технологиями, навыки презентации и визуализации данных, развитие бизнес проницательности. Клиенты же считают, что исследователи должны наращивать компетенции в плане анализа данных, визуализации данных, а также методологической экспертизе и оценке качества [7 р. 66].

Учитывая технологизацию отрасли, логичным является то, что на глобальном уровне среди персонала индустрия в большей мере испытывает потребность в технических специалистах. Однако есть интерес к специалистам по качественным исследованиям, способным объяснить big data, и специалистам по кабинетным исследованиям. При этом конкуренция за рабочие места идет не только с другими профессионалами, но и с автоматизированными системами. Как и в других отраслях, происходит постепенное делегирование простых и ресурсозатратных операций автоматизированным системам: первичной аналитики, модерирования онлайн-фокус-групп и пр. Так, в отчете MRS отмечается сокращение штата интервьюеров колл-центров на 40 % за последние пять лет [14].

Заключение

Индустрия МИ переживает сложный период развития, связанный с тремя группами факторов: технологизацией методов сбора и анализа информации, возрастанием скорости и гибкости практик ведения бизнеса, а также изменившимся образом жизни и практиками коммуникации респондентов. Некоторые тренды открывают новые возможности, другие, напротив, создают риски. Принципиальное значение имеет то, что технологический рывок создает угрозу индустрии в целом, выводя на традиционное для нее поле новых игроков. В такой период ожидаемо актуализируются вопросы кадрового обеспечения отрасли, от их возможности выиграть в конкурентной борьбе, предложив клиентам продукт с высокой добавленной ценностью, зависит будущее индустрии. К современному специалисту предъявляют все больше требований относительно владения социально-личностными (коммуникации, кооперации, креативности) и общепрофессиональными навыками (визуализации, презентации данных и программирования). Но самое важное то, что от него ожидают готовности и способности решать методо-

логические задачи, связанные с поиском новых исследовательских решений и комбинацией методов, проводить исследовательскую экспертизу, анализировать, интерпретировать, добывать новое знание и представлять его в виде готовых, действенных решений для бизнеса. То есть ценность общей социологической теории и методологии исследований сохраняется, именно она является базой для подготовки желаемого универсального специалиста.

Развивающаяся отрасль выдвигает новые требования и к молодым специалистам, и состоявшимся профессионалам. Отечественной индустрии трудно удерживать лучшие кадры: «профессиональные кадры не задерживаются в агентствах, стараются уйти на клиентскую сторону, которая считается в отрасли более престижной» [15], представляющей больше возможностей для карьерного роста. В отчете ОИРОМ указывали и на «перегруженность лучших сил отрасли текущими проектами» [3]. Демографический кризис, выход на рынок труда нового поколения с другой мотивацией и ожиданиями вкупе с модернизацией образовательной системы и молодостью индустрии осложняют поиск новых сотрудников с хорошим потенциалом. Заинтересованность профессионалов индустрии подтверждается тематикой VIII Грушинской социологической конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии» (2018 г.).

Кадры как условие успешного развития индустрии, ее имиджа и деловой репутации нуждаются в поддержке. Поэтому хотелось бы обратить внимание на необходимость кооперации: только коллективными усилиями можно бороться за качество исследовательских данных, а значит и за сохранение/рост доверия к результатам МИ в глазах клиентов, респондентов, государства и общества в целом. Профессиональным объединениям следует активнее включаться в процесс подготовки и выпуска молодых социологических кадров, активнее развивать образовательные программы для профессионалов.

Литература

1. Global market research 2016. An ESOMAR Industry report in cooperation with BDO Accountants & Advisors [Электронный ресурс]. URL: <https://www.esomar.org/knowledge-center/library?format=paper> (дата обращения 11 сент. 2017).
2. The AMA Gold Report: 2016 Top 50 Market Research Firms [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ama.org/publications/MarketingNews/Pages/2016-ama-gold-top-50-report.aspx> (дата обращения 22 сент. 2017).
3. Дембо О. Рынок маркетинговых исследований в России: Старые тренды и новые вызовы. 2014. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s7/Dembo.pdf> (дата обращения 22 янв. 2018).

4. *Набиуллина К.А., Солодников В.В., Цыбикова Д.Г.* Выпускники социологических факультетов на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 81–91.
5. Объем рынка маркетинговых исследований 2016. ОИРОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://oirom.ru/obem-rynka-marketingovykh-issledovaniy-2016/> (дата обращения 6 июня 2018).
6. *Фролов Д.* Рынок маркетинговых исследований 2016: Рост или стагнация. Research & Trends [Электронный ресурс]. URL: https://www.r-trends.ru/trends/trends_1142.html (дата обращения 22 сент. 2017).
7. Greenbook Research Industry Trends (GRIT) Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.greenbook.org/grit> (дата обращения 30 мая 2018).
8. The 2018 AMA Gold Top 50 Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ama.org/publications/MarketingNews/Pages/2018-ama-gold-top50-report.aspx> (дата обращения 6 июня 2018).
9. 20-й опрос руководителей крупнейших компаний мира «Мнение частного бизнеса». PWC [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pwc.ru/ru/private-companies/assets/private-company-ceo-survey-rus.pdf> (дата обращения 22 сент. 2017).
10. RFL's 2016 Global Top 50 Research Organizations [Электронный ресурс]. URL: <https://rflcomm.files.wordpress.com/2017/07/rfl-global-top-50-research-organizations-2016.pdf> (дата обращения 25 сент. 2017).
11. *Anderson M., Jiang J.* Teens, Social Media & Technology 2018. Pew Research Center [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewinternet.org/2018/05/31/teens-social-media-technology-2018/> (дата обращения 7 июня 2018).
12. Низкий отклик в телефонных опросах: Пациент скорее мертв или скорее жив? [Электронный ресурс]. URL: <http://fdfgroup.ru/poleznaya-informatsiya/stati/nizkiy-otklik-v-telefonnykh-oprosakh-patsient-skoree-mertv-ili-skoree-zhiv/> (дата обращения 6 июня 2018).
13. *Schmidt S.* Career Advice for Market Research Analysts [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.marketresearch.com/career-advice-for-market-research-analysts> (дата обращения 22 сент. 2017).
14. The Research Live industry report 2017. Market research society [Электронный ресурс]. URL: https://www.mrs.org.uk/pdf/MRS_RESEARCH_LIVE_REPORT_2017.pdf (дата обращения 22 сент. 2017).
15. *Черкашина А.* Тренды рынка маркетинговых исследований 2018: перспективы, вызовы, возможности. Adindex.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/marketing/2018/04/16/170553.phtml> (дата обращения 1 июня 2018).

References

1. Global market research 2016. An ESOMAR Industry report in cooperation with BDO Accountants & Advisors [Internet]. URL: <https://www.esomar.org/knowledge-center/library?format=paper> (data obrashcheniya 11 Sep. 2017).
2. The AMA Gold Report: 2016 Top 50 Market Research Firms [Internet]. URL: <https://www.ama.org/publications/MarketingNews/Pages/2016-ama-gold-top-50-report.aspx> (data obrashcheniya 22 Sep. 2017).
3. Dembo O. Market research in Russia: older trends and new challenges. VTsIOM [Internet]. URL: <https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s7/Dembo.pdf> (data obrashcheniya 22 Jan. 2018). (In Russ.)

4. Nabiulina KA., Solodnikov VV., Tsybikova DG. Graduates of sociological faculties in the labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;8:81-91. (In Russ.)
5. Market Research 2016. OIROM [Internet]. URL: <http://oirom.ru/obem-rynka-marketingovykh-issledovaniy-2016/> (data obrashcheniya 6 June 2018). (In Russ.)
6. Frolov D. Market Research 2016: growth or stagnation. Rresearch&Trends [Internet]. URL: https://www.r-trends.ru/trends/trends_1142.html (data obrashcheniya 22 Sept. 2017). (In Russ.)
7. Greenbook Research Industry Trends (GRIT) Report [Internet]. URL: <https://www.greenbook.org/grit> (data obrashcheniya 30 May 2018).
8. The 2018 AMA Gold Top 50 Report.AMA [Internet]. URL: <https://www.ama.org/publications/MarketingNews/Pages/2018-ama-gold-top50-report.aspx> (data obrashcheniya 6 June 2018).
9. 20thAnnual Global CEO Survey. “The private business opinion”. PWC [Internet]. URL: <http://www.pwc.ru/ru/private-companies/assets/private-company-ceo-survey-rus.pdf> (data obrashcheniya 22 Sept. 2017). (In Russ.)
10. RFL’s 2016 Global Top 50 Research Organizations. RFL [Internet]. URL: <https://rflcomm.files.wordpress.com/2017/07/rfl-global-top-50-research-organizations-2016.pdf> (data obrashcheniya 25 Sep. 2017). (In Russ.)
11. Anderson M., Jiang J. Teens, Social Media & Technology 2018. Pew Research Center [Internet]. URL: <http://www.pewinternet.org/2018/05/31/teens-social-media-technology-2018/> (data obrashcheniya 7 June 2018).
12. Low telephone survey response rates. Is the patient rather dead or rather alive?FDFgroup [Internet]. URL: <http://fdfgroup.ru/poleznaya-informatsiya/stati/nizkiy-otklik-v-telefonnykh-oprosakh-patsient-skoree-mertv-ili-skoree-zhiv/> (data obrashcheniya 5 June 2018). (In Russ.)
13. Schmidt S. Career Advice for Market Research Analysts [Internet]. URL: <http://blog.marketresearch.com/career-advice-for-market-research-analysts> (data obrashcheniya 22 Sep. 2017).
14. The Research Live industry report 2017. Market research society [Internet]. URL: https://www.mrs.org.uk/pdf/MRS_RESEARCH_LIVE_REPORT_2017.pdf (data obrashcheniya 22 Sep. 2017).
15. Cherkashina A. Research market trends 2018. Prospects, challenges, Prospects, challenges, opportunities. AdIndex.ru [Internet]. URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/marketing/2018/04/16/170553.phtml> (data obrashcheniya 1 June 2018). (In Russ.)

Информация об авторе

Дарима Г. Цыбикова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; t-darima@yandex.ru

Information about the author

Darima G. Tsybikova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; t-darima@yandex.ru

Трудовая миграция из Беларуси в Россию в условиях развития межгосударственных интеграционных отношений

Ирина В. Василевская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vasilevska@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трудовой миграции из Беларуси в Россию в условиях развития интеграционной политики Союзного государства. Политика интеграции двух государств оказывает значимое влияние на процесс формирования общего рынка трудовых отношений. Россия и Беларусь по отношению друг к другу выступают в качестве основных государств-доноров и государств-реципиентов трудовых ресурсов. По отношению к мировому рынку труда Республика Беларусь выступает в основном как экспортер рабочей силы. Представлены исторические предпосылки формирования трудовых отношений стран Союзного государства России и Беларуси, периодизация миграций с белорусских на территорию российских земель, динамика миграционных процессов на современном этапе, состав мигрантов по возрасту, уровню образования, профессиональным группам. Анализируются основные мотивы миграционного поведения современных белорусских граждан. Оценить реальный объем трудовой миграции из России в Беларусь на текущий момент представляется затруднительным. Значительная часть трудовых поездок либо не регистрируется вообще, либо регистрируется частично на основании соответствующей нормативно-правовой базы, регулирующей взаимоотношения государств-участников Союза. В рамках функционирования Союзного государства продолжается деятельность по развитию единого миграционного пространства и функционирования единой системы мобильности трудовых ресурсов и социально-трудовой сферы.

Ключевые слова: постсоветское пространство, трудовая миграция, трудовые мигранты, трудовой договор, управление миграционными процессами, трудовая деятельность, Союзное государство России и Беларуси, социально-трудовая сфера, СНГ, Евразийское экономическое пространство, ЕАЭС

Для цитирования: Василевская И.В. Трудовая миграция из Беларуси в Россию в условиях развития межгосударственных интеграционных отношений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 141–152. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-141-152

© Василевская И.В., 2019

Labour migration from Belarus to Russia in conditions of development in the interstate integration relations

Irina V. Vasilevskaya

*Russian state University for the Humanities,
Russia, Moscow, vasilevska@rggu.ru*

Abstract: The paper deals with the peculiarities of labor migration from Belarus to Russia in the context of the development of integration policy of the Union State. The policy of integration of the two States shows significant impact on the formation of the common labor market. Belarus and Russia act respectfully as the main donor States and recipient States of labor resources. In relation to the world labour market, the Republic of Belarus acts mainly as exporter of labour.

The paper presents the historical background for forming the labor relations in the Union state of Russia and Belarus, along with periodization of migration from Belarus to the territory of Russian lands, analyzing the dynamics of migration processes at the present stage, as well as the consist of migrants by the age, education level, professional groups. The main motives of migration behavior of today Belarusian citizens are also analyzed.

It is difficult to estimate the actual volume of labor migration from Russia to Belarus at the moment. A significant part of labour trips is either not registered at all or is partially registered in relevant legal framework governing relations between the member States of the Union. Within the confines of the Union state functioning, the actions developing the single migration space and running the unified system of labor mobility and of the social and labor sphere are continued.

Keywords: post-Soviet space, labor migration, labor migrants, labor contract, migration management, labor activity, Union State of Russia and Belarus, social and labor sphere, CIS, Eurasian economic space, EAEU

For citation: Vasilevskaya IV. Labour migration from Belarus to Russia in conditions of development in the interstate integration relations. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:141-152. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-141-152

Введение

Договор о Союзном государстве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь стал особым видом двустороннего межгосударственного интеграционного проекта на пространстве СНГ. Союзный договор охватывает все сферы государственно-

го строительства, является основой принципов разграничения полномочий между государствами-участниками конфедерации, регулирует деятельность союзных органов, порядок их формирования, их основные функции и структуру государственных органов Союзного государства. Значимой функцией договора России и Беларуси предстает декларация статуса граждан государств-участников в качестве граждан единого Союзного государства, обладающими равными правами на территории обеих стран. Для граждан Российской Федерации и Республики Беларусь формируется и совершенствуется нормативно-правовая база, предполагающая беспрепятственное передвижение на пространстве Союзного государства, обеспечение равных прав в сфере труда, здравоохранения, образования, отдыха. Обе страны в условиях глобальных изменений мирового пространства имеют много общих проблем, в том числе миграционных. Развитие интеграционных отношений между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в рамках Союзного государства особо значимы в сфере формирования и развития общего рынка труда. В условиях социально-экономических и демографических тенденций Россия и Беларусь по отношению друг к другу выступают в качестве основных государств-доноров и государств-реципиентов трудовых ресурсов. Процесс трудовой миграции стран Союзного государства имеет схожие схемы развития и проблемы, но при этом есть ряд особенностей, в первую очередь масштабность самого процесса.

Исторические предпосылки формирования трудовых отношений стран Союзного государства России и Беларуси

История миграций экономического характера с территории белорусских на территорию российских земель берет свое начало на рубеже XIX–XX вв. Период до начала Первой мировой войны можно охарактеризовать как первую волну миграции белорусского населения. В этот промежуток времени в Сибирь переселилось более 700 тыс. белорусов. Второй этап – период Первой мировой войны и революции 1917 г. В это время на территорию России перемещается более 2 тыс. беженцев из Беларуси. Наибольшее количество переселенцев обосновалось в Москве и Петрограде – 128 тыс. и 100 тыс. чел. соответственно, а также в центральных российских губерниях. Начало Второй мировой войны – очередной всплеск массовых миграций как на территории самой Беларуси, так за ее пределами. Что касается социального состава трудовых мигрантов послевоенного периода, то здесь преобладают крестьяне

и работники сельского хозяйства. Однако в данном случае можно уже наблюдать и увеличение количества представителей интеллигенции. В начале XX в. по численности белорусы были второй после русских национальностью Санкт-Петербурга и самой большой национальной диаспорой города. На сегодняшний день белорусские землячества можно отыскать от Петербурга до Сибири [1].

Очередной всплеск миграционных потоков с территории белорусского государства на территорию России был вызван распадом Советского Союза и последовавшими за этим значительными изменениями в политике, экономике и социальной сфере.

Трудовая миграция в Союзном государстве России и Беларуси на современном этапе

В современных социально-экономических условиях по отношению к международному рынку труда Республика Беларусь выступает в основном как экспортер рабочей силы. Значимым мотивом миграционного поведения современных белорусских граждан и сегодня являются причины экономического характера.

Основное внешнее направление трудовых ресурсов Беларуси – это Российская Федерация. Здесь, несомненно, оказывают влияние и общее историческое и культурное наследие, и отсутствие языкового барьера, и географическая близость.

Динамика трудовой миграции белорусов в РФ в последние годы не носит резкоменяющийся характер и составляет в среднем около 5 тыс. чел. в год. В 2013 г. эта цифра официально составила 4 916 чел., в 2014 г. – 4 739 чел., в 2015 г. – 5 281 чел., в 2016 – 4 712 чел. В 2017 г. число трудовых мигрантов из Беларуси в Россию незначительно выросло и составило 6 160 чел. В 2018 г. количество выехавших по причине трудовой деятельности возросло по сравнению с предыдущим годом и составило 11 093 чел. Преобладающее количество трудовых мигрантов – это жители Минска. Их численность составляет около 70 % от общего количества выезжающих граждан. Данные статистики указывают на то, что количество граждан, которые выезжают в Россию с целью трудоустройства, составляет 85–90 %. Здесь можно наблюдать такую динамику: рост в 2012 г. до 6 534 трудовых договоров, снижение в 2014 г. до 5 441 договоров и последующее увеличение в 2016 г. до 7 403 трудовых договоров. Значение показателя в 2017 г. только в январе-марте составил 10 703 договоров. В 2018 г. общее количество выехавших на основании трудовых договоров имело незначительное увеличение и выразилось в количестве 11 093. В целом же, как видно из приведенных данных, значительных колебаний в статис-

тике не наблюдается. За период с 2009 по 2016 гг. с белорусскими гражданами заключалось более 5,5 тыс. трудовых договоров в год, в том числе: с жителями Минска – около 3 тыс. договоров, Минской обл. – более 350, Могилевской обл. – более 1 тыс., Гомельской обл. – около 700, Витебской обл. – более 500, Гродненской обл. – около 150, Брестской обл. – около 50 договоров (см. табл. 1) [2].

Для возрастной структуры выезжающих на работу белорусов характерно преобладание молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет, большинство из которых – девушки. Если представить это в процентном соотношении, то по отношению к юношам эта цифра составляет более 60 %. За представителями более молодого поколения следует категория трудовых мигрантов, возраст которых составляет 40–44 года. Далее следуют молодые граждане от 25 до 29 лет с тенденцией снижения числа женщин по отношению к доле мужчин. В возрастной категории 25–29 лет женщины составляют только 1/3 по отношению к мужчинам-мигрантам [1].

В общем количестве трудовых мигрантов преобладают мужчины. Динамика выездов мужчин имеет тенденцию к увеличению (начиная с 2010 г. по настоящее время). В среднем в год в период с 2010 по 2016 г. выезжало около 4 тыс. мужчин, в то время как количество выезжающих на заработки женщин в среднем в год в тот же период составило менее 2 тыс. Наибольшее количество выездов у женщин зафиксировано в 2010 г. – 2 174 чел. и в 2016 г. – 2 047 чел. В другие годы эта цифра составляла менее 2 000 тыс. чел. Мужчины, граждане Беларуси наиболее активно выезжали на заработки за пределы государства в 2012, 2015 и 2016 гг. – 4 589, 4 856 и 5 356 чел. по годам соответственно. В 2017 г. количество трудовых мигрантов-мужчин по сравнению с 2010 г. увеличилось почти вдвое и составило по официальным данным 4 261 человек. Всего в период с 2010 по 2017 г. по трудовым договорам выехало 34 096 мужчин и 13 558 женщин.

К сожалению, в официальной статистике не представлены данные об образовательном уровне трудящихся-мигрантов, выезжающих в последние годы. Если говорить о более раннем периоде, то среди мигрантов в 2010–2011 гг. по уровню образования преобладали граждане с общим средним образованием – их доля составляла 61,9 %, мигрантов со средним специальным образованием в этот период – 29,5%, с высшим образованием – 5,3% [2].

Распределение мигрантов из Беларуси по профессиональной сфере в 2011 г. следующее: квалифицированные рабочие – 46,4%, рабочие сферы обслуживания – 23,2%, представители рабочих специальностей – 22%, рабочие, работники сельского хозяйства – 6,9%, руководящий состав – 1,5%. В 2012 г. по данным статистики Министерства внутренних дел Республики Беларусь среди трудовых мигрантов: квалифицированные рабочие – 28,8%, работники

Таблица 1

Внешняя трудовая миграция из Беларуси по областям и г. Минску, чел.

Регион Беларуси	Годы										Выехали всего за период
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
г. Минск	2515	2987	3168	3611	3288	2462	2194	2692	3018	3762	29697
Минская обл.	268	365	633	543	267	356	271	104	360	147	3314
Могилевская обл.	432	571	816	1202	923	1153	1768	1490	1827	1476	11658
Гомельская обл.	365	414	612	607	659	949	1098	903	1606	1711	8924
Витебская обл.	76	314	195	469	490	420	839	1501	1761	1410	7475
Гродненская обл.	98	67	98	91	88	12	121	595	1248	1601	4019
Брестская обл.	92	73	0	11	0	89	37	118	883	986	2289
Выехали всего по регионам	3846	4791	5522	6534	5715	5441	6328	7403	10703	11093	67376

сферы обслуживания – 19,9%, представители рабочих специальности – 22%, руководящее звено – 0,6%. По срокам заключенных договоров и контрактов преобладают краткосрочные договоры, которые составляют рабочий период до 6 месяцев (более 86%). Для представителей руководящего звена, выезжающих на заработки, самым крупным реципиентом белорусских специалистов является Московский регион с наиболее высокой заработной платой, а также карьерными возможностями. На переезд в Московский регион с целью трудоустройства, повышения дохода и профессиональной реализации готовы примерно 7% представителей высшего менеджмента. За период с 2011 г. по 2016 г. динамика трудовых мигрантов из числа руководящих должностей претерпела изменения в сторону уменьшения количества выезжающих руководителей на работу в РФ. Особенно низкими показатели были в 2014 и 2015 гг. и составили – 7 и 4 чел. соответственно по годам. В 2016 г. показатель вырос до 19 чел. Наиболее заметной является динамика снижения выездов на работу в РФ в категории квалифицированных рабочих и специалистов. Если в 2011 г. их число составило 1 965 чел., то уже в 2016 г. количество выезжающих сократилось до 40 чел. Количество трудящихся-мигрантов сферы обслуживания и сельского хозяйства в рассматриваемый период оставалось практически на одном уровне. Средний показатель выездов составил здесь 756 и 129 чел. соответственно по указанным годам. Наибольшее количество выездов на работу в Россию наблюдается среди рабочих специальности. С 2011-2017 гг. их общее количество составило 172 82 человек. В 2015 г. число белорусских рабочих составило 4 341 чел., в 2016 г. показатель был незначительно ниже – 3 962 чел. По сравнению с 2011 г. можно отметить, что среди рабочих специальностей наблюдается динамика повышения количества выезжающих на работу в РФ (см. табл. 2).

Основополагающим фактором, побуждающим население Беларуси к трудовой миграции, является социально-экономическое положение республики. По данным исследования Института социологии НАН Беларуси, из опрошенных граждан около 2,6% потенциальных мигрантов оценивают социально-экономическое положение в стране хорошим, средним – 0,9%. О низком потенциале внешней миграции населения республики свидетельствует то, что только около 6% опрошенных граждан хотели бы выехать за границу на постоянное место жительства. Граждане Беларуси в большинстве случаев предпочитают временную трудовую миграцию. По срокам действия трудовых договоров, на основании которых граждане Республики Беларусь выезжают в Россию на работу, преобладают договора сроком действия до 6 месяцев (см. табл. 3), хотя в период с 2012 г. по 2015 г. заметна динамика их уменьшения – с 4 096 до 2 341 договоров [2].

Таблица 2

Распределение трудящихся-мигрантов из Беларуси по сферам деятельности, чел.

Год выезда	Сферы деятельности трудящихся-мигрантов				
	Руководители	Квалифицированные рабочие и специалисты	Сфера обслуживания	Сельское хозяйство	Рабочие специальности
2011	65	1965	981	293	933
2012	33	1548	1071	0	1
2013	15	629	750	137	3385
2014	7	501	613	131	3532
2015	4	191	563	260	4341
2016	19	40	557	194	3962
2017	21	13	490	124	5508
2018	8	45	349	87	4489
Всего выехало	172	4932	5374	1226	26151
Среднее значение	22	617	672	153	3269

В этот же период динамика договоров сроком от 6 до 12 месяцев и более 1 года имела тенденцию увеличения. Так, число договоров на срок от 6 до 12 месяцев увеличилось с 686 в 2012 г. до 1 453 в 2015 г., но уменьшилось до 893 в 2018 г. Количество договоров сроком от 1 года увеличилось с 536 до 1 565 в 2012 и 2015 гг. соответственно, но имело тенденцию к снижению в 2018 г. до 1 065. В 2018 г. преобладали договоры сроком до 6 мес. Их количество равнялось 3 020 договоров, что отражено динамикой снижения по сравнению с 2012 г. Всего за указанный период было подписано трудовых договоров: краткосрочных до 6 месяцев – 19 042 договора, от 6 месяцев до 1 года – 5 576 и долгосрочных более одного года – 6 897 договоров. Средний статистический показатель по трудовым договорам за период 2011 – 2018 гг. составил: краткосрочные до 6 месяцев – 3 174 договора, от 6 месяцев до 1 года – 930 договоров и более года – 1 150 договоров.

Таблица 3

Распределение граждан Республики Беларусь, выехавших на работу в РФ, по срокам действия трудового договора, чел.

Год заключения договора	Срок действия трудового договора		
	до 6 месяцев	от 6 месяцев до 1 года	более 1 года
2012	4096	686	536
2013	3765	329	822
2014	2360	773	1651
2015	2341	1453	1565
2016	данные не представлены	данные не представлены	данные не представлены
2017	3460	1442	1258
2018	3020	893	1065
Всего	19042	5576	6897
Среднее значение	3174	930	1150

Основным мотивом, побуждающим искать работу за пределами собственного государства, является, как правило, неудовлетворенность имеющейся на данный момент работой и, в основном, оплатой труда. На начало 2017 г. средняя зарплата в Беларуси в бюджетной сфере в марте составляла 584,8 руб. РБ (15 881 руб. РФ), что на 185,8 руб. меньше, чем в среднем по республике. Больше всего в марте получали бюджетники Минска – 729,3 руб. РБ (21 104,85 руб. РФ), и менее всего – в Гродненской области – 540,1 руб. РБ (15 629,68 руб. РФ). В системе здравоохранения в среднем заработная плата составляла 612,8 руб. РБ (17 773,51 руб. РФ). Самые высокие мартовские заработки в здравоохранении наблюдались в Минске – 782,7 руб. РБ (22 650,16 руб. РФ), низкие – в Гродненской области – 545,2 руб. РБ (15 690,45 руб. РФ) Столичные врачи и средний медперсонал получали самую высокую зарплату среди регионов республики – 1 052,2 руб. РБ (30 449,09 руб. РФ) и 743,6 руб. РБ (21 518,67 руб. РФ) соответственно. В сфере образования зарплата в марте 2017 г. составила 540,4 руб. РБ (15 638,37 руб. РФ). Учителя получали 659,8 руб. РБ (19 093,62 руб. РФ), а про-

фессорско-преподавательский состав – 931,7 руб. РБ (26 962 руб. РФ). При этом наиболее высокую зарплату получали бюджетники Минска – 653, руб. РБ (18 896,84 руб. РФ), наиболее низкую – бюджетники Минской области – в размере 503,2 руб. РБ (14 561,85 руб. РФ). Для сравнения в этот же период средняя заработная плата в РФ составляла: в системе здравоохранения – по России в целом – 56 445 руб., в Москве – 99 196 руб., в Московской области – 73 459 руб. В сфере высшего образования: в РФ в целом – 63 831 руб., в Москве – 110 252 руб. и в Московской области – 81 032 руб. [3]

Статистика данных личных переводов показывает, что межстрановые переводы между Россией и Беларусью не являются преобладающими, а находятся на 8-й позиции из 10-ти представленных по странам СНГ. Трансграничные переводы между Беларусью и Россией составляют в среднем 2,5–4,5% от общей суммы переводов. При этом суммы переводов в Россию значительно ниже суммы обратных переводов [4].

Заключение

Оценить объем трудовой миграции из России в Беларусь на текущий момент представляется затруднительным. Значительная часть трудовых поездок либо не регистрируется вообще, либо регистрируется частично на основании соответствующей нормативно-правовой базы, регулирующей взаимоотношения государств. К тому же, официальная регистрация трудовых мигрантов из России в Беларусь стала осуществляться в Министерстве внутренних дел республики Беларусь лишь с 2015 г., что также усложняет процесс учета трудовых перемещений в границах обоих государств. Установить, сколько людей выезжали за границу с целью трудоустройства, крайне затруднительно. В возрастной категории в процессе трудовой миграции доминируют граждане от 20 до 30 лет. Министерство внутренних дел Российской Федерации, как и ранее Федеральная миграционная служба РФ, не представляет статистику по трудовой миграции. В том числе и на территории стран-участниц Союзного государства. Росстатом лишь с 2013 г. фиксируется общая тенденция к увеличению миграционных потоков из Российской Федерации. Высокую долю учтенных эмигрантов составляют россияне, которые выезжают на работу в страны постсоветского пространства, в том числе и в Республику Беларусь. Специалисты отмечают понижение числа эмиграции высококвалифицированных специалистов и ученых. По данным Росстата, количество выехавших из России лиц указанных категорий уменьшилось почти в 2 раза. Во столько же раз увеличилось число выехавших

с целью временного трудоустройства. Эмигранты сохраняют, в данном случае, в России жилье, регистрацию и гражданство для последующего поддержания родственных связей.

В рамках функционирования Союзного государства продолжается деятельность по развитию единого миграционного пространства и функционирования единой системы мобильности трудовых ресурсов, единой социально-трудовой сферы. С учетом совокупности характеристик миграции формируются подходы Союзного государства к управлению процессом перемещения населения и его воздействие на общество. Взаимоотношения России и Беларуси как стран-партнеров Союзного государства на сегодняшний день являются одной из форм интеграции на территории постсоветского пространства и задают динамику развития другим интеграционными образованиями. В частности, одной из наиболее перспективных и активно развивающихся международных форм интеграции на территории бывшего СССР является Евразийское экономическое сообщество. Договор о Евразийском экономическом союзе (далее ЕАЭС) вступил в силу с 1 января 2015 г. На сегодняшний день в состав ЕАЭС, кроме Российской Федерации и Республики Беларусь, входят Республика Казахстан, Республика Кыргызстан и Республика Армения. Между государствами ведется работа по формированию и качественному функционированию договорной базы, которая устанавливает наиболее благоприятные условия и предоставляет широкие права в сфере трудовой миграции [6]. Современные условия развития взаимосвязей государств-участников Евразийского экономического союза предполагают и нацелены на формирование, совершенствование и унификацию правового поля трудовых правоотношений на территории стран-участниц договора.

Литература

1. Василевская И.В. Трудовая миграция на постсоветском пространстве: опыт Союзного государства России и Беларуси // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 7. С. 80–85.
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=2971> (дата обращения 1 февр. 2019).
3. Учителя – 660 рублей, врачи – 970. Как отличаются мартовские зарплаты бюджетников // FINANCE.TUT.BY. 28 апр. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.tut.by/news541259.html> (дата обращения 28 апр. 2017).
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 9 авг. 2018).

5. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.cbr.ru/> (дата обращения 28 апр. 2018).
6. *Василевская И.В.* Проблемы управления процессами трудовой миграции в условиях обеспечения национальной безопасности России // Вестник РГГУ. Серия «Управление». 2013. № 6. С. 97–104.

References

1. Vasilevskaya IV. Labour migration in the post-Soviet space The experience of the Union state of Russia and Belarus. RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series. 2015;7:80-5.
2. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus [Internet]. URL: // <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=2971> (data obrashcheniya
3. Teachers – 660 rubles, doctors – 970. What is the difference in the March salaries of public-sector employees. Finance [Internet]. URL: <https://finance.tut.by/news541259.html> (data obrashcheniya 28 Apr. 2018).
4. Official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation [Internet]. URL: // <http://www.gks.ru> (data obrashcheniya 9 Aug. 2018).
5. Official website of the Central Bank of the Russian Federation [Internet]. URL: // <https://www.cbr.ru/> (data obrashcheniya 28 Apr. 2018).
6. Vasilevskaya IV. Management issues of labor migration in the conditions of ensuring the national security of Russia. RSUH/RGGU Bulletin. Series “Management”. 2013;6:97-104.

Информация об авторе

Ирина В. Василевская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vasilevska@rggu.ru

Information about the author

Irina V. Vasilevskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; vasilevska@rggu.ru

Политизация религиозных сообществ и проблемы межкультурного взаимопонимания в постсекулярной России

Андрей А. Хохлов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, akoklov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема конфликта в сфере культуры между представителями религиозных (православных) активистских групп и художниками contemporary art, а также поддерживающими их общественными кругами. Данная проблема исследуется в контексте утверждения секулярных ценностей, которые не только вытесняют из общественной жизни в частную религиозные представления, но и претендуют на формирование новой светской религии. Существующий антагонизм между религиозным восприятием культуры и секулярными концептами восходит к традициям и идеологии как раннего русского авангарда, так и советского андерграунда с их радикальными установками и театрализованной агрессией. В статье ставится вопрос о роли государственных, церковных структур и СМИ в формировании негативных образов участников экспериментальных художественных групп. Нарастание противостояния между различными общественными кластерами и появление феномена «оскорбления религиозных чувств» объясняется особенностями социально-психологического состояния российского общества, испытывающего растерянность и страх перед резкими социальными изменениями и размыванием прежних культурно-эстетических границ в результате экспансии постмодернистской картины мира.

Ключевые слова: секуляризм, актуальное искусство, постмодернизм, общество спектакля, русский авангард, акционизм, перформанс, экспериментальное искусство, политизация.

Для цитирования: Хохлов А.А. Политизация религиозных сообществ и проблемы межкультурного взаимопонимания в постсекулярной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 153–163. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-153-163

Politicization of religious communities and issues of intercultural understanding in post-secular Russia

Andrey A. Khokhlov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, akoklov@yandex.ru*

Abstract. The paper discusses a conflict in the sphere of culture between representatives of religious (Orthodox) activist groups and artists of contemporary art, and the public circles supporting both sides of the conflict. That issue is studied in the context of the assertion of secular values, which not only oust religious ideas from public life into the private, but also claim to form a kind of secular religion. The existing antagonism between religious perception of the culture and secular concepts goes back to the traditions and ideology both of the early Russian avant-garde and of the Soviet underground, marked with radical attitudes and the atricalized aggression. The article raises question of the role of the state, of church structures and media in the formatting negative image of participants in experimental art groups. The escalation of confrontation between various social clusters, and an emergence of the phenomenon of “insulting religious feelings” is explained through the traits of the socio-psychological condition of Russian society, which is mainly at a loss and fear of drastic social changes and of erosion of the former cultural and aesthetic boundaries as result of the expansion of the postmodern world view.

Keywords: secularism, contemporary art, postmodernism, society of the performance, Russian avant-garde, actionism, performance, experimental art, politicization

For citation: Khokhlov AA. Politicization of religious communities and issues of intercultural understanding in post-secular Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;1:153-163. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-153-163

Эффекты секуляризации

Противоречия между индивидуальным замыслом художника и традиционной религиозной картиной мира существовали во все времена. Но утверждение секулярного мировоззрения в XX–XXI вв. вывело этот конфликт на новый уровень. Э. Гидденс высказывал предположение о возрастании сопротивления рационализму со стороны носителей религиозного сознания по мере углубления в обществе процессов секуляризации. Эта гипотеза сегодня подтверждается многочисленными фактами противостоя-

ния научно-позитивистского и религиозно-мистического мировоззрений, переместившегося из сферы культуры в область политики. В последнее десятилетие нарастает напряженность между религиозным и светским общественными кластерами в России. Серия разнообразных художественных акций (фаллос на Литейном мосту в Санкт-Петербурге группы «Война», дело Pussy Riot, неоднозначно оцениваемые выставки («Осторожно, религия!», «Запретное искусство»), скандалы вокруг художественных проектов режиссера К. Серебренникова, выхода в прокат фильма «Матильда») не просто вошли в топ новостей. Они вызвали серьезное противостояние различных групп интересов и спровоцировали целую серию контракций со стороны представителей религиозных сообществ, общественных организаций и отдельных законодателей.

Причины такого противостояния не сводятся только к столкновению традиционных ценностей с мировоззренческими установками современного, во многом секуляризованного общества. В значительной степени конфликты сторонников религиозной картины мира и представителей светских сообществ являются следствием глубоких социальных изменений, происходящих сегодня под влиянием бурного роста технологий. «Размывание» прежних ценностных структур, утверждение релятивистских установок и усложнение социальных связей в современных обществах способствуют усилению «эрозии» социальной идентичности индивида, вынуждая человека сомневаться в устойчивости собственной социальной самоидентификации. В результате этого процесса формируется травмированная идентичность, которая «включает» механизм психологической защиты. Радикализация ценностных установок и ригидность стереотипов восприятия оппонента обусловлены работой этих защитных механизмов. Поскольку идентичности активистов религиозных групп и представителей сообществ агностиков и атеистов одинаково уязвимы вследствие ускорения процессов секуляризации, то контакты между ними носят конфликтный характер. Доступность и скорость распространения информации провоцируют рост антиклерикальных настроений, который, как правило, возникает, когда люди начинают замечать, что духовенство злоупотребляет властью в различных областях повседневной жизни [1].

Основным субъектом антиклерикального движения в современной России стало актуальное искусство. Весь XX век радикальное искусство ориентировалось на левые идеологические концепты и доктрины, пыталось участвовать в создании нового мира. Эпатаж буржуазии, издевательство над буржуазной и мещанской эстетикой и вкусами было сознательной позицией художников, объявивших войну культурным традициям и обывательскому мировоззрению.

Постепенно складывалась ситуация, когда «современное» стало ассоциироваться исключительно с нигилистическими художественными жестами [2].

Идеологические источники радикального современного искусства

Одним из идеологических источников такого радикализма являются действия политических активистов, арт-пранкеров и протагонистов так называемого «общества спектакля», где революции становятся уделом художников. Г. Дебор полагал, что все, что остается за рамками производства, становится средством потребления [3]. Отсюда гипертрофированная зрелищность современного искусства, интерес к низким жанрам и обценной лексике. Некорректно сводить весь комплекс идей и практик современного искусства к эпатажу. Известна позиция авторов ЛЕФа (Левый фронт искусств – литературная группа левопопутнического толка, существовавшая с перерывами с 1923 по 1929 г.), которые видели себя «инженерами мира», призванными реализовывать идеи коммунизма и управлять сознанием масс. Переделка всего мира – это религиозная установка, которую разделяли большинство художников старого русского авангарда. Вслед за своими предшественниками современные деятели искусства, выбравшие себе путь радикального художественного преобразования мира, преследуют амбициозные и утопические цели: формирование нового восприятия, свободного от прежних стереотипов. Культуролог А. Яхнин [4] пишет о религиозном характере деятельности нынешних радикальных художников, которые наследуют мастерам старого русского авангарда. В отличие от художников-авангардистов начала XX в. объектом воздействия экспериментального искусства становятся сознание и тело человека. Например, акционист П. Павленский в своих художественных практиках стирал грань между искусством и политическим насилием. Характер и смысл радикального искусства определяется его интерпретацией специалистами и подготовленной публикой. Идея, референция обретают силу субъектности и претендуют на самостоятельное произведение искусства.

Ценностные и эстетические причины острых противоречий между различными культурными сообществами в современной России являются важными, но не единственными факторами, которые определяют масштаб и глубину общественного конфликта. Не исследован вопрос о характере взаимосвязей между активистскими группами и структурами РПЦ, проблема целевого манипулирования общественным сознанием в пропагандистских

целях. В настоящее время невозможно полностью отделить фактор религиозных установок в отношении современного искусства от эффекта воздействия на аудиторию пропагандистских кампаний. Проблематично определить и длительность подобного влияния на различные целевые группы. Мы можем лишь предполагать, что продвижение в СМИ темы негативного влияния на традиционные ценности и мораль народа условных западных культурных новшеств способствует невротизации определенной части общества и стимулирует активных членов религиозных групп совершать радикальные действия в отношении воображаемых «хулителей нравственности».

*Динамика роста противостояния между
«традиционалистами» и «радикальными новаторами»
с участием институтов государственной власти*

Проблема «оскорбленных чувств верующих» возникла недавно как побочный результат борьбы государственных структур с политическими оппонентами. В России вопрос об оскорблении чувств верующих приобрел характер борьбы за нравственную чистоту. В качестве метода этой борьбы была использована концептуально-идеологическая модель, закрепляющая за официальной позицией власти право отстаивать «традиционные ценности российского народа» в противовес некой воображаемой системе ценностей, «чуждых» традиционному мировоззрению. К таким ценностям, объявленными «опасными» для морально-нравственного состояния общества, причислена пропаганда нетрадиционной сексуальной ориентации, свобода без ограничений и (с определенными оговорками) политкорректность, понимаемая как угроза национальным идентичностям.

Вслед за этой темой был поднят вопрос об оскорблении религиозных чувств. Поводом для публичного обсуждения проблемы стали выставки российских художников-акционистов с использованием церковной символики. Почва для возникновения конфликта уже была готова: впервые вопрос об оскорблении чувств верующих вылился в масштабный скандал в 2003 г., когда на одной из выставочных площадок в Москве проходила художественная акция «Осторожно, религия!».

В 2005 г. дебаты вызвала выставка «Россия-2», организованная галеристом М. Гельманом. В 2006 г. художники подверглись жесткой критике из-за выставки «Запретное искусство». Эта критика не ограничивалась полемикой в СМИ и социальных сетях. В ряде крупных городов прошли при активной поддержке местных

администраций митинги «оскорбленных верующих», были поданы апелляции в судебные инстанции, организованы кампании по сбору подписей под обращением граждан к властям с призывами вмешаться в ситуацию.

В 2010 г. последовал скандал с еще одной акцией: художник А. Тер-Оганян рубил топором православные иконы, что вызвало резко негативную реакцию РПЦ и возмущение православной общественности. В 2010 г. случился скандал, вышедший за рамки эстетических споров: выставка: «Двоесловие/Диалог» в помещении храма св. Татьяны при Московском университете. Недовольство представителей Церкви было объяснено тем обстоятельством, что художественная акция проходила на территории храма.

По поводу некоторых художественных мероприятий последовали очень резкие высказывания со стороны Патриарха Русской Церкви. В отношении кураторов выставки «Осторожно, религия!» вынесено решение суда, признавшее организаторов виновными в разжигании религиозной и межнациональной розни (ч. 2 ст. 282 УК РФ). Появилось обращение к Патриарху деятелей культуры и искусства. В этом обращении авторы вынесли вердикт, что актуальное искусство находится вне пределов культуры, и его влияние на общество заключается в создании череды скандалов. Это разрушительно и для культуры, и для общества, и для Церкви [5].

Конфликты, вспыхивающие по самым различным поводам между современными акционистами и представителями религиозных общин, со временем превратились в настоящие идеологическое противостояние, в котором приняло участие и государство в лице судебных институтов. Это противостояние усиливалось по мере укрепления связей РПЦ с действующей властью.

Происходила формализация этих отношений, стало нормой в секулярном обществе демонстрировать свою принадлежность к «новой религиозности» с соблюдением обрядов и при широком освещении СМИ. Речь идет об участии Президента, Премьер-министра, членов правительства, глав регионов в разнообразных мероприятиях, организованных Московской патриархией. Эти практики стали распространяться и на низовом уровне. Например, в родном селе тогдашнего Саратовского губернатора Д. Аяцкова – Столыпино – в новом храме он был изображен в виде святого, протягивающего Деве Марии макет этого храма.

Православными активистами предпринимались попытки возбудить уголовное преследование режиссера оперного спектакля «Тангейзер» в Новосибирске, где истцы усмотрели признаки глумления над христианской моралью. Крупный скандал случился по поводу выхода в российский прокат киноленты «Матильда», где в

гротескной форме представлен Император Николай II. В последнем скандале в 2016 г. активное участие приняли депутаты Государственной Думы (Н. Поклонская), представители околоцерковных общественных групп («Сорок сороков», «Союз православных граждан» и др.).

Влияние на культурную политику религиозных активистских групп сегодня является очевидным фактом. Активисты в борьбе со своими идеологическими оппонентами применяют разнообразные методы. В ряде случаев участники околоцерковных сообществ прибегают к силовым акциям, чтобы добиться своих целей. Можно привести примеры попыток срыва спектаклей «Идеальный муж» и «Братья Карамазовы» К. Богомолова во МХАТе, премьеры документальных фильмов на тему ЛГБТ, выхода в прокат произведений авторского кинематографа, как случилось с лентой «Левиафан» режиссера А. Звягинцева. Галерист М. Гельман был вынужден перенести дату открытия выставки современного искусства «Иконы» под давлением православных активистов Петербурга. Позднее галерист вынужден был перенести свои художественные проекты за пределы России в Черногорию.

В Заявлении Межрелигиозного совета «Об опасности осквернения священных символов», опубликованном на официальном сайте МП РПЦ [6], речь идет об осуждении чрезмерного увлечения творчеством, ультралиберальными идеями и ценностями, признаваемыми церковными кругами кощунственными. Среди виновных в духовном развращении народа названы режиссеры, журналисты и литераторы.

Социально-политические факторы противостояния религиозных активистов и светских культурных сообществ

Логика периодически вспыхивающих конфликтов на культурной почве объясняется теорией Г. Дебора об «обществе спектакля» с одним дополнением: сюрреалистические картины споров и публичных столкновений сторонников церковных и традиционных ценностей не только с условными «либертарианцами» от искусства, но шире – с представителями светских культурных сообществ являются результатом как общественной реакции на возрастание социальной сложности и информационной открытости, так и продуктом целенаправленных пиар усилий властных структур по обеспечению политической стабильности в России. В этих условиях радикальное искусство и в целом многие экспериментальные художественные практики обречены стать «сакральной жертвой» ради политической конъюнктуры.

Обзор событий последних нескольких лет, связанных с борьбой религиозных сообществ и сторонников современного радикального творчества, свидетельствует, что мы имеем дело не с глобальным конфликтом архаизированного религиозно-мистического мировоззрения с современными, светскими формами культуры. Речь идет о «гибридном» характере конфликта, в котором весьма заметны корпоративные, политические и даже коммерческие интересы всех вовлеченных в этот конфликт сторон. В качестве оружия в этом противостоянии применяются идеологические и эстетические установки, оценки конкретных событий, спровоцировавших большой общественный резонанс.

Достаточно устоявшиеся, консервативные ценности большинства населения могут послужить средством политического манипулирования общественными настроениями в интересах той или иной властной группы или активной контрэлитной корпорации. Соблазн выбора данной политической стратегии особенно велик в контексте успешного использования религиозного фактора для достижения вполне конкретных политических целей в ряде государств исламского мира.

Ярковыраженная театральность действий активистов религиозных сообществ ставит под сомнение стихийность данных выступлений. Фактически весь патриотический пафос и моральный ригоризм противников актуального искусства сводится к стремлению произвести впечатление на растревоженных информационной войной в СМИ граждан. Здесь уместно привести знаменитое саркастическое высказывание С. Сонга: «Борьба с врагами Христа и проклятыми художниками заканчивается фотографией на странице популярного интернет-журнала» [7 с. 26].

Несмотря на то что противники современного радикального и экспериментального творчества претендуют на массовость, далеко не все представители церкви и религиозных культурных организаций разделяют эту позицию. Ряд священнослужителей РПЦ восприняли кампанию против современного искусства как политическую ошибку церковного руководства. Одним из таких «диссидентов» внутри Московской патриархии, который отмежевался от обвинений художников в сатанизме, стал дьякон А. Кураев. Участие государства в конфликте не ограничивается уголовными делами. Параллельно идет и ужесточение цензуры. Обвинительный тон и резкость взаимных оценок показывают, насколько стремительно развивается конфликт в российском обществе.

Выводы

Анализ представленных в обзоре кейсов мировоззренческого конфликта приводит нас к выводу о «гибридном» характере столкновения интересов групп религиозных консерваторов и адептов радикальных форм искусства. В этом конфликте активно участвуют различные политические силы, пытающиеся добиться общественной консолидации в условиях кризиса в отношениях России и Запада, подменяя политические разногласия с оппонентами идеями о глобальном столкновении противоположных систем ценностей.

Социальными триггерами в этом псевдо-конflikте выступают общественные и религиозные сообщества, а объектом пиар-атаки являются сексуальные меньшинства, нетрадиционные культы, воображаемые противники (пятая колонна, иностранные агенты, деструктивные элементы). В эту компанию включены приверженцы контемпорари-арт, организаторы перформансов и художники-акционисты. Сами представители современного искусства сознательно идут на обострение ситуации. И не всегда причиной такой стратегии является коммерческий интерес (привлечение внимания к своему творчеству).

Мы согласны с гипотезой Б. Гройса, что современное русское искусство (совриск) прямо не наследует идеологически старому авангарду с его претензией на новую религиозность и социальную эсхатологию. Нынешние актуальные художники выросли из советского неофициального искусства – андерграунда, с «множеством частных индивидуальных утопий, каждая из которых, однако, несет в себе полный заряд нетерпимости по отношению к другим» [8 с. 110–111]. Эта претензия на аристократическую исключительность, свойственная советскому андерграунду, воспроизводится сегодня в позиции адептов «совриска». Взаимная нетерпимость и готовность к дальнейшей радикализации своих действий вместе со склонностью к театральным эффектам и агрессивной публичности сближает образы противоборствующих культурно-политических группировок, делая их почти неразличимыми для постороннего наблюдателя.

Постепенное утверждение в политическом и общественном дискурсах постмодернистских концептов о равенстве высказываний и снижении влияния на общество безусловных нравственных авторитетов способствует «включению» защитных социально-психологических механизмов у части российского социума, испытывающего стресс в условиях эрозии мировоззренческих стереотипов и «размывания» границ прежних этических и эстетических норм. Поиск устойчивости и определенности в хаосе идей

и образов современного «общества спектакля» является драйвером активности религиозных организаций и групп.

Победа секулярных идеологических установок в мире привела к полному вытеснению из сферы культуры религиозных, церковных паттернов. Религиозности отведено место в личном и семейном пространстве человека. Триумфальное шествие по земле секуляризма как светской религии будет побуждать многочисленных сторонников традиционного мировоззрения к активному сопротивлению и отстаиванию своей позиции самыми радикальными способами.

Литература

1. *Scribner R.W.* Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany. L.: Continuum International Publishing Group, 1987. 379 p.
2. *Великая Н.М., Голосеева А.А.* Актуальное искусство в культурном пространстве современной России: социологическое измерение // Вестник РГГУ. Серия «Социологические науки». 2013. № 2 (103). С. 29–44.
3. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 1999. 224 с.
4. *Яхнин А.* Антиискусство: Записки очевидца. М.: Книжица, 2011. 320 с.
5. ДОКУМЕНТ: Что общего у РПЦ МП с этим антиобщественным явлением? Обращение деятелей культуры к Патриарху Кириллу по поводу выставки «Двоесловие/Диалог» // Портал Кредо.Ру. 21.06.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=78385> (дата обращения 15 янв. 2019).
6. Заявление Межрелигиозного совета России об опасности осквернения священных символов // Официальный сайт Московского патриархата. 26.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4016951.html> (дата обращения 15 янв. 2019).
7. *Сонтаг С.* Смотрим на чужие страдания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 96 с.
8. *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 166 с.

References

1. *Scribner RW.* Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany. London: Continuum International Publishing Group, 1987. 379 p.
2. *Velikaya NM., Goloseyeva AA.* Contemporary art in the cultural space of modern Russia. Sociological approach. *RSUH/RGGU Bulletin*. 2013;2 (103):29-44. (In Russ.)
3. *Debor G.* Society of the performance. Moscow: Logos Publ.; 1999. 224 p. (In Russ.)
4. *Yakhnin A.* Anti-art. Notes of an eyewitness. Moscow: Knizhitsa Publ.; 2011. 320 p. (In Russ.)
7. DOCUMENT: What does the ROC MP have in common with this antisocial phenomenon? Appeal of cultural figures to Patriarch Kirill about the exhibition

- «Dvoeslovie / Dialogue». Portal of Credo. RU [Internet]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=78385> (data obrashcheniya 15 Jan. 2019). (In Russ.)
6. Statement of the Interreligious Council of Russia on the danger of desecration of sacred symbols. The official website of the Moscow Patriarchate [Internet]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4016951.html> (data obrashcheniya 15 Jan. 2019). (In Russ.)
 7. Sontag S. Looking at the suffering of others. Moscow: Ad Marginem Press, 2014. 96 p. (In Russ.)
 8. Groys B. Gesamtkunstwerk Stalin. Moscow: Ad Marginem Press, 2013. 166 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей А. Хохлов, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; akoklov@yandex.ru

Information about the author

Andrey A. Khokhlov, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; akoklov@yandex.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 15.03.2019.
Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Уч.-изд. л. 8,3. Усл. печ. л. 10,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 543

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru